

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences
Faculty of management, Belostok Technical University
Penza State Technological University

HISTORY, LANGUAGES AND CULTURES OF THE SLAVIC PEOPLES: FROM ORIGINS TO THE FUTURE

Materials of the III international scientific conference
on November 25–26, 2014

Prague
2014

History, languages and cultures of the Slavic peoples: from origins to the future: materials of the III international scientific conference on November 25–26, 2014. – Prague :Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 122 p. – ISBN 978-80-87966-74-7

ORGANISING COMMITTEE:

Volkov Sergey Nikolayevich, doctor of philosophy, professor, head of philosophy department in Penza State Technological University.

Doroshin Boris Anatolyevich, candidate of historical sciences, associate professor of the philosophy department of Penza State Technological University.

Sapik Miroslav, PhD, the associate professor, prorector of Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences.

Kashparova Eva, PhD, research associate at University of Economics in Prague.

Cherevach-Filipovich Katazhina, doctor of political sciences, assistant manager of the department of economy and social sciences in the faculty of management at Belostok Technical University.

Ivanovska Bozhena, doctor of arts in the field of social science in the Institute of philosophy and sociology of Polish Academy of Sciences.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of history, languages and cultures of the Slavic peoples. Some articles deal with questions of historical development and interaction of the Slavic peoples. A number of articles are covered problems of spiritual culture and arts of Slavic peoples. some articles are devoted to issues of languages and culture of Slavic and other peoples in the context of modern transformation.

УДК94(367)

ISBN 978-80-87966-74-7

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2014.
© Group of authors, 2014.

CONTENTS

I. HISTORICAL DEVELOPMENT AND INTERACTION OF THE SLAVIC PEOPLES, LANGUAGES AND CULTURES

Багновская Н. М.

О происхождении этнонима «Севера» 6

Бекасова Е. Н.

Церковнославянский язык как фактор формирования менталитета
русской нации.....12

Зубенко С. Ю.

Перевод манускрипта Войнича16

Борисова А. В.

Этнокультурные предпосылки формирования лексических
и фразеологических единиц в русском и польском языках21

Смирнова Н. Г.

С. М. Соловьёв об историческом взаимодействии польского
и русского языков..... 26

Шадрина Т. С.

Польская составляющая в корпусе загадок русского населения Литвы..... 29

Волков П. Н.

Территориальные аспекты взаимоотношений Венгрии и Румынии
с Украиной на рубеже XX–XXI вв. 32

Иванова Т. Ю.

Россия-Болгария: становление и развитие отношений во время
турецкого владычества 35

II. SPIRITUAL CULTURE AND ARTS OF SLAVIC PEOPLES

Sapík M.

Identita a slovanská tradice40

Антипов М. А.

К вопросу об этнической идентичности древних славян 44

Гончаров С. А.	
Сравнительный анализ древних и современных представлений о пандемониуме восточных славян	47
Дьяченко О. Н.	
Существует ли сегодня феномен двоеверия	52
Дорошин Б. А.	
Антропокосмический гуманизм русской культуры	54
Жирнов А. В.	
Фоносемантические особенности ранней лирики В. Шимборской	58

III. LANGUAGES AND CULTURE OF SLAVIC AND OTHER PEOPLES IN THE CONTEXT OF MODERN TRANSFORMATION

Исмаилова С. Н.	
Теоретическое обоснование изучения вербальной репрезентации фразеологической картины мира	61
Арсеньева О. Ю.	
Языковая личность как объект лингвистических исследований	68
Илиева А. А., Ярмингина И. В.	
Русские заимствования в восточном наречии марийского языка (лексико-семантическая группа «Трудовая деятельность»)	74
Тарасова Е. Б.	
Прагматика осуществления речевого акта нейтрального совета в немецких художественных текстах	76
Кишиневская М. А., Кузнецова Е. В.	
Бинарный подход при обучении детей русскому языку как иностранному	79
Drapak O. Z.	
Degrees of comparison of adjectives as a component of actively common lexical composition of Ukrainian language of post-soviet period and as an object of learning of foreigners	83
Карпова Е. Г.	
Православные песнопения как путь приобщения к культуре славянских народов (<i>на примере реализации проекта «Песнопения православной Чехии» в ДМШ им. Б. В. Асафьева</i>)	91
Егоров П. М.	
Законодательство республики Саха (Якутия) по охране культурных ландшафтов	94

Карпухина А. Н., Нечаева Е. А.

К вопросу о процессе заимствования в России иностранных информационных технологий	98
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Узбекистана, Украины и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2015 году	100
Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan, Uzbekistan, Ukraine and Czech Republic on the basis of Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» in 2015.....	106
Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání» Information about the journals «Sociosphere» and «Paradigmatapoznání» Издательские услугиНИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	112
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	118

I. HISTORICAL DEVELOPMENT AND INTERACTION OF THE SLAVIC PEOPLES, LANGUAGES AND CULTURES

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМА «СЕВЕРА»

Н. М. Багновская

*Доктор исторических наук, профессор,
Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова,
г. Москва, Россия*

Summary. The article summarizes the main findings of the study of literature and sources, there are different interpretations of the origin of the name of one of the East Slavic tribes – severs.

Keywords: chronicles of the «severs»; tribal Union; the steppe tribes on the Left Bank of the Dnieper river; the ancient written sources; «savirs-severs»; the movement of the proto – Bulgarians.

Происхождение названия одного из племён Начальной летописи «севера» пытались объяснить очень давно. В «Описании всех обитающих в Российском государстве народов...» термин «севера» трактуется как «всадники, воюющие на конях», а само племя относится к «славянскому колену», связанному своим происхождением с сарматами (савроматами) [12, с. 233]. Иногда приводилось объяснение названия «севера» по созвучию со стороной света, но такое толкование большинством исследователей признаётся неудовлетворительным [22, с. 195].

В ряде древних письменных источников встречаются названия племён, локализующихся в степном Левобережье Днепра, которые большинством исследователей истории Северной земли так или иначе связывают с летописной северой [6, с. 3–4; 3, с. 9–10; 10, с. 39–40; 20, с. 340; 19, с. 71–76]. Это меланхлены-черноризцы или савроматы Геродота, савиры или савары Птолемея, Стефана Византийского, Приска Паннонского, саврики Певтингеровых таблиц, сообщения Гвидо Равенского о государстве роксоланов, савриков и савроматов в Причерноморье и упоминание Географа Баварского свирян в числе прочих племён. В. В. Мавродин считает, что эти племена были, несомненно, сарматскими [10, с. 39]. Такое мнение подтверждается и исследованиями лингвистов, которые показали, что гидронимы лесостепного Левобережья «сев» и «сава» могут восходить к восточноиранскому «seu» – «чёрный» [21, с. 226]. К восточноиранским по происхождению относятся так же названия многих рек современной Полтавщины:

Ворскла, Псёл и его приток Хорол, Снепород – приток Сулы и другие [24, s.76; 18, с. 38–42, 55–58, 61–63, 84]. В. В. Седов видит наиболее приемлемое объяснение племенного названия «севера» в тесных контактах славян с населением лесостепного Левобережья, говорившим на восточноиранских языках [17, с.130, 131; 16, с. 98–100]. Но название «севера» известно не только у восточных славян, а также у западных и южных.

Балканский полуостров до появления на нём славян в V в. н. э., как известно, был заселён древними племенами иллирийцев и фракийцев. По свидетельству Константина Багрянородного, в середине VII века вся провинция Византийской империи на Балканах ославянилась и стала варварской. Известно, что среди славянских переселенцев на Балканы были группы склавинов и антов.

Северы бассейна Дуная известны в связи с деятельностью протоболгарского хана Аспаруха – основателя первого болгарского государства на Балканах (680–1018) [23, с. 77; 2, с.172–173]. Вопрос о связях северы с болгарами Аспаруха заслуживает особого внимания. В конце IV в. н. э. кочевые племена гуннов появились в Крыму и в степях северного Причерноморья. Гунны объединили вокруг себя множество народов: угров, алан, болгар, германцев. По сообщениям Иордана гунны вначале подчинили себе алан, а затем напали на готов. Иордан называет в Причерноморье булгар (болгар) и различные гуннские племена: «...над Понтийским морем места расселения булгар ...А там и гунны, как плодовитейшая поросль из всех самых сильных племён, закишили надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альциагирами, другие – савирами, но места их поселений раздельны ...летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечёт их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю» [8, с. 72]. Из сообщений Иордана и Прокопия Кесарийского [8, с. 90–91; 14, с. 384–388] явствует, что гунны заняли южный берег Крыма после вторжения через Керченский пролив в Тавриду. Но кочевья их простирались за пределы Крыма и достигали степей нижнего Дона, где, очень возможно, и располагались савиры. По сведениям Иордана, гуннские племена имели отдельно места своих поселений (альциагиры близ Херсонеса), а где находились поселения савиров, Иордан не указал. Савиры, вероятно, не были собственно гуннским племенем, а входили в союз гуннских племён. Они могли быть аланами по происхождению, ведь аланские племена издревле обитали в Приазовье и несколько севернее. Иордан же говорит, что гунны вначале покорили алан, затем готов, т. е. для готов все племена, входившие в гуннский союз, были гуннскими, тем более что и аланские и гуннские племена были кочевыми скотоводами, близкими по образу жизни [1, с. 54–59].

Вероятно, в период гуннского владычества значительная часть аланских племён была ассимилирована тюркоязычными племенами или стали говорить на тюркских языках. Характерно, что в ряде тюркских и некото-

рых кавказских языках термин «Са», «сев» выступает в том же значении «чёрный», что и в иранских языках «seu»: «sevugri» – чёрные угры, «savardic» – чёрные сыны, «savt» – наименование современных балкарцев, которые являются потомками чёрных болгар.

В. В. Мавродин считает, что «савиры» и есть «чёрные болгары», которые «издавна оседали в Северной земле, растворяясь среди местного земледельческого славянского населения, заимствуя его язык» [11, с. 36–37; 10, с. 40]. Не возражая против мнения, что чёрные болгары могли осесть среди земледельческого населения лесостепного Левобережья, о чём свидетельствуют древние тюркские имена черниговских «былей», «Слова о полку Игореве», правомерно задать вопрос: было ли это земледельческое население славянским? В настоящее время археологами признаётся достоверно славянской на Левобережье Днепра роменская культура VIII–X вв. В V–VI вв. вряд ли можно говорить о славянском населении на Левобережье Днепра (хотя отдельные поселения славян не исключены). Вероятно, к югу от Десны и Сейма, по Суле, Пслу, Ворскле обитало оседлое ираноязычное население, близко соприкасавшееся и смешивавшееся с различными гунно-болгарскими племенами. Часть этого населения была втянута в походы гуннов, болгар и других кочевых народов. Осев в Подунавье, они оказались в тесном соседстве со славянами и со временем славянизировались. Феофан, сообщая о победе Аспаруха, пишет; «...они (болгары) овладели живущими здесь (нижний Дунай) семью племенами славян и поселили северян на восточной стороне в береговых теснинах, а прочих, обложив данью, поселили к югу и западу до самой Аварии» [4, с. 33]. Феофан отличает северян от «настоящих» славян, называет их отдельно. Видно особое отношение к северянам и победителей-болгар; в отличие от прочих славянских племён северян не обложили данью. А это очень существенный момент, значит, к ним относились не как к побеждённым иноплеменникам, а иначе, можно сказать, «по-родственному». Может быть, севера Днепро-Дунайская имеют общее имя в связи с общим восточноиранским (сармато-аланским), а позднее болгаро-аланским субстратом.

Переселённые Аспарухом в район Видина, северы положили начало возникшему в конце X – нач. XI вв. Северскому или Краёвскому княжеству. Впоследствии это территория Валашского государства. Память о северах сохранилась здесь еще в XVIII веке – существовал «бан Северский и Краевский» [10, с. 37].

Вскоре после вытеснения дунайских северов с района Преслава на Днепро-Дунайском Левобережье появляется население, оставившее памятники роменской (северской) культуры VIII–X вв. с г. Переяславом, зафиксированным впервые под 907 г.

Исходя из этого, а также на основании данных топонимии и гидро-нимии О. С. Стрижак выдвигает предположение, что название «севера» появилось на Балканах в связи с движением протоболгар за Дунай. Носи-

тели этого наименования, вероятно, вскоре ослабялись. Под давлением завоевателей племенное объединение северов раскололось и дало начало одноименным племенам в бассейнах Десны, Вислы и Дуная [19, с. 71–76].

Высказывая такое предположение, О. С. Стрижак несколько не отрицает господствующей тенденции движения славян на юг. Но подчёркивает, что это бурное движение не было однородным, а само название реки «Десна» указывает на поступательное движение славян в этом районе не с севера на юг, а с юга на север, что отмечал ещё А. А. Шахматов.

Думается, что предположения О. С. Стрижака о происхождении названия «севера» и о генетическом родстве дунайских северов и северов бассейна Десны-Сейма-Сулы не лишены основания. Правда, название реки Десна вряд ли может служить аргументом, особенно для лингвиста. Далеко не все лингвисты разделяют мнение о славянском происхождении названия Десна. Сам по себе факт, что левый приток Днепра назван правым, вызывает сомнение. Вероятно, древние славяне не хуже нас знали, в каком направлении текут такие крупные реки, как Днепр и Десна, и не допустили бы такой грубой ошибки. В. П. Петров рассматривает название реки Десна как двухчленный гидроним «Де-сна», где вторая часть восходит к балтийской лексеме со значением «река» [13, с. 57–58]. Согласно археологическим данным, дославянское население лесной полосы Левобережья, вероятнее всего, было балтским.

В. В. Мавродин также приводит сведения из «Хронографа» Феофана, согласно которым ряд гидронимов и топонимов в Добрудже, где в VII веке известны северы, аналогичны названиям некоторых рек и населённых пунктов на территории восточнославянских северов [10, с. 38]. Правда, основная концепция о связи дунайских и днепровских северов у В. В. Мавродина иная, чем у Стрижака. Он сторонник очень древнего освоения славянами Левобережья Днепра и считал, что «северяне на Дунае являются выходцами из земель восточнославянских северян». В то же время Мавродин не отрицал возможности обратного движения северян с юга на север [10, с. 37, 41], но считал древнюю северу славянами, которые продвигаясь на юг в гуннское время, «тюркизировались», а затем, в послегуннское время, это тюркизированное население снова было оттеснено на север, где растворилось в массе славян. Это построение Мавродина выглядит несколько искусственно, хотя рациональное зерно в нём есть. Как свидетельствуют археологические материалы, древнейшим населением (дославянским) лесостепного Левобережья были ираноязычные племена (зольничная культура «скифов-пахарей»). На севере они тесно соприкасались с населением деснинской (юхновской) культуры; на юге, несомненно, имели контакты со своими кочевыми соседями. Начиная с IV в. кочевники сарматы проникают в область между Доном и Днепром [9, с. 349–352]. Возможно, в гуннское время это население было зависимо от каких-то кочевых племён, а его древняя знать происходила как раз из среды «савилов» – чёрных бол-

гар. Возможно, они оставили о себе память в названии Чернигова, в легендах о Чёрной Могиле, о князе Чёрном и княжне Чорне», в именах черниговских «былей» [10, с. 40], в курганах со срубными погребениями IX–X вв. на Черниговщине и многом другом [11, с. 36–37].

По всей видимости, часть населения, известного по письменным источникам под именем савиров-северов, приняла участие в движении протоболгар на Дунай, где со временем растворилась в славянской среде. Севера лесостепного Левобережья тоже со временем славянизировалась – с VII века восточнославянские племена начинают активно продвигаться по Десне, в верховья Днепра, а затем осваивают лесостепные районы Левобережья. Вполне возможны и обратные движения каких-то групп северы с Дуная на Левобережье Днепра, как предполагает О. С. Стрижак. Но это были, вероятнее всего, отдельные группы, может быть, дружины воинов, но не масса земледельческого населения. Эти наиболее подвижные и активные элементы общества часто как бы определяли внешний облик целых племён и народов, особенно для иноплеменников. Не случайно в «Описании всех обитающих в Российском государстве народов» название «севера» толкуется как конные всадники, воинственное племя, хотя это относится, по-видимому, только к незначительной части древней северы, давшей название нескольким объединениям, в том числе и племенному союзу восточных славян. В связи с таким толкованием следует отметить, что персидское «sevar sevor» значит «верховой всадник», «конник», а турецкое «savar» – «всадник» [15, с. 182]. Возможно, земледельческое население при первых столкновениях с кочевыми племенами так именovalo всех кочевников. Так, в частности, Константин Багрянородный говорит, что древнее имя турков – савары [7, с. 17]. При этом следует иметь в виду, что Константин Багрянородный, а также Феофан называли турками не собственно тюрок, а мадьяр (угров), так как они усвоили тактику действительных тюрок и применяли её в военных действиях [7, с. 51]. Всё это свидетельствует об определённой условности этнонимов, известных нам из древних письменных источников. Но как бы ни толковали лингвисты происхождение названия «севера» – от иранского «seu» или «sevar sevor» – для нас важно то, что происхождение этого наименования очевидно связано с сармато-аланским или алано-болгарским населением.

Библиографический список

1. Аммиан Марцеллин о кочевых народах Придонья в IV в. н. э. // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века : учеб. пособие / под ред. М. Н. Тихомирова; сост. Л. В. Милов, А. И. Рогов. – М. : Соцэкгиз, 1960. – С. 54–59.
2. Артамонов М. И. История хазар. – Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
3. Багалея Д. И. История Северской земли до половины XIV ст. – Киев, 1882.
4. Брайчевский М. Ю. Об «антах» Псевдомаврикия // Советская этнография. – 1958. – № 2.
5. Восточнославянская ономастика. – М. : Наука, 1972.
6. Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV ст. – Киев, 1881.
7. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // Известия ГА-ИМК. – М. – Л., 1934. – Вып. 91.
8. Иордан о происхождении и деяниях гетов (гетика) / пер. и комм. Е. Ч. Скрижинской. – М. : Изд-во «Алетейя», 2013. – 512 с.
9. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. – № 104. – М. – Л., 1961. – С. 349–352.
10. Мавродин В. В. К вопросу об «антах» Псевдомаврикия // Советская этнография. – 1954. – № 2. – С. 32–41.
11. Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). – Л. : Изд-во ЛГУ, 1940.
12. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб, 1799. – Ч. IV.
13. Петров В. П. Етногенез славян. – Київ : Наукова думка, 1972.
14. Прокопий из Кесарии. Война с готами / пер. с греч. С. П. Кондратьева. – М. : Наука, 1950.
15. Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. – 1949. – Т. II.
16. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. – М. : Наука, 1979.
17. Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. – 1970. – № 163.
18. Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1963.
19. Стрижак О. С. Сіверяни // Мовознавство. – Київ, 1973. – № 1.
20. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1956.
21. Топоров В. Н., Трубачёв О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М. : АН СССР, Институт славяноведения, 1962.
22. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. – М. : Изд-во АН СССР, 1953.
23. История на България. – София, 1954. – Т. 1.
24. Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I. Die Iranier in Sud-rusland. – Leipzig, 1923.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛИТЕТА РУССКОЙ НАЦИИ

Е. Н. Бекасова

Доктор филологических наук,
доцент,
Оренбургский государственный
педагогический университет,
г. Оренбург, Россия

Summary. In this article is considered the problem of mentality of the Russian people which is formed due to receptions of Christianity of the Byzantine edition by means of the translations of the Bible executed by Kirill and Mefodiy. The proximity of systems of old Slavic and East Slavic language and support at the state level caused acceptance of spiritual achievements of mankind by Russia and formation of mentality which peculiar refracted during the different historical periods.

Keywords: old Slavic language; Church Slavonic language; mentality; Russian nation.

Во второй половине IX в. (предположительно в 862 или 863 гг.) произошло одно из самых важных событий в истории славян – возникновение древнейшего литературно-письменного языка славян, который обычно называют старославянским языком. Ряд историко-культурных обстоятельств определил особую роль в славянском мире языка переводов Библии, выполненных Кириллом и Мефодием, а также их учениками.

Появление переводов Библии на славянский язык стало прецедентом, нарушавшим трехязычную доктрину – старославянский язык стал четвертым языком, на котором разрешалось прославлять Бога. В конце IX–X вв. старославянский язык становится международным языком, позволившим славянам приобщиться к мировой цивилизации и культуре без потери самосознания: «Сбылось пророчество: *«Во оны дни услышат глусии словеса книжная, и яснь будет язык гугнивых»* [4, с. 53]. Все это не могло не отразиться на самооценке славян и на их определении своего места в расширившемся благодаря старославянскому языку духовном и культурном пространстве: официальный язык Церкви стал «мощным орудием прививки византийской духовной культуры к славянскому племени» [7, с. 127–128].

Однако вскоре славянский мир раскалывается на два ареала: *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*. Тем важнее становится роль кирилло-мефодиевских традиций в мире *Slavia Orthodoxa*, который осознает не только трагичность раскола, но и важность старославянского языка как символа родства и единства духовности славянства. В этот период восточные славяне, в отличие от болгар, сербов, македонцев, обладали

мощной государственностью, способной защитить и взлелеять всеобщее культурное достояние. Это повышало и их меру ответственности за судьбу старославянского языка.

Важно отметить, что восточные славяне изначально воспринимали старославянский язык (южнославянский в своей основе) как «свой словенский язык». Ощущение его чуждости появится значительно позже, в XVII–XVIII вв., когда сакральный язык, скованный «прокрустовым ложем» канонических текстов Священного писания, значительно отстал в языковом развитии от «иногo языка». Тогда и станут актуальными знаменитые изречения протопopa Аввакума: «люблю свой русский природный язык», «не презрите просторечие наше», «не унижайте своего языка русского». Но уже к этому времени целый ряд генетических старославянизмов был усвоен и ассимилирован русским языком в такой степени, что они не воспринимались носителями как нерусские. В Киевской Руси значимость старославянского языка и его «сродность» восточнославянскому языку утверждалась и бытовавшими авторитетными источниками. В частности, в «Житии Кирилла» описывается обретение первоучителем славян Кириллом в Хазарии Псалтири, которая «рушьскими письмены писано».

Очевидно, что потребности развивающегося самосознания в Киевской Руси были неразрывно связаны со старославянским языком, а затем и его продолжением – церковнославянским языком русской редакции, так как Библейские Книги, помимо своей конфессиональной миссии, имели существенное философско-просветительское значение для бывших язычников, приобщавшихся к культурному наследию цивилизации [2]. И. И. Срезневский первым указывал на определяющее значение «развития уже не самого языка в его материальной форме, а мысли, выражающейся в языке» [6, с. 99], поэтому, по его мнению, в Киевской Руси «от самого прилива новых идей с христианством должны были измениться прежние понятия обо всём; таким образом, понятия и вся образованность народа должна сильно поколебаться и по тому самому должен был начать сильно изменяться строй языка» [6, с. 106]. Отсюда мотив нового, но не последнего и ветхого мощно звучит уже у Илариона, который всё свое гениальное Слово выстраивает на контрасте Закона и Благодати – ветхого и нового, «старых» и нового народа, принявшего христианскую веру: *«не вливают бо вина новааго учения благодетьна въ мехы ветхы ... Нъ ново учение – новы мехы, новы языки!»* [5, с. 38].

Мысль язычников пробуждалась в осознании и выдвижении идей о своем месте и роли в мировом процессе, подготавливала почву для созревания собственных патриотических идей, которые в Киевской Руси вылились в представления о славе, всемирной известности и роли Киевской Руси [1], поэтому митрополит Иларион отстаивает значимость своей земли и её великих мужей: *«... мужьствомъ же и храбрѣствомъ прослуша съ*

*странахъ многахъ, и победами и крепостью поминаются ныне и словутъ. Не въ худе бо и неведомее земли владычствоваша, нъ въ Руське, иже ве-
дома и слышима есть всеми четырьми конци земли»* [5, с. 44]. Закрепить эти идеи, передать через пространство и время, вечно хранить возможно было только в результате освоения связанной с христианизацией письменностью. Русь становится хранилищем книжной сокровищницы не только славян, но и греков благодаря необыкновенно трепетному отношению к слову, языку, культуре чтения. Недаром у славян слова «чтение», «почитание», «честь» являются однокоренными.

Церковнославянский язык воспринимается восточными славянами и как средство выражения боговдохновенной правды, поэтому русская ментальность укрепляется на основании вскормленного «своим» родным языком восприятия мира, причём светская культура отодвигается на периферию сознания. Специфику такого сознания объясняет А. М. Панченко на примере древнерусского феномена старообрядчества: «Древнерусский человек в отличие от человека просветительской культуры жил и мыслил в рамках религиозного сознания. Он «окормлялся» верой, как насущным хлебом» [3, с. 65–66].

Монголо-татарское завоевание разорило сокровищницу Древней Руси, задержало стремительное развитие ее духовности, подорвало высокие устремления русского духовенства, которое формируется как своеобразная древнерусская интеллигенция.

В Московской Руси – преемнице Киевской Руси – возрождение культуры первоначально (в XIII–XIV вв.) началось с восстановления собственного книжного наследия и связанного с ним пристального внимания к церковнославянскому языку. Это состояние усугубляется все большей религиозной, политической и экономической изоляцией Руси. В 1553 г. рвётся последняя духовная нить, связующая православных с их «духовной родиной», – Царьград пал. В ответ рождается знаменитая доктрина «Москва – третий Рим», провозглашённая псковским монахом Филофеем. Теория обосновывала историческое значение столицы Русского государства как всемирно-исторического и религиозного центра: «*Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти*». Особость Руси с её миссией спасительницы мира, погрязшего в скверне, ответственность за его судьбу начинает восприниматься чрезвычайно остро. Гипертрофированное чувство ответственности порождает феномен «святости русской души», ее апокалиптичности и «неотмирности». Утверждение особости проповедуется средствами церковнославянского языка и ставшим в результате восприятия его духовности и высокой семантики «двумерным» русским языком, который входит в плоть и кровь образованных людей.

Это отречение от всего физического и материального, превалирование «духовного», многократно повторяемого и читаемого в

излюбленных русским народом Псалтири, Прологе, Евангелии, выливалось в различное содержание – от высокого патриотического пафоса Древней Руси до идеологических крайностей марксизма-ленинизма. И если перефразировать высказывание И. И. Срезневского о том, что «народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем», то, видимо, можно говорить и об обратном – о влиянии высокоавторитетного, сакрального языка на присвоивших его носителей, а следовательно – и на формирование русского менталитета.

Библиографический список

1. Бекасова Е. Н. Летописцы, «сведуще право, глаголют»... (к 900-летию создания «Повести временных лет») // Филологический класс. – 2013. – № 1. – С. 116–120.
2. Бекасова Е. Н. Ум без книг, яко птица спешена // VII межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона» (23 мая 2012). – Оренбург, 2013. – С. 3–11.
3. Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура / Работы разных лет. – СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2005.
4. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / изд-е 2-е, испр. доп. – СПб. : Наука, 1996.
5. Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева и др. – Т. 1 (XI–XII века). – СПб. : Наука, 1997. – С. 26–61.
6. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка / Вступ. ст. С. Г. Бархударова / Изд-е 3-е стереотипное. – М. : КомКнига, 2007. (История языков народов Европы).
7. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 122–139.

ПЕРЕВОД МАНУСКРИПТА ВОЙНИЧА

С. Ю. Зубенко

Преподаватель,
Ставропольский государственный
аграрный университет,
г. Ставрополь, Россия

Summary. The article reveals the question of the translation of an ancient manuscript, the Voynich manuscript. The author offers his solution to this problem and is considering several stages of the text of the manuscript, creating a decryption algorithm of the manuscript, which is based on various techniques. The implementation of these techniques leads to a positive result.

Keywords: translation of ancient texts and manuscripts; the Voynich manuscript.

Манускрипт Войнича – рукопись, написанная на неизвестном языке, неизвестным алфавитом и неизвестным автором – так описывают рукопись в различных источниках информации. Своё название манускрипт получил по имени антиквара Вилфрида Войнича, у которого книга долгое время находилась в библиотеке. В настоящее время рукопись хранится в библиотеке редких книг Бейнеке Йельского университета [3]. Эта загадочная рукопись изучалась как любителями, так и профессионалами криптоанализа, однако расшифровать её не удалось. Поэтому манускрипт стал известным предметом криптологии [7]. Некоторые исследователи рукописи, которые занимались её изучением, приходили к выводу, что это зашифрованное послание [6; 7; 9].

Проблема невозможности перевода манускрипта Войнича до сих пор лежит в неправильном подходе определения звуковой принадлежности тех или иных букв алфавита, которые использовались для написания манускрипта. Разные исследователи [4; 5] ограничивались сопоставлением букв манускрипта с известными алфавитами различных языков, кроме русского. Это не давало должного результата, и рукопись оставалась бессмысленным набором символов.

В данном случае нужно было искать другой подход расшифровки рукописи. Для перевода и осмысления манускрипта Войнича мы применили несколько основных этапов.

Первый этап – определение буквенных символов, соответствующих современным буквам русского языка, и их звуковое соответствие. Классификация буквенных символов манускрипта Войнича с помощью методики сравнения.

Второй этап – выявление и определение основных сочетаний букв, которые участвовали в словообразовательном процессе слов манускрипта.

Третий этап – определение смысловой нагрузки основных сочетаний. Для этого использовалась ЕСЗО (Единая структура звукообразования), разработанная автором и частично представленная в работе «Сакральная геометрия и единая структура звукообразования русского языка».

Четвёртый этап – установка процесса словообразования (от отдельного звука до сложного сочетания букв).

Пятый этап – перевод слов и частей текста манускрипта. Поиски современных соответствий рисункам и схемам манускрипта.

Вся поэтапная работа образовала определённый алгоритм перевода, который мы назвали алгоритм «Звук – Сочетание – Слово – Текст», рисунок 1.

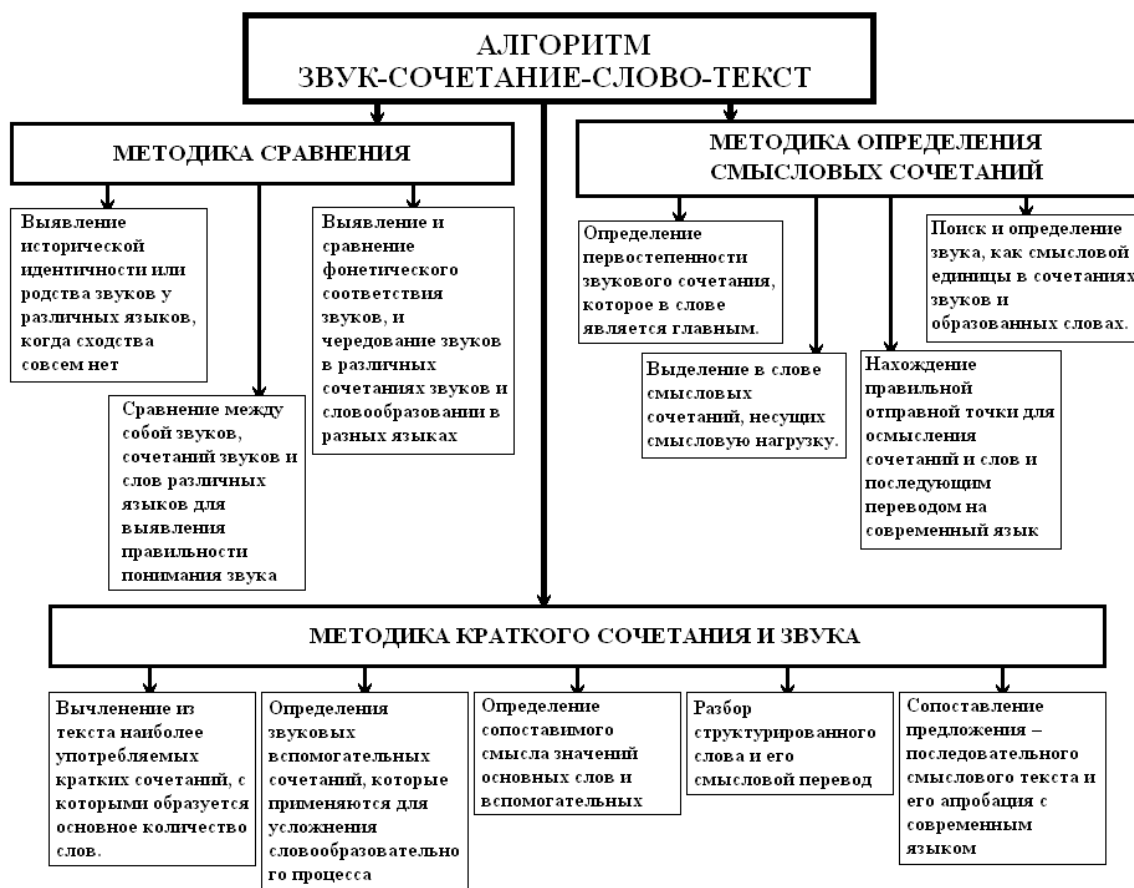
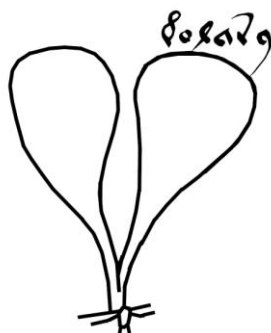

Рисунок 1. Схема алгоритма «Звук – Сочетание – Слово – Текст»

Данный алгоритм позволил нам начать переводить манускрипт Войнича.

Рассмотрим изображение на странице 101v манускрипта [1].

**Рисунок 2. Схема изображения листьев на странице 101v
Манускрипта Войнича**

На схеме изображены листья растения, напоминающие форму булавы. Если учесть то, что в слове **8axa29**, буквы уже определены, получается, что над изображением листьев написано слово – [балаву]. Сочетания: **a29** – удлинение, **8ax** – шар, получается **удлинённый шар**, а именно листья, имеющие булавидную форму. Буквы в этом слове соответствуют звукам «Б», «А», «Л», «В», «У».

Таким образом, исследуя манускрипт, проводя визуальные сравнения и сопоставления, была составлена таблица буквенных символов из манускрипта Войнича относительно современного русского алфавита по звуковой принадлежности символов.

Таблица 1

**Звуковое соответствие букв русского языка
и букв из манускрипта Войнича**

Буквы русского языка и буквенные символы из манускрипта Войнича																
А	Б	В	Г	Д	Е	Ё	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П
а	8	2	?	Ф	\	нет	?	8	с	нет	Н	х	8	д	о	Н
Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я	
с	2	4	9	Ф	х	нет	?	?	нет	нет	нет	нет	с	?	?	

Дальнейшее исследование показало, что при таком соответствии буквенных символов некоторые слова манускрипта становятся ясными на русском языке и без перевода (учитывается древнерусский язык).

Несколько редко встречающихся буквенных символов: **ḡ, ʌ, ꞥ, ɔ, ɔ** остались неопределёнными. Мы предполагаем, что первые три буквы соответствуют звукам: «г», «ю», «ж».

Поиски буквенных сочетаний и сравнения их с ЕСЗО (*Единой Структуры Звукообразования*) значительно ускорили осмысление некоторых слов и сочетаний слов из рукописи. Рассмотрим изображение на странице 88v манускрипта Войнича [1].

**Рисунок 3. Схема изображения корней на странице 88v
Манускрипта Войнича**

На рисунке 3 изображён длинный, тонкий корень растения и дано название **ḡaṛaṛḡaṛ** [бававбам]. Это слово состоит из трёх основных сочетаний **ḡaṛ** – коготь, **aṛ** – длина, **ḡaṛ** – стрела, получается название корневой системы растения – **длинно-стреловидные когти**.

Ботанические названия из манускрипта необходимо начинать переводить не с первого смыслового сочетания, а с последующих, так как они выражают «прилагательную» основу всего слова. Вернёмся к слову **ḡaṛaṛḡaṛ**, где первое сочетание **ḡaṛ** – коготь. Это сочетание и является основным, а значит и будет существительным, остальные сочетания: **aṛ** – длина, **ḡaṛ** – стрела, можно переводить как прилагательные части речи.

Процесс словообразования в языке, на котором написан манускрипт, идёт от простого к сложному, при этом меняя свой смысл. А именно, буква **ꞥ** [ре] имеет смысл «малое или сокращённое до малого», когда пишется перед словом. Пример русского слова «ресничка» – малый волос. Далее, при добавлении к букве **ꞥ** буквы **а**, получается сочетание **ꞥа** [ра], которое означает слово **круг**. И является основным сочетанием в любом слове, где есть подобное сочетание. Если к сочетанию **ꞥа** прибавить **Ꝛ** [л], получаем слово **ꞥаꝚ** [рал] – **поворот** и т. д. Но в каждом новом слове всегда угадывается смысл первоначального основного сочетания букв.

Особенностью языка, на котором написан манускрипт Войнича, является наличие «держательной» буквы **⌘**. В середину её вписываются «большие» буквы **Ⓐ, Ⓜ, ⓕ, Ⓛ, 2**, звучащие как [К], [П], [Ф], [Д], [С] соответственно. Когда данные буквы пишутся отдельно, они являются самостоятельным звуковым объектом, и имеют свой смысл и влияние на образуемое слово. «Большие» буквенные символы, вписанные «внутри» буквы **⌘** являются частью слова и уже не несут самостоятельного смысла.

*Рисунок 4. Схема изображения листьев на странице 100г
Манускрипта Войнича*

На странице 100г манускрипта [1] разбираем слово **2o⌘o2⌘ⓕⓁ** [соровфру] – «завиток листьев». В данном случае в названии имеется сочетание **⌘ⓕⓁ** [– фру], в котором буква **ⓕ** – [ф] вставлена в середину буквы **⌘**. Данное сочетание имеет значение – **завиток**. Если будет сочетание **ⓕ⌘** [фру], буква **ⓕ** вне буквы **⌘**, смысл слова – **завязь**. В русском языке есть слово **фрукт**, которое вполне сопоставливо и со словом **fruit**, английского языка. Но приоритет в поисках алфавита, на котором написан манускрипт можно оставить за древнерусским языком, он значительно старше английского [2].

В результате наших исследований манускрипта Войнича, на данный момент мы составили словарь из более 200 слов, перевели 120 ботанических названий на страницах 88v – 102г, а также некоторые схемы и отдельные предложения. Пришли к выводу, что данная рукопись написана на сокращенно-аббревиатурном языке, который трансформировался из древнерусского языка и может классифицироваться с названием, соответствующим первому слову рукописи **ⓕ⌘Ⓛ2** [фарус], как **Фа-русский** язык.

Библиографический список

1. Манускрипт Войнич. Электронный текст произведения. URL: www.brbl-dl.library.yale.edu.
2. Иванов В. В. Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства. – М., 1954.
3. Barbara A. Shailor. Voynich catalog record (англ.). Yale University Beinecke Rare Book & Manuscript Library.
4. Dennis J. Stallings. Catharism, Levitov, and the Voynich Manuscript. Internet Archive (10 October 1998)
5. James R. Child. Again, The Voynich Manuscript. (англ.) (PDF). Internet Archive (2007).
6. Marcelo A. Montemurro, Damián H. Zanette. Keywords and Co-Occurrence Patterns in the Voynich Manuscript: An Information-Theoretic Analysis (англ.). PLoS One (21 June 2013)
7. Melissa Hogenboom. Mysterious Voynich manuscript has 'genuine message' (англ.). Science & Environment. BBC News (22 June 2013)
8. Pelling, Nick. Voynich Theories (англ.). ciphermysteries.com (11 September 2008)
9. Prostak S. Voynich Manuscript Has Real Message After All, Say Scientists (англ.). Linguistics News. Sci-News.com (4 July 2013).

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

А. В. Борисова

*Аспирант,
Башкирский государственный
университет, г. Уфа,
Республика Башкортостан, Россия*

Summary. The article is devoted to consideration of forming lexical and phraseological units peculiarities. There were analyzed cultural preconditions for corresponding languages units forming in Russian and Polish languages.

Keywords: among them – rites; ceremonies; habits of ancient Slavonic ethnos.

Современный этап развития лингвистической мысли характеризуется повышенным вниманием исследователей к изучению культурной составляющей в языках. В соответствии с данной тенденцией единицы языка рассматриваются с учетом влияния на процесс их формирования и функционирования человеческого фактора, а также соответствующих особенностей внешней среды. Особый интерес представляет изучение ключевых концептов культуры, к числу которых относятся наименования стихий. Рассмотрим, каким образом реализуется культурный потенциал данных стихий в рамках фразеологических единиц (ФЕ) русского и польского язы-

ков. Проведенный семантико-лингвокультурологический анализ лексических и ФЕ, содержащих компоненты – наименования стихий, показал, что в них репрезентированы представления древних народов о соответствующих стихиях.

Земля в русской и польской лингвокультурах представлена в следующих ипостасях:

1. Мать всего живого, кормилица (что находит отражение в семантике следующих лексем русского и польского языков: *пашня, пахота, новь, новина, целина, rola, powina, odłóg, calizna, почва, грунт, дно, grunt, gleba*). Так, в русском и польском языках репрезентировано такое свойство земли, как способность к воспроизводству урожая [3].

2. Место рождения, проживания, семья, род (значения лексем *страда, государство, царство, держава, отечество, отчизна, miejscowość, kraj, państwo, mocarstwo, ojczyzna*). Так, например, перед дальней дорогой русские люди брали с собой горстку родной земли, носили ее на груди, а после их смерти эту землю помещали вместе с ними в могилу. Вернувшись из изгнания или дальних странствий, многие из них вставали на колени и целовали землю.

3. Символ поземельной собственности *владение, надел, posiadłość, posesja, działka*. Глыба и дерн, взятые с поля, представлялись славянам символами матери-земли и символами поземельной собственности. Так, у славянских народов в случае уступки и продажи пашни кусок земли или дерн с них передавались от продающего покупателю в знак смены ее хозяина.

4. Глубокая тарелка, за краями которой, с точки зрения древних народов, находился океан. Представления о форме земли легли в основу семантики фразеологизмов *на край земли, na kraj ziemi*.

5. Ад (что отражено в значениях фразеологизмов *как сквозь землю провалился, провалиться мне сквозь землю, jak pod ziemię wpadł*). Так, древние славянские народы полагали, что место, куда попадают души усопших грешников, находится под землей.

6. Место сохранения чего-л. (*из-под земли достать, зарыть талант в землю, предать земле*). Представления о земле, в соответствии с которыми последняя осмыслялась как место, где хранились денежные сбережения, нашли отражение в функционировании фразеологизма *из-под земли достать*. Так, люди хранили деньги под землей, зарывали их, чтобы избежать от других людей во время войны, а также от стихийных бедствий. Когда крестьянин говорил барину, что у него нечем заплатить налог, подать, барин топал ногами и кричал: «Из-под земли достань да отдай!» Это было вполне понятно обоим.

7. Посмертное пристанище человека. Представления о том, что земля не принимает в свое лоно грешников, репрезентированы в семантике следующих фразеологических единиц: *oby ci (tu) ziemia lekka była, aby, żeby święta ziemia nie posiła, пусть земля (кому) будет пухом, пусть земля поглотит*.

8. Противоположность Небу (что находит отражение в семантике таких ФЕ, как *быть далеким, как небо от земли, как небо и земля, podobne jak niebo do ziemi*). Так, после деления космоса по вертикали небо стало связываться с местом обитания высших сил, земля представляла собой место обитания людей, животных и других смертных. Формирование данных фразеологизмов также связано с представлениями о Небе и Земле как супружеской паре.

9. Объект почитания. Следы подобного отношения к рассматриваемой стихии содержатся во фразеологизмах современного польского языка *nie watr, że go święta ziemia nosi, żeby, bodaj cię święta ziemia nie nosiła*, где земля именуется святой.

Анализ семантики лексических и фразеологических единиц, содержащих компонент *вода / woda* позволяет сделать вывод о том, что данная стихия репрезентирована в следующих формах:

1. «Очищающая» стихия. Представления о воде, обладающей очистительными свойствами, легли в основу фразеологизмов *как с гуся вода, bać się, czegoś, jak diabeł święcony wody*. Так, выражение *как с гуся вода* – часть древней заклинательной формулы, которую произносили родители, купая своего ребенка в бане: «*С гуся вода, уйди худоба (то есть болезнь)*» [4].

2. Неотъемлемый атрибут ритуалов, гаданий (*как в воду глядел, вывести на чистую воду*). Так, например, в древности имел место обряд гадания на воде, согласно которому в ковше с чистой водой можно увидеть прошлое, настоящее и будущее. С этим обрядом и связан тот факт, что в современном русском языке функционирует фразеологизм *как в воду глядел* («знал заранее»). Содержание фразеологизма *вывести на чистую воду* также связано с гаданием на воде, в результате чего можно было увидеть образ человека, который совершил злодеяние [1].

3. Разрушающая, уничтожающая стихия (*хоть в воду броситься, как в воду канул, как водой смыло, zginąć, jak kamień w wodę, jakby w wodę wpadł, готов в огонь и в воду ради кого-л.*).

Огонь в русской и польской лингвокультурах представлен в следующих ипостасях:

1. Источник света (*свет, сияние, сверкание, блеск, мерцание, излучение, рассвет, заря, зарево, закат, свеча, лампа, światło, blask, błysk, migot, kaganek, lamp, latarnia, żyrandol, znicz, świeca* и др.). С толкованием огня как света (*свет, światło*), а впоследствии – и метонимическим обозначением источников света связаны мифические представления о том, что бог-громовик зажигает светильник весеннего солнца, потушенный демонами зимы и мрака.

2. «Разрушающая» стихия. Семантика лексем *пламя, пламень* и *попыля, пожар, pożar*, а также *сжигание, сожжение, горение, spalanie, sporielenie, palenie*, а также фразеологизмов *предать огню, гори все синим*

огнем (пламенем)! и др. репрезентирует такое свойство огня, как уничтожение всего, что соприкасается с ним, что соотносится с таким обычаем, распространенным у славян-язычников, как сжигание умерших и помещение пепла в урны. «Жестокость» данной стихии также тесно связана с риском обжечься при контакте с огнем: *огнем и мечом, ogniem i mieczem, таскать каштаны из огня, wyjmować kasztany z ognia*. Кроме того, в древности имели место поверья, в соответствии с которыми горение синего пламени отождествлялось с процессом горения душ, мучения которых начались еще до Страшного суда

3. Свойство человеческой природы. Толкование огня как повышенной температуры, а также как свойства человеческой природы, нашло отражение в функционировании лексем *темперамент, эмоциональность, эмоциональность, неуравновешенность, вспыльчивость, несдержанность, страстность, пылкость, зной, temperament, emocjonalność, zapalczywość, porywość, niepowściągliwość, namiętność, gwałtowność, płomienność*, с нашей точки зрения, можно объяснить следующим образом. Сотворение первой супружеской пары приписывалось богу-громовику, который вдохнул в первых людей бессмертное дыхание, разжег в них пламя жизни (ср. выражения *огонь в груди, душа горит* и т.д.).

4. «Очищающая» стихия. С представлениями о «живом» огне тесно связано происхождение фразеологизма *coś piecze, pali (żywym) ogniem*. Так, согласно славянским поверьям, «живому» огню приписывались особые очистительные свойства, а также способность к ежегодному обновлению, что было связано в том числе с представлениями о его божественном происхождении от молнии, попавшей в дерево (ср. пол.-карпат. *boży ogień* 'божий огонь').

В русской лингвокультуре лексема *воздух* обнаруживает историко-этимологические связи с лексемой *дух* (и, соответственно, *душа*), в то время как в польском языке прослеживается связь лексемы *powietrze* с лексемой *wiatr*. В связи с этим целесообразно рассмотреть особенности функционирования фразеологических единиц, содержащих указанные лексемы, в русском и польском языках.

По мнению древних славян, душа и тело выступали как единая сущность, но в то же время имели место представления о том, что душа существует отдельно от тела, что связано с ее высшей, бессмертной природой (см.: *душой и телом, предан душой и телом, ни душой ни телом*). С этим связаны представления древних славянских народов о том, что душа способна перемещаться как в пределах тела человека, так и в рамках иных пространств (ср. значения фразеологизмов *душа в пятки ушла, душа не на месте, в чем душа держится*) [5].

С понятием *душа* тесно связаны представления о судьбе и воле человека. Так, древние славяне полагали, что душа вселялась в человеческое тело до его появления на свет и определяла характер, поведение, выбор и

судьбу человека. Интересным представляется тот факт, что, с точки зрения древних славянских народов,местилищем души является сердце. Данные особенности «бытия» души находят отражение в значениях следующих фразеологизмов: *жить душа в душу, души не чаять в ком, с души тянет, душа не принимает, душу мутит, душа не принимает, всеми фибрами души, от всей души* и т. д.

Согласно поверьям южных славян, душа имеет воздушную природу (воздух, пар, дым), что актуализировано в значениях ФЕ *дух вон, испустить дух, воспарить духом, воспрянуть духом*. Кроме того, в соответствии с библейскими текстами Бог сотворил Адама из праха земного и вдохнул в него душу (*отдать богу душу* (устар.), *вдохнуть душу во что-л.*).

Представления славянских народов о четырех ветрах, соответствующих четырем сторонам света, находим во фразеологизме *rozpędzić na cztery wiatry*. В основе некоторых ФЕ (*wystawić kogoś do wiatru, puścić na, rzucić słowa na wiatr*) лежат представления о ветре как разрушительной стихии, обусловленные демонической природой данного явления. Кроме того, с представлениями о разрушительной силе ветра связано функционирование в польском языке пословицы *kto sieje wiatr, ten zbiera burzę*.

Во фразеологических единицах с компонентом *wiatr* актуализированы такие физические свойства ветра, как прозрачность, бесплотность, невидимость. Так, в значении фразеологизма *szukaj wiatru w polu* актуализируется невозможность «поймать» ветер.

Таким образом, семантико-лингвокультурологический анализ лексических и фразеологических единиц русского и польского языков позволяет сделать вывод о том, что семантика и специфика функционирования указанных единиц языка во многом являются культурно обусловленными и определяются особенностями бытия славянских этносов, их историей, культурой, традициями, ритуалами.

Библиографический список

1. Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово / сост. и вступ. ст., коммент. А. И. Баландина. – М. : Советская Россия, 1988. – 512 с.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 1–3. – М., 1995.
3. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. – Н. Новгород : Русский купец ; Братья славяне, 1996. – 480 с.
4. Славянская мифология / сост. В. В. Адамчик. – Мн. : Харвест, 2006.
5. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – С. 27–40.

С. М. СОЛОВЬЁВ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Н. Г. Смирнова

Кандидат филологических наук, доцент,
Донской государственный
технический университет,
Технологический институт
сервиса, филиал в г. Ставрополе, Россия

Summary. One of the greatest Russian historians S.M. Solovyov had a deep understanding of linguistic phenomena and their interrelation in the course of historical development of Russian state and its language. In his “History of Russia from the Earliest Times” he paid attention to the Polish-Russian language contacts and Polish influence on the Russian language, in particular.

Keywords: historical text; lexical borrowings; Polish-Russian language contacts; Sergey Solovyov’s «History of Russia...».

Внимательный взгляд великого русского историка С. М. Соловьёва коснулся и процессов становления русского языка в ходе исторического развития народа, им владеющего. В трудах учёного обнаруживаются многочисленные высказывания, отражающие разностороннюю рефлексию над явлениями языка и речи. Не будучи лингвистом, С. М. Соловьёв оставил ценные замечания, демонстрирующие глубокое понимание учёным тесной связи лингвистических явлений, особенностей речемыслительной деятельности человека с жизнью общества и процессами, происходящими в обществе. С. М. Соловьёв, исключительно тонко чувствующий и уважающий слово, касался вопросов семантики, внимательно прослеживал и анализировал историю появления понятий и терминов. С. М. Соловьёв органично вкраплял лингвистический анализ в историческое исследование, достигнув высокого уровня междисциплинарного взаимодействия.

Изучение целого ряда фрагментов текста «Истории России...» свидетельствует о глубоком анализе историком иноязычного влияния в русском языке, в том числе исторических пересечений русского и польского языков. Одной из основных причин, обуславливающих приток и ассимиляцию в русском языке иноязычной лексики, С. М. Соловьёв считал возникновение новых явлений, диктат всего *нового*, за которым не поспевал прежний словарь языка, т. е. необходимость обозначения реалий, ранее неизвестных носителям языка-реципиента. Для историка было очевидным, что заимствование новых вещей и понятий выступало одним из прагматических факторов, мотивирующих и необходимость лексических заимствований. Описывая начало «крутого поворота» Русского государства на запад при преемниках царя Алексея Михайловича, С. М. Соловьёв говорил о

нашествии «учителей» со всех сторон, в том числе «западнорусских шляхтичей с польским школьным образованием». Комментируя отсутствие у «западнорусских людей» своего книжного языка, С. М. Соловьёв отмечал, что «вообще западнорусские учёные были воспитаны под сильным польским влиянием... они писали или на так называемом церковнославянском языке, или по-латыни, или *по-польски, литература польская доставляла им много материала*. Эту привычку к польскому языку и литературе они принесли и в Москву ... *Русский язык запестрел полонизмами ...*» [1, с. 175] (здесь и далее выделено нами – Н. С.). Говоря об объективном характере польско-русских языковых контактов, о силе польского влияния на русский язык, которое обнаруживалось невольно, бессознательно, историк приводил в качестве примера русского резидента в Варшаве Тяпкина, который, будучи абсолютно русским по духу человеком, стал писать на «полупольском» языке. При этом С. М. Соловьёв отмечал, что польское влияние носило главным образом гуманитарный характер, а для получения технических, инженерных знаний и навыков «нужны были немцы» [1, с. 175].

С. М. Соловьёв отмечал заметную роль польского языка как «донора» европейских научных, административных, бытовых понятий: *«новое время по самому характеру своему требовало для всего тончайших определений; высшее привилегированное сословие должно было получить одно общее название, тем более, что так было там, откуда шёл пример, образец, – в Западной Европе; но откуда было взять название? Обратились к ближайшему одноплеменному народу польскому и взяли у него на время название шляхта. Потом мало-помалу это название стало вытесняться своим старинным – дворянство»* [2, с. 72]. Обращает на себя внимание уточняющее выражение *на время*, показывающее, что чеканка новых слов в русском языке не прекращалась, и не все заимствования задерживались в лексическом составе русского языка.

С. М. Соловьёв помогал своему читателю познавать историю, в том числе и через взаимодействие языков: в тексте «Истории России...» наблюдается ярко выраженное явление полилингвизма; автор разъяснял читателю происхождение понятий и терминов, восходящих к разным языкам, и прибегал при этом к разноязычным источникам. К примеру, С. М. Соловьёв считал неocenимо важным анализ фольклора как источника богатейших сведений об исторической жизни народов, поэтому в тексте «Истории России...» немало цитат из древних богатырских песен и других «произведений народной фантазии». Представляется примечательной приводимая С. М. Соловьёвым в качестве примера песня «о старинных руссах». Примечательность этой песни в том, что поэтический фрагмент «в чистом поле шатёр стоит; в шатре сидят добры молодцы, сидят они, думу думают....» [3, с. 258] сопровождается отсылкой к системе примечаний, где читателя ждёт следующее пояснение автора: «См. у Мацеевского в

Polska. — Я в своём вольном переводе соединил две песни, сходные друг с другом в главных чертах, вот они:

Iszly molodci rano z cerkovci

Oj iszly iszly radu radyly,

Radu radyly ne jednakoju,

.....»

Далее следуют тридцать строк по-польски. Перед нами замечательный образец творческого, тонкого анализа исторического источника, представленного читателю максимально продуманным способом: автор подтверждает свою мысль с помощью аутентичного иноязычного свидетельства и делает перевод песни в помощь читателю, что не лишает последнего возможности познакомиться с оригиналом. При этом С. М. Соловьёв ссылается на работу своего современника, знаменитого польского учёного-панслависта Вацлава Александра Мацеевского (Maciejowski), «Polska i Rus». Приведённый фрагмент текста «Истории России...» ярко и убедительно показывает, как многоязычие исторического текста С. М. Соловьёва вовлекает во взаимные отношения и сближает различные национальные культуры, издавна пересекающиеся в своём историческом развитии.

Для С. М. Соловьёва были очевидны роль языка в обществе, взаимообусловленность образа жизни, мироощущения, менталитета общества и средств их выражения. Учёный-историк признавал, что новые веяния в языке носили знаковый характер, ассоциировались с грандиозными переменами в обществе: новое содержание облекалось в новую форму. Историческое взаимодействие языков было для С. М. Соловьёва фундаментальным фактом культуры, заметным явлением исторического движения с его потерями и обретениями.

Библиографический список

1. Соловьёв С. М. Сочинения. История России с древнейших времён. — М. : Мысль, 1991. — Т. 13–14. — Книга VII.
2. Соловьёв С. М. Сочинения. История России с древнейших времён. — М. : Мысль, 1994. — Т. 27–28. — Книга XIV.
3. Соловьёв С. М. Сочинения. История России с древнейших времён. — М. : Мысль, 1988. — Т. 1–2. — Книга I.

ПОЛЬСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В КОРПУСЕ ЗАГАДОК РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛИТВЫ

Т. С. Шадрина

*Кандидат филологических наук,
Государственный университет –
учебно-научно-производственный
комплекс, г. Орёл, Россия*

Summary. The article deals with different levels of interaction of both Russian and Poland traditions, such as lexical borrowings, usage of images, typical of alien ethnic tradition, textual borrowings.

Keywords: the riddles; loanwords; different ethnic surroundings; Russian old residents of Lithuania.

Большинство носителей русской фольклорной традиции в Литве – это потомки бежавших из России старообрядцев, которые около 300 лет живут рядом с литовцами, в близком соседстве с поляками, белорусами, поэтому владеют несколькими языками. Давние экономические и культурные связи с представителями других национальностей наложили заметный отпечаток на местную русскую традицию.

Н. К. Митропольская, собиравшая и исследовавшая фольклор русских старожилов Литвы, отмечает, что в анклав обнаруживаются «две, на первый взгляд, противоположные, но в конечном итоге тесно связанные друг с другом тенденции: с одной стороны, вовлечение в свой репертуар иноязычных загадок, калькирование их на родной язык, с другой стороны, – сохранение старинных русских загадок с полным соблюдением лексико-морфологических и синтаксических диалектных черт. Обе особенности естественно вытекают из островного положения русского фольклора в данной местности» [1, с. 68–69].

Как подтверждают наши исследования, большинство загадок, зафиксированных в русской среде Литвы, содержатся в старинных собраниях, причём сохранность текстов здесь выше, чем на территории России. В то же время около 15 % загадок несут следы иноэтнического (литовского, польского, белорусского, латышского, украинского) влияния, которое проявляется в наличии лексических заимствований, в использовании свойственных инонациональному фольклору образов, в заимствовании текстов.

Целью статьи является выявление польской составляющей в корпусе загадок русского населения Литвы.

Лексические заимствования – включение в состав фольклорных текстов иноязычных слов, слегка изменённых и приспособленных к нормам русской грамматики. Как правило, польские слова вводятся в редакции традиционных загадок или в их переделки: «Лежит, лежит / Возле дроги

(‘дороги’ – Т. Ш.), / Раскинуты руки-ноги. – *Соба*» [2, с. 132]. Изредка они входят в состав загадок, имеющих, вероятнее всего, местное происхождение: «Посрѣдку дому висит дзвон (‘колокол’ – Т. Ш.), ён не звонит, а светит. – *Лампа*» [2, с. 151]. Чаще всего иноязычные вкрапления располагаются в клаузулах ритмических периодов, что позволяет им выделиться из общего контекста, стать главными стилистическими и звуковыми элементами загадки (подробнее см. [5]).

Влияние образности польской традиции проявляется в предпочтении мотивов загадок, характерных для современного этапа бытования не общерусской, а польской традиции. Указанное явление отмечается в Литве довольно редко (подробнее см. [4]).

Чаще всего сталкиваемся с заимствованием текста загадки. Собиратели отмечают, что языковой переход происходит совершенно незаметно: для исполнителей естественно и органично знание как русских, так и польских загадок. Н. К. Митропольская пишет: «А. И. Медведева, 1913 года рождения, среди русских загадок о моркови, подсолнухе, ягоде, арбузе, книге, загадала польские загадки о луке, пчеле, яблоке и свинье. На польском языке от других исполнителей были записаны загадки о плуге, петухе, меховой муфте и другие. Некоторые из них прочно вошли в русский репертуар и записаны нами в различных районах от разных исполнителей. Переход польских загадок в одних случаях сопровождался более или менее точным калькированием» [1, с. 68]. (Ср.: Полное стойло толстых лошадей; пришла худая и всех выгнала. – *Лопата для вынимания хлеба из печи*» [3, № 4331]; «*Jest pełna stajnia tłustych koni, / a jak sucha kobyła między nik wlezie, / to wsyćkich wyżenie*» [6, № 98].)

Также встречаются тексты, в которых часть загадки звучит по-русски, часть воспроизводится по-польски, или же русские и польские слова произносятся практически одинаково. Большинство заимствований из польского языка легко опознаются по ударению на предпоследнем слоге. (Ср.: «Вісья віси, х́одя х́оди; вися свалилась, ходя сожрала. – *Яблоко и свинья*» [3, № 4180]; «Chódzi chodóra, / wísi wisóra, / wisóra spádła, / chodóra zjádła» [6, № 1461].)

Среди загадок, калькированных с польского языка, практически нет таких, которые принадлежали бы исключительно польской традиции. Все кальки представляют собой редакции загадок, имеющих международное распространение. При этом иногда могут быть оставлены без перевода отдельные польские слова, понятные местному населению. (Ср. варианты загадки о петухе, записанные в Вильнюсском районе, с польской: «Стоит на плоте (‘на заборе’ – Т. Ш.), в красном колпаке. Кричит: «Гей, гей!»; «Стоит на заборе в красном капоте (‘балахоне’ – Т. Ш.) и кричит: «Гей, гей, гей!» [2, с. 145]; «*Sedzi na płocie / w czerwono skłacej kapocie*» [6, № 1129]).

Заимствованные загадки при калькировании и/или дальнейшем бытовании претерпевают, как правило, различного рода трансформации. Из-

менения могут быть как совсем незначительными, объясняемыми характерной для жанра вариативностью, так и более ощутимыми. К примеру, загадка про петуха представляет собой перевод с польского: «Ходит цыган по огороде, носит бли́на два на брóде» [2, с. 145]. (Ср.: «Chodzi generał na ogrodzie, / Dwa bliny na brodzie, / Pud mięsa na głowie» [1, с. 68]. В русском тексте опущена последняя часть, что придало тексту более чёткую форму: появились две части, объединённые синтаксическим параллелизмом. Характерна замена образа. В польском тексте петух назван генералом, поскольку он важно расхаживает среди кур, зычным голосом возвещает о важных моментах, чувствует себя самым главным в своих владениях; немаловажен и его гордый и независимый вид, а также яркий, праздничный, «нерядовой» наряд. В калькированной загадке появляется образ цыгана. Он так же независим и горд, так же властвует над безоговорочно подчиняющимися ему женщинами и детьми, так же красив и наряжен. Кроме того, цыгане – отличные певцы. Но самое главное, цыган, по представлениям местных русских, органично смотрится в чужом огороде. При калькировании не совсем точно переведено слово *ogrod*. Правильнее было бы сказать «сад», так как «огород» по-польски – *ogrod waczuwny*. В данном случае выбор лексемы «огород» обусловлен не только созвучием слов, но и требованиями рифмовки.

Практически весь текст загадки может не переводиться на русский язык, если слова её созвучны с русскими и понятны без перевода. Загадка про иголку «Тенька паненька, дырочка малёнька» [1, с. 68] в точности воспроизводит (в том числе и фонетически) бытующий в Литве польский текст «Cieńka ranieńka, / Główka maleńka» [1, с. 67], за исключением одного изменённого слова. Трансформация связана, скорее всего, со стремлением местного русского населения «исправить» загадку, уточнить признаки загадываемого предмета: важная особенность иголки не в маленькой головке (это ведь не булавка), а именно в маленькой дырочке, в которую трудно продеть нитку.

Чтобы иноэтническая загадка вошла в традицию, требуется, чтобы она была созвучна жизненному укладу и мировоззрению данного народа. К примеру, популярная польская загадка про меховую муфту так и не стала для русских «своей», поскольку данный предмет женского гардероба не использовался носителями русского фольклора. Причины заимствования загадок в условиях островного существования традиции разноплановы: заполнение своеобразных «лакун» в репертуаре, обусловленных отсутствием отдельных тем или текстов как в местном корпусе загадок, так и в общерусском; яркость образов, доставляющих эстетическое наслаждение.

Как видим, проницаемость традиции для иноэтнических влияний обуславливается присущей фольклору вариативностью. Заимствуется далеко не всё, а лишь то, что соответствует данной фольклорной традиции. Заимствование загадки происходит не механически. Чтобы прочно войти в

традицию, заимствованные элементы должны быть адаптированы функционирующей системой национального фольклора, переработаны, из «чужих» должны стать «своими».

Библиографический список

1. Митропольская Н. К. Новые записи загадок и фольклорная традиция в русских поселениях на территории Литовской ССР // Науч. тр. вузов ЛитССР. Литература. – 1974. – № XIV (2).
2. Митропольская Н. К. Русские загадки, записанные в Зарасайском, Аникщайском, Игналинском и других районах Литовской ССР от местного русского старожильского населения // Науч. тр. вузов ЛитССР. Литература. – 1974. – № XIV (2).
3. Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование. Т. I. Сказки. Пословицы. Загадки / Сост. Ю. Новиков. – Вильнюс, 2007.
4. Шадрина Т. С. К вопросу о влиянии образности польского фольклора на русские загадки // Актуальные вопросы филологии и культурологи : материалы международной заочной научно-практической конференции. (03 мая 2011 г.). – Новосибирск, 2011.
5. Шадрина Т. С. Лексические заимствования в русских загадках анклава // Российское историко-культурное наследие. – № 9–10. – Орёл, 2013.
6. Polskie zagadki ludowe / Wybrał i opracował Sławomir Folfasiński. – Warszawa, 1975.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЕНГРИИ И РУМЫНИИ С УКРАИНОЙ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

П. Н. Волков

*Кандидат исторических наук,
доцент,
Чувашский государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары,
Чувашская Республика, Россия*

Summary. The article discussed the main national-territorial contradictions in relations between Ukraine and Romania and Hungary at the turn of XX–XXI centuries. Particular attention was paid to the politics of Hungarian with regard to the Hungarian minority in Ukraine.

Keywords: national-territorial disputes; relationships; Ukraine; Romania; Hungary; foreign Hungarians.

После окончания Первой мировой войны национально-территориальный вопрос играл ключевую роль в развитии взаимоотношений между странами Восточной Европы. В межвоенный период и после Второй мировой войны проблемы формирования границ государств и регулирования политико-правового положения национальных меньшинств неоднократно приводили к межгосударственным конфликтам в восточно-

европейском регионе [5; 7]. Радикальные общественно-политические и экономические изменения в странах Восточной Европы на рубеже 1980–1990-х гг. обусловили обострение национально-территориальных противоречий. Межэтнические конфликты и споры из-за территорий со смешанным составом населения стали одной из основных угроз стабильности на европейском континенте.

Одними из наиболее острых были территориальные споры Венгрии и Румынии с Украиной. Правящие круги Венгрии проявляли повышенный интерес к Закарпаты, где проживало венгерское меньшинство численностью свыше 150 тысяч человек. Венгерское руководство стремилось проводить патерналистскую политику в отношении венгров, живущих как на Украине, так и в других европейских странах. Оно считало их частью единой венгерской нации. В 2001 г. венгерский парламент принял закон «О венграх, проживающих в соседних странах», или «Статусный закон». Согласно закону, зарубежные венгры получили на территории Венгрии особый правовой статус, выделявший их из числа остальных иностранцев. Введенные «удостоверение зарубежного венгра», а также «удостоверение члена семьи зарубежного венгра» предоставили право на льготы в различных сферах. В декабре 2004 г. в Венгрии был проведен референдум о выдаче гражданства зарубежным венграм. Большинство принявших участие в референдуме проголосовали «за». Однако результаты из-за низкой явки венгерских граждан не были признаны [6; 9, с. 104–109].

С приходом к власти В. Орбана оказываемая Венгрией поддержка зарубежным венграм стала более масштабной. За чрезмерный радикализм и бескомпромиссность В. Орбана западные СМИ и политические деятели называли «Виктатором», «Уго Чавесом Европы», «новым императором из Будапешта», «венгерским Чаушеску» [2]. В мае 2010 г. венгерский парламент принял «Закон о двойном гражданстве». В соответствии с законом, для получения гражданства необходимо было доказать родство с предком-гражданином Венгрии и владеть венгерским языком. При этом не нужно было иметь на территории Венгрии жилье или работу [1]. Упрощенная процедура позволяла закарпатским венграм получить паспорт гражданина на исторической родине.

С 1 января 2012 г. вступила в силу новая конституция Венгрии, многие положения которой вызвали ожесточенную критику ЕС и США. Особо преуспел в этом лидер германских социал-демократов П. Штайнбрюк, предложивший выгнать Венгрию из ЕС. Недостаточно продуманные заявления канцлера Германии А. Меркель и В. Орбана вообще привели к политическому скандалу между двумя странами [8].

В преамбуле к конституции говорилось о преемственности современной Венгрии по отношению к средневековому венгерскому государству, в которое входили украинское Закарпатье, Словакия, сербская Воеводина, почти вся Хорватия, часть Австрии и Словении, а также половина

Румынии [3]. Это, по сути дела, создало законодательную основу для выдвижения предложений по пересмотру межгосударственных границ. Острый политический кризис на Украине, разгоревшийся в конце 2013 г., активизировал внешнеполитическую деятельность Венгрии по отношению к закарпатским венграм. Правящие круги Венгрии даже подняли вопрос о предоставлении автономии венграм Закарпатья [11].

Национально-территориальные противоречия негативным образом сказывались также на развитии румыно-украинских отношений. Румыния проводила экспансионистскую политику, затрагивавшую внешнеполитические интересы Украины и других соседних стран. Усилия румынских правящих властей были направлены на поиск аргументов, подтверждавших права Румынии на северную часть Буковины, Герцаевский край, бывшие Хотинский, Аккерманский, Измаильский уезды Бессарабии. При этом они стремились оказывать всяческую поддержку «румынам отовсюду», к которым причисляли молдаван, проживавших на Украине [10]. Населению Одесской и Черновицкой областей, граничивших с Румынией, в ускоренном порядке стали предоставлять румынское гражданство. Проблему объединения Румынии и земель с молдавским населением румынский президент Т. Бэеску фактически превратил в национальную идею. По решению Гаагского суда, Румыния решила в свою пользу конфликт с Украиной по поводу принадлежности острова Змеиного в Черном море, и это вдохновило ее на выдвижение других территориальных претензий к Украине [4].

Таким образом, национально-территориальный фактор продолжает оказывать большое влияние на развитие восточноевропейских стран. Неурегулированные национально-территориальные конфликты по-прежнему создают атмосферу напряженности в международных отношениях в восточноевропейском регионе. Неоднократно предпринимаемые мировым сообществом попытки разрешить национально-территориальные противоречия далеко не всегда приносили желаемый результат.

Библиографический список

1. Закон о гражданстве Венгрии. – URL : http://www.honoraryconsul.ru/index.php?an=law_citizen_hungary (дата обращения 16.11.2014).
2. Игнатченко И. «Уго Чавес Европы». – URL : <http://www.fondsk.ru/news/2012/05/18/ugo-chaves-evropy-14437.html> (дата обращения 16.11.2014).
3. Конституция Венгрии (вступает в силу с 01.01.2012). – URL : <http://worldconstitutions.ru/?p=298> (дата обращения 16.11.2014).
4. Кухалейшвили Г. Украина и Румыния: реалии непростого соседства. – URL : <http://sd.net.ua/2012/09/03/ukraina-i-rumyniya-realii-neprostopogo-sosedstva.html> (дата обращения 16.11.2014).
5. Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина. – М. : Наука, 2004. – 551 с.

6. О венгерском опыте работы с соотечественниками. – URL : <http://www.materick.ru/print.php?section=analitics&bulsectionid=9587> (дата обращения 16.11.2014).
7. Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий) / редкол. : В. Н. Виноградов и др. – М. : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. – 329 с.
8. Сомнительная шутка Ангелы Меркель спровоцировала политический скандал с Венгрией. – URL : <http://www.newsru.com/world/22may2013/merkel.html> (дата обращения 16.11.2014).
9. Урасинова О. В. Роль этнических меньшинств в формировании внешней политики Венгрии // Социально-политические и культурные проблемы современности : сб. ст. Вып. 2 / под ред. А. В. Головинова, Д. С. Петрова. – Алейск ; Барнаул : Изд-во «Сизиф» Д. С. Петрова, 2011. – С. 103–109.
10. Шорников П. М. Восточная политика Румынии в Молдавии на рубеже тысячелетий. – URL : <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=12823> (дата обращения 16.11.2014).
11. Яшлавский А. Премьер-министр Венгрии Орбан призвал дать автономию украинским венграм // Московский комсомолец. – 2014. – 13 мая.

РОССИЯ-БОЛГАРИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ ВО ВРЕМЯ ТУРЕЦКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Т. Ю. Иванова

*Кандидат исторических наук,
доцент,
Николаевский национальный
университет имени
В.А. Сухомлинского,
г. Николаев, Украина*

Summary. The article describes the relations between the two countries - Russia and Bulgaria. The authors studied the historical development of relations between Russia and Bulgaria from the beginning (from the fifteenth century.) By the time of the autonomous Principality of Bulgaria (1878). Characterized place Bulgaria's in foreign policy of the Russian Empire. The factors that determines the nature of relations between Russia and Bulgaria in New age.

Keywords: The Ottoman Empire; the Bulgarians; the Turkish yoke; the uprising; the Russian Empire; Russian-Turkish war; the peace treaty.

Россия и Болгария — две страны, имеющие вековую историю отношений. Болгары являются славянским народом, поэтому с русским народом связаны общими языковыми корнями. Болгары приняли христианство и сохранили верность принятой религии, несмотря на сложные времена турецкого господства.

В историографии отношения России и Болгарии исследованы недостаточно. Отдельные вопросы этих отношений рассматривали следующие

русские и болгарские ученые: Вяземская Е.К., Данченко С.И. [3], Золотухин М.Ю. [5], Игнатъев Н. П. [4], Косик В.И. [8], Куцаров П.Н. [10] и Йорданов С. [6].

Поэтому важно исследовать вопрос исторического развития взаимоотношений Россией и Болгарией и определить факторы, предопределявшие характер взаимоотношений Россией и Болгарией на разных этапах исторического развития. В данной работе рассмотрены связи Болгарии с Россией в период турецкого владычества.

Исторические взаимоотношения России и Болгарии имеют многовековые традиции. Особую важность связь двух стран приобрела в XIX веке, когда Россия проявила себя в роли защитницы православных славянских народов на Балканах, поддерживая их борьбу за независимость против турецкого владычества.

В период турецкого ига (1396–1878 гг.) болгарское население неоднократно пыталось освободиться от османского гнета. Одним из первых проявлений сопротивления болгарского народа турецкому владычеству были восстания 1402–1403 гг., движение 1440–1444 гг., Первое Тырновское восстание 1598 г.

Однако массовое сопротивление турецкому господству началось в XVII-XVIII веках. Следующим было Второе Тырновское восстание 1686 г., Чипровское восстание 1688 г. и восстание Капрош 1689 г. Поражение болгар в этих выступлениях можно объяснить их неудовлетворительной военной организацией, численным преимуществом противника и нежеланием православных болгар сражаться на стороне католических стран. Ведь Австрия и Польша могли стать для болгар не менее жестокими поработителями, чем османы. Этот нарастающий конфессиональный антагонизм способствовал неизбежному сближению болгар с Россией [7].

Во время русско-турецкой войны 1686-1700 гг. российские войска захватили Азов. Этот успех усилил в Болгарии надежды на освобождение: в Константинопольский мирный договор 1700 г. был внесен пункт о свободе вероисповедания в Османской империи.

Все последующие русско-турецкие войны XVIII в. давали значительный толчок освободительному движению на болгарских землях. С середины XVIII в. основную роль в антиосманской борьбе в Европе играет уже не Австрия, а Россия, ее успехи способствовали дальнейшему ослаблению Османской империи и повышали шансы покоренных народов на освобождение [11]. Показательна в этом отношении русско-турецкая война 1768–1774 гг. Порты в ней потерпела поражение, а ряд статей Кючук-Кайнарджийского мирного договора позволяла России взять под защиту православных на Балканах. Это укрепляло культурные, религиозные и политические связи болгарских земель с Российской империей, во многом способствовало началу национального Возрождения болгар [1].

Национальное возрождение в Болгарии началось в конце XVII века. Значительный экономический подъем этих земель, внутренняя анархия и развал турецкой империи помогал ей в этом. Болгарские патриоты проводили широкую просветительскую работу для поднятия национального самосознания среди масс. Большие надежды они возлагали на помощь России, которая была заинтересована в ослаблении Османской империи.

В 1790 году во время войны России и Австрии с Турцией болгарские отряды оказывали значительную помощь российским войскам, позже, спасаясь от мести турок, 300000 болгар переселилось в Валахию и юг России, чем начали в этих краях болгарскую диаспору, которая активно помогала делу болгарского национального возрождения [9].

Во время русско-турецких войн 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг., когда значительная часть болгарских земель была оккупирована российскими войсками, надежда на национальную и политическую независимость усилилась. Болгары принимали участие во всех русско-турецких войнах, вели активную революционную борьбу. Именно во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. зародилось организованное болгарское национально-освободительное движение. В это время существенную помощь повстанцам оказывали из-за границы болгарские эмигранты, жившие в России.

Крымскую войну с Турцией 1853–1856 гг. российский царь Николай I начал с желанием создать независимую Болгарию под протекторатом России [2].

В 1876 в Болгарии вспыхнуло народное восстание, которое хоть и было подавлено, но привело к тому, что европейские державы и Россия потребовали от турецкого султана предоставить Болгарии самоуправление и гарантировать населению этой страны гражданские права. Султан отказался подчиниться этим требованиям. Россия, считавшаяся главным врагом Османской империи и стремившаяся добиться разделения Турции, объявила ей очередную войну. Согласно Сан-Стефанскому мирному договору от 19 февраля 1878 г. Болгария была отделена от Турции и определена в новых границах. Болгария была освобождена от многовекового турецкого господства. 3 марта 1878 г. Турция была вынуждена подписать Сан-Стефанский мирный договор, в соответствии с которым Болгария получала статус автономного княжества [12].

Опасаясь появления мощного русского форпоста на Балканах в лице нового зарождающегося Болгарского государства, западные государства делали все возможное, чтобы это предотвратить. На Берлинском конгрессе 1878 г. южная часть Болгарии была объявлена автономной провинцией, находившейся номинально под властью турецкого султана. Северная Болгария (бывшая Дунайская область Турции) представляла собой вассальное княжество Турции и была вынуждена платить ей дань. Македония же была официально признана частью Османской империи. Добруджа, была отдана

Румынии, а западные болгарские земли (Пирот, Ниш, Лесковец, Зайгар) были отданы Сербии [13].

Таким образом, после 485 лет турецкого ига были заложены основы третьего болгарского государства. Результатом Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией стало возникновение на Балканах нескольких независимых государств – Сербии, Черногории и Румынии, а также появление автономного Болгарского княжества, находившегося под формальным сюзеренитетом турецкого султана. В результате, политическая карта Юго-Восточной Европы подверглась серьезной «перекройке», что во многом определило развитие событий в регионе в последующие десятилетия. Берлинский конгресс 1878 хотя и внес ряд существенных корректив, но в целом политическую карту Балкан изменил незначительно [14].

Вопрос о роли России в процессе возрождения болгарской государственности существенный. Данная работа показывает первенствующую роль России в процессе становления болгарской государственности.

Библиографический список

1. Бачинский А.Д., Дыхан М.Д. Помощь ученых Новороссийского университета освободительному движению на Балканах // Славянский архив. – М., 1962.
2. Билунов Б.Н. Болгария и Россия : Сб. трудов Билунова Б. Н. – М., 1996.
3. Вяземская Е.К. Данченко С.И. Россия и Балканы. Конец XVIII в. – 1918 г. (Советская послевоенная историография). Обзор. / отв. ред. В. Н. Виноградов / Ин-т славян. и балканистики. – М., 1990. – 249 с.
4. История внешней политики России, конец XIX - начало XX века / А. С. Аветян [и др.]; ред. кол.: А. В. Игнатъев (отв. ред.) [и др.] ; РАН, Ин-т рос. истории. – М. : Международные отношения, 1999. – 671 с.
5. История внешней политики России. Вторая половина XIX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). Том 5. / Золотухин М. Ю. [и др.] – М. : Международные отношения, 1997. – 672 с.
6. Йорданов С. Войните за обединение на България и новедението на Русия. – София, 2000.
7. Конобеев В. Русско-болгарское боевое сотрудничество в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – М., 1953.
8. Косик И. В. Россия и восстановление болгарской государственности (1878–1885 г.) Документальный сборник // Държавна Агенция «Архиви» Република България Дирекция «Централен държавен архив» Федеральное Архивное Агентство Российской Федерации Российский государственный военно-исторический архив. – София, 2008.; Русская политика в Болгарии 1879–1894 гг. – М., 1991.; Православие и политика (из истории русско-болгарских отношений) // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Материалы. – М., 1999.
9. Костадинова Л, Фиорова В., Димитрова Б. Българо-руски научни връзки. XIX-XX вв. Писания и документи. – София, 1968.
10. Куцаров П. Руската империя и съединението. – София, 2001
11. Никитин С. А. Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в. // Славянский сборник. – М., 1947.

12. Освобождение Болгарии от турецкого ига. В 3 т. Т.1: Освободительная борьба южных славян и России. 1875–1877. – М., 1961.
13. Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы в 3 т. Т.3: Борьба России и болгарского народа за создание болгарского государства. 1878–1879 гг. – М., 1967.
14. Снегаров Ив. Културни и политически връзки между България и Русия през XVI–XVIII вв. – София, 1953.

II. SPIRITUAL CULTURE AND ARTS OF SLAVIC PEOPLES

IDENTITA A SLOVANSKÁ TRADICE

M. Sapík

*Ph.D., docent, prorector,
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd,
Kolín, Česká Republika*

Summary. The present time brings many new ideas and possibilities that are echoed in the environment of the contemporary human society. Traditional society is oriented to satisfy their necessities of life, which were of vital importance at the time and not with a view to the future. The opposite is the current postmodern society, which focuses on the future vision and clearly materially experience the present moment. The current company is also referred to as a consumer, information, post-industrial, and mass media.

Keywords: society; T. G. Masaryk; tradition; identity; culture; politics; nation.

Naše tradice nás spojuje se slovanskou ideou, jinými slovanskými národy, které získaly právo na svébytnost a vlastní existenci po rozpadu Rakouské monarchie v roce 1918. Od samotného vzniku a počátků existence české státnosti je naše slovanská idea udržována a spoluvytvářena myšlenkami T. G. Masaryka a dalšími spolutvůrci – tzv. zakladateli českého (v určité době rovněž slovenského) státu. V jednotlivých dobách a ve vývoji slovanské tradice byla různým způsobem interpretována a obhajována identita národů na jejich vlastní určení. «Ve společnostech dřívějších dob bylo to, co dnes nazýváme identitou, do značné míry určeno společenským postavením jednotlivce. To znamená, že kontext, který určoval, co lidé pokládali sami pro sebe za důležité, byl do značné míry závislý na jejich místě ve společnosti a také na rolích a činnostech s tímto místem spojených. Se vznikem demokratické společnosti se situace automaticky nemění, neboť je docela dobře možné, že se lidé i nadále definují na základě své společenské role. Toto sociální určení identity je však neustále podrýváno samotnou ideou autenticity» [1, s. 48]. Identitu v předcházejícím vývoji určovali samotní lidé vlastním způsobem života a přidávali hlavní význam tomu, jaké měl člověk společenské postavení v celku.

To ovšem znamená, že dochází ke značnému zkreslování původního významu pojmu identity ve vztahu k národu, směrem k lidem a samotnému člověku. Moderní doba se zásadním způsobem vymezila k identitě a provázanosti na ideu slovanské vzájemnosti. S identitou se spojovala a spojuje příslušnost k určitému národu a společenské skupině, na základě vlastního

života v ní. «Svou identitu určujeme neustále v dialogu a někdy dokonce v zápase s tím, co v nás chtějí vidět naši signifikantní druzí» [1, s. 49]. Dialog je v zásadě důležitý z toho důvodu, že se snažíme v komunikaci s druhými sdělovat vlastní názory, potřeby a myšlenky. Dialogem se člověk může dostat z neznalosti problému na vědomostní úroveň. Tak, jak tento problém chápal Sókratés, který v dialogu spatřoval možnost předávání vědomostí a schopnost lidí naučit se něčemu novému. Podstata zůstává v jednom: «Co vlastně rozumíme identitou? Tím, že určujeme svou identitu, pokoušíme se určit, kdo jsme, odkud se bereme. Identita vytváří rámec, v němž naše záliby, přání, mínění a úsilí dostávají smysl. Jestliže jsou mi některé věci, které pokládám za zvlášť cenné, přístupné pouze ve vztahu k člověku, kterého miluji, pak je tento člověk součástí mé identity» [1, s. 50]. Definovat identitu je velmi náročné. Je možné dát definici z pohledu konkrétního společenskovedního oboru (antropologie, filosofie, sociologie, etiky, politiky apod.) a není příliš smysluplné vymýšlet abstraktní vymezení pojmu identity. V jiném kontextu je možné mluvit např. o politické identitě, která se užívá v prostředí politického dění. Má jasně stanovená pravidla, která jsou vymezená z pohledu členů politických stran a dalších subjektů. V oblasti politiky je možné dnes hovořit o diferenci. «... z vývoje moderní představy o identitě, naproti tomu vzešla politika difference. Také tato politika má univerzalistickou základnu, takže dochází k přesahování a prolínání obou. Podle tohoto pojetí má být každý člověk uznáván pro svou jedinečnou identitu. Zatímco politika všeobecné důstojnosti směřuje k něčemu univerzálnímu, k něčemu, co je stejné pro všechny, tedy k identickému souboru práv a svobod, politika difference vyžaduje, aby byla uznávána jedinečná identita tohoto jedince či této skupiny, jejich zvláštnost vůči všem ostatním. Základem je argument, že právě tato zvláštnost byla dosud přehlížena, opomíjena a asimilována identitou dominantní, či opřenou o většinu. Tato asimilace je smrtelným hříchem páchaném na ideálu authenticity» [1, s. 55]. Uznání každého člověka je základem tohoto univerzalistického přístupu k člověku a společnosti. Pro vlastní jedinečnost této identity ve vztahu k člověku a zároveň z pohledu jejího využití v politické praxi, je politika difference uznávanou metodou v oblasti politických věd. Druhý pól této skutečnosti vytváří do jisté míry úpadková vize identity, která spočívá v jejím přirovnání k autenticitě. Jinou podobou identity v komparaci s demokraciemi západní Evropy představuje politika rovné důstojnosti, která má vlastní dějinné pozadí. «Politika rovné důstojnosti se v rámci západní civilizace vyvíjela ve dvou variantách, které můžeme spojit se jmény dvou vůdčích osobností: Rousseaua a Kanta. Neznamená to, že by tyto myslitelé předznamenali a ovlivnili všechny verze obou těchto modelů (...), nýbrž pouze to, že Rousseau i Kant jsou jejich stěžejními ranými zastánci» [1, s. 61]. Pokud vezmeme v úvahu, že J. J. Rousseau je v době 18. století považován za vzbouřence, který se snaží štvát lid proti královské moci, tak na druhé straně, byl

prvním, kdo se veřejně vyjádřil proti holdujícímu francouzskému absolutismu a ukazoval na stěžejní problémy společnosti. V tomto smyslu je Rousseau zastáncem myšlenky rovné důstojnosti, která vychází z politické situace ve společnosti. Zajímavá je Rousseauova myšlenka o tom, kdo byl první člověk, který prohlásil konkrétní část území za svůj majetek a hned nato další jedinci, kteří zareagovali tak, jak se na člověka a lidský rod sluší, že reagovali zcela automaticky stejným gestem – to je moje. I. Kant nevychází z detailního popisu společenských vztahů jako Rousseau, ale na druhé straně, považuje vzniklé společenské vztahy za důležitý a přitom zcela kauzální proces, při kterém se jedinec adaptuje do nutného zla. «Národy jakožto státy mohou být posuzovány jako jednotlivci, kteří si ve svém přirozeném stavu (tj. v nezávislosti na vnějších zákonech) škodí tím, že jsou vedle sebe, a každý z nich může a má kvůli své jistotě od druhého požadovat, aby s ním vstoupil do zřízení, které je podobné občanskému, kde každému lze zajistit jeho právo» [2, s. 20]. Proto můžeme s přehledem považovat I. Kanta za předchůdce a zastávce myšlenky politiky rovné důstojnosti, kde hlavní a zároveň stěžejní problém spočívá v myšlence lidského rozumu, který ho dokáže používat ve společenském, politickém a filosofickém kontextu. Na druhé straně jsou jasně stanovená pravidla, která jsou daná smlouvou mezi jedinci v podobě zákonů, které umožňují státu respektovat a uchovávat odstup od druhých státních celků.

Jsou různé obory, které se zajímají o identitu z pohledu její skladby a důvodů jejího vzniku. Jedním z nich je i filosofie, která «... studuje politická zřízení se záměrem hodnotit zásluhy vlastní každému zřízení; snaží se určit buď zřízení nejlepší, nebo princip legitimacy každého režimu ...» [3, s. 21]. Zejména politická filosofie se zajímá o aktivní složky, které jsou v zásadě důležité pro zjišťování a kritéria hodnocení jednotlivých politických zřízení. V různých dobách se na problém politické filosofie hledělo odlišným způsobem, který nebyl zcela zřetelný v dobách vzniku samotné filosofie.

«Aristotelova Politika byla po staletí zároveň politickou filosofií i politickou sociologií. Tato úctyhodná kniha, která si ještě dnes zasluhuje hluboké studium, neobsahuje jen hodnotové soudy, ale také neobyčejně důkladnou analýzu fakt. Aristoteles shromáždil rozsáhlou dokumentaci o ústavách řeckých měst, pokusil se popsat tyto ústavy a analyzovat způsob, jak zřízení řeckých měst fungují. Vycházejí právě z tohoto srovnávacího studia, vytvořil slavnou klasifikaci tří základních zřízení: monarchistického, kde svrchovaná moc náleží jednomu člověku, oligarchického, kde svrchovaná moc náleží více lidem a demokratického, kde svrchovanou moc mají všichni občané» [3, s. 22]. Politika se v Aristotelově podání stala na dlouhou dobu vzorem a zároveň i jediným odborným textem, který by mohl najít konkurenci v prostředí starověkého myšlení. Z pohledu dnešních badatelů, kteří se zajímají o politologii, filosofii aj. můžeme konstatovat, že zmiňované dílo se vyznačuje především obsáhlou analýzou faktů, které se opírají o empirický materiál, který je typický pro tehdejší dobu a existenci samotných polis. Ústavy těchto polis se

staly vzorem pro vytvoření nové a zároveň moderní podoby všech dalších ústav a to nejen ve starověkém světě. Zajímavým prvkem Aristotelovy analýzy je prisouzení oprávněného místa samotné demokracii, která v antickém prostředí nenacházela kladné přijetí ze strany vládnoucích skupin. Tím se do podvědomí odborné veřejnosti dostala i známá klasifikace vládnoucích zřízení, kde Aristotelés zobecňuje tři druhy zřízení – demokratický typ, oligarchický typ a monarchistický typ. Od doby Aristotelovy klasifikace již uplynulo několik tisíciletí a změnily se zároveň i přístupy v pojetí politického zřízení.

Mnohé v tomto ohledu z pozice politického myšlení a s ohledem na otázku ideálu slovanství vykonal právě T. G. Masaryk. «Masaryk vyjádřil vývoj Ruska v 19. století formulí: německý protestantismus rozkládá ruské pravoslaví. Protestantismem má na mysli duchovní kulturu zbavenou vědomých apriorních předpokladů a dogmatických hledisek. Středem této kultury je člověk, který aktivně přetváří svůj svět kantovsky podle svého obrazu. Jinak formuluje Masaryk též problém jako spor evropského subjektivismu s objektivismem zjevených náboženství. Spor subjektivismu a objektivismu viděl Masaryk i v samotné evropské filosofii, ačkoli se vzdala materiálně apriorních hledisek» [9, s. 196-197]. I Masaryk vnímá slovanskou otázku velmi citlivě a vysvětluje zásadní odlišnosti, které jsou v prostředí slovanských národů. Jednak z pohledu odlišností v kulturní tradici, historické návaznosti a na druhé straně rozmanitost politické identity a programů v nástupnických státech monarchie. «Český člověk, vyrostl-li pod vlivem Masarykovy kulturní a politické filosofie, dívá se střízlivě na tzv. slovanskou otázku. Je si vědom závažných rozdílů mezi jednotlivými národy slovanskými; vidí jejich různorodost kulturní, jejich odlišnou tradici, historii a rozmanitost jejich politických programů a cílů. Slovanství je pojem tak neurčitý, že si pod ním můžeme myslet všechno, anebo nic. A přece je jakési pouto, které slovanské národy úžeji spojuje. Jsou si blízcí geograficky, jazykově – a politické jejich snahy dotýkají se navzájem. Jde o to, aby kulturní, myšlenková a náboženská propast mezi nimi byla překlenuta, a aby byly řešeny těžké a složité problémy jejich kulturní a dějinné filosofie» [5, s. 211]. Masaryk si byl moc dobře vědom toho, že slovanské ideály se nemohou uskutečnit a proto zůstává jen klidná realita, která musí být naplněna konkrétními činy a lidskou prací. «Masarykovi bylo už dávno jasno, že staré všeslovanské sny jsou právě jen neživotnými a neplodnými přeludy, kterým chybí nejprostší předpoklad reálného významu – protože se nestarají o skutečné rozdíly a protivy myšlenkové a kulturní, a kde si je uvědomují a chtějí překonat, tam se spokojují jen vnějším, formálním gestem jako je např. přestup z katolictví do pravoslaví. Ruští slavjanofilové i západníci jej formulovali dost zřetelně, pokud šlo o poměr ruské a západoevropské kultury. I dnes se stále naznačují základní rozdíly mezi ruským a evropským myšlením» [5, s. 212]. V současné době je viditelný rozdíl mezi klasickým Masarykovým názorem a současnou politickou praxí. Rozdíl mezi ruským a západním myšlením je dán a

prohlubován i v současných podmínkách. Hlavní projevy jsou evidentní v oblasti politiky a mezinárodních vztahů. Odlišné zájmy evropských států pramení i z odlišného dějinného vývoje.

Problém identity je typickým projevem současného bádání a příkladem, který může být konzultován především v oblasti politiky a filosofie. Identita má několik aspektů, které dohromady vytvářejí daný smysl tohoto pojmu. Pod identitou můžeme rozumět několik významů, které mohou mít význam i v termínu legitimita, autenticita apod. Otázka slovanství je dlouhověkový problém, který je řešen v různých oborech vědeckého bádání. Text článku řešil vztah identity ke slovanství na úrovni filosofie a politického myšlení. Je možné poukázat i na zásadní otázky, které jsou obsaženy v díle T. G. Masaryka, ale i dalších autorů. Je zcela jednoznačné, že identita má přímou souvislost se slovanskou tradicí v několika rovinách.

Literatura

1. Taylor, Ch.: Multikulturalismus. Zkoumání politiky uznání. FÚ AV ČR, Filosofia. – Praha 2001.
2. Kant, I.: K věčnému míru. Oikoymenh. – Praha, 1999.
3. Aron, R.: Demokracie a totalitarismus Atlantis. – Brno, 1988.
4. Komárková, B.: Původ a význam lidských práv. SPN. – Praha, 1990.
5. Hromádka, J. L.: Masaryk. L. Marek. – Brno, 2005.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

М. А. Антипов

*Кандидат философских наук,
доцент,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

Summary. The text presents the author's attempt to analyze the ethnic identity of the ancient Slavs. Indicates that the base of identity of the ancient Slavs was constituted by such formations of spiritual culture as mythology, religious beliefs and folk art. Further, the author proceeds to consider the mentality as a factor in the formation and maintenance of ethnic identity. Showing archetypal nature of this phenomenon.

Keywords: ethnic identity; mentality; archetypes; ancient Slavs; the community.

Утверждению этнической идентичности во многом способствуют различные формы духовной, культуросозидающей деятельности, осуществляемые в рамках одной нации, представителями одного народа. Та-

кие формы культуры, как мифология, философия и искусство, которые могут рассматриваться и как типы мировоззрения, и как типы духовной деятельности, и как формы общественного сознания, являлись у многих народов важнейшими инструментами поддержания и развития национальной идентичности, то есть совокупности представлений, разделяемых представителями одного этноса, проживающего на территории государства, о его месте в мировом сообществе, о его специфике и назначении.

Например, у древних греков изначально эту функцию выполняла такая форма культуры, как мифология. В мифических сказаниях о героях, в еще более ранних космогонических текстах, в повествованиях о богах, содержится Дух народа, его универсальные представления о месте в мире, о смысле существования, об историческом прошлом и возможных вариантах развития в будущем. Так, мифология греков, выражая «душу народа» в символически-образной форме, даровала древнему греку чувство принадлежности к своему народу, к своей этнической общности и вселяла в него уверенность, что его народ, его страна – это центр Земли, а все остальные народы находятся на периферии. Языческие культы способствовали сплоченности греческого народа, как между собой, так и с природой.

С формированием философского мировоззрения на смену образу приходят логика и слово, и мудрецы древности, рассуждая о мире и месте человека в нем, тем самым формируют народную идентичность, а если говорить точнее полисную идентичность греков.

Что касается русского народа, то здесь исконным фактором формирования идентичности были как языческие верования, так и народное искусство. Национальная идентичность как чувство сопричастности судьбе и жизни своего народа формируется за счет развитой национальной, и прежде всего народной культуры.

Социальный смысл идентичности, на наш взгляд, состоит в сплочении представителей одного этноса в единое целое, формировании чувства солидарности. Для русского народа как наследника древних славян, подобное мироощущение, основанное на соборности и сплоченности, являлось исторической традицией, восходящей к языческим верованиям и древнеславянским традициям.

«Для языческого мирозерцания и мироощущения характерно то, что человек не противопоставлял себя космосу, природе, а растворялся в них, становясь таким же целым, как и они. Ощущая «себя принадлежностью целого», человек закреплял в общинных традициях нормы своего существования не только в природе, но и в мире людей: общине или роде, вследствие этого род или община гарантировали ему защиту и поддержку» [1].

Итак, идентичность у древних славян означала чувство принадлежности к роду, а затем – к общине.

Важным фактором формирования и поддержания идентичности служит общность психологических черт, которые составляют особый соци-

ально-психологический феномен – менталитет. Менталитет как этнический характер имеет, на наш взгляд, архетипическую природу.

Понятие архетипа получило наиболее четкую и глубокую проработку в трудах К. Г. Юнга («Человек и его символы», «Душа и миф: шесть архетипов», «Проблемы души нашего времени», «Эон», «Психоанализ и искусство»). Согласно его концепции, архетип представляет собой устойчивый тип отношения представителей одного социума к объективной действительности, действующий на уровне коллективного бессознательного, которое «досталось нам от первобытных времен в специфической форме мнемонических образов или было унаследовано в анатомической структуре мозга»[5].

В архетипах запечатлен национальный характер, мироотношение, мироощущение народа. Архетипы имеют свойство проявлять себя как в сновидениях, так и в мифах, традициях, искусстве, фольклоре и языке. Каждый архетип – это элемент коллективного бессознательного, основа народной ментальности, прообраз определенной черты личности или того или иного фрагмента объективной действительности. Личностными архетипами являются анима (женское начало), анимус (мужское начало), тень (темная сторона личности), самость (светлая сторона личности, самореализация, совершенствование) [4]. Архетипов, отражающих объективную реальность, великое множество, и в культуре каждого народа присутствуют схожие архетипы, хотя различающиеся по частным характеристикам. Как объясняет швейцарский психолог и философ, форму архетипа «...можно сравнить с осевой структурой кристалла, которая до известной степени предугадывает кристаллическую структуру матричной жидкости, хотя сама по себе материально и не существует» [3].

Именно этим обусловлено, на наш взгляд, уникальность каждой культуры, несмотря на наличие культурных универсалий.

Основные архетипы, выражающие ментальность представителей русского народа, а значит его дух, содержит в себе русская культура, в том числе и русский язык. По мнению И. А. Бирич, «...древнерусское мирозерцание изначально тяготело к фундаментальным основам Бытия, не только оставив нам образцы возвышенной поэтической символики, но и космической мудрости, проницательности» [2].

В исконно русских понятиях зафиксированы древнейшие прообразы окружающей действительности, выражающие отношение наших предков к мирозданию. Так, в словах «правь», «явь» и «навь», которые составляют коренную основу современных слов, содержатся представления славян о мироустройстве. «Правью» они называли верхнюю часть мира, где царят закон и справедливость. Явь – это средний, видимый (явный) мир. Навь – это нижний мир, откуда посылались людям наваждения и наветы [2].

Таким образом, основаниями этнической идентичности древних славян можно считать общность культуры, языка, мировоззрения и менталитета.

Библиографический список

1. Антипов М. А. Традиции взаимопомощи как аспект общественных отношений древних славян // Этногенез и ранняя история народов Евразии : материалы международной научно-практической конференции (Пенза-Прага, 5–6 апреля 2010 г.) – Пенза : ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. – 167 с. – С. 85–89.
2. Бирич И. А. Современный русский язык – хранитель древнего мирозерцания (главные архетипы русского сознания) // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». – № 1, 2009 – Философия. Политология.
3. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / Пер. с англ. – К. : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с. – С. 216
4. Юнг К. Г. Человек и его символы. – М. : Серебряные нити, 2011. – 352 с.
5. Юнг К. Г. Нойманн Э. Психоанализ и искусство. – М. : Ваклер, 1998. – 306 с. – С. 26.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПАНДЕМОНИЗМЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

С. А. Гончаров

Учитель,
Средняя общеобразовательная
школа № 40,
г. Белгород, Россия

Summary. Demonic characters play a special role in the Slavic culture. Beliefs about them survived. But they get the new forms.

Keywords: paganism; Eastern Slavs; Slavic mythology; demons.

Каждый народ имеет свою религию и систему мифов. Восточные славяне первоначально были язычниками. Понятие «язычество» возникло в церковной среде в первом тысячелетии нашей эры и поначалу означало все нехристианское [4, с. 332]. По мысли Б. А. Рыбакова, славянское язычество – это часть огромного, общечеловеческого комплекса первобытных воззрений, верований, обрядов, идущих из глубин тысячелетий и послуживших основой позднейших религий [14, с. 3]. Народные сказки, хороводы, песни, былины, красочные и глубокие по смыслу свадебные обряды, народные вышивки, художественная резьба по дереву – все это может быть исторически осмыслено только с учетом древнего языческого миропонимания [13, с. 6].

По мнению исследователей, языческое мировоззрение земледельцев Восточной Европы сложилось во II–I тысячелетиях до нашей эры, в эпоху первобытного строя и бронзового века, задолго до возникновения государств у славянских народов [12, с. 10]. У древних славян сформировался культ земли, солнца, дождя, рек, источников, то есть всего того, что было

связано с производственной деятельностью земледельца [12, с. 10]. К тому времени, когда в 988 году Русь приняла православную веру, исторический путь, проделанный славянами, был еще очень коротким (ведь только в IV–VI веках восточные славяне стали формироваться как самостоятельный этнос), а их языческие представления не успели принять вид единой системы. Особенно важно то, что славянская мифология существовала исключительно в форме устных преданий, так как до принятия православной веры у славян не было письменности [8, с. 8]. Разрозненные сведения о древнерусской религии можно найти в летописях и христианских поучениях, направленных против язычества. Некоторые подробности о славянском язычестве можно почерпнуть из работ византийских и античных писателей [8, с. 8]. Остатки религиозных представлений наших предков живут в легендах, сказках, летописях, народных обычаях и художественной литературе. Однако таких сведений очень мало, поэтому каждый факт, проливающий свет на языческую религию восточных славян, представляет научный интерес. Особую роль сейчас играет этнография, которая изучает происхождение и расселение народов, их быт и культуру. Кроме письменных и этнографических источников на помощь ученым приходит археология [1, с. 3]. Постепенно земля открывает свои тайны исследователям.

Язычество отразило важнейшие стороны хозяйственной, общественной, духовной сферы древних обществ и их природного окружения и поэтому может быть одним из важнейших источников в изучении древности [15, с. 360]. Оно было системой, учитывающей глобальные закономерности развития природы и общества, и в силу этого многие его положения заслуживают переосмысления не только сегодня, но даже и завтра. Необходимо отметить, что после принятия христианства язычество не было окончательно вытеснено. К началу XIII века на Руси сложилось двоеверие, дожившее до наших дней [4, с. 333]. В сознании нашего народа остатки языческих верований мирно уживаются с преданностью христианской вере.

Современные ученые разделяют восточнославянскую мифологию на высшую и низшую. Высшая мифология включает в себя славянский пантеон, то есть представления о богах, а низшая – это совокупность представлений о демонах, духах и людях, наделенных сверхъестественными способностями.

В восточнославянской религии существовали верования, связанные с демонами, которые в совокупности составляли славянский пандемониум. Византийский историк Прокопий Кесарийский (VI век) упоминает о почитании славянами рек. Прокопий показывает, что славяне, вторгшиеся в VI веке на Балканы, а это были славяне южные и восточные (анты), наряду с главным богом поклонялись лесным, водяным и другим демонам, приносили им жертвы и при этих жертвоприношениях гадали [10, с. 270]. О культе водных источников (рек, озер, родников, колодцев) и рощ дружно говорят средневековые авторы. Но они скупо упоминают о демонологии

славян. Поэтому материал для реконструкции пандемониума черпается из данных этнографии и фольклористики, которые извлечены из стихии поздних, синкретических верований. Кроме традиционно привлекаемого фольклорного материала современные исследователи используют многообразные «малые» фольклорные формы (заговоры, приговоры, заклинания, проклятия и бранные выражения, формулы запугивания, отгона и словесные обереги) [2]. Из этнографических источников, кроме поверий, дающих основную массу сведений о мифологических персонажах, привлекаются данные некоторых обрядов, а также мотивировки ритуально-магических действий, запретов и нормативных предписаний. Определенные сведения о демонах можно почерпнуть из обычаев переезда в новый дом, ряжения и гаданий [2]. Существенно дополняют картину реликты языкового наследия, открывающие доступ к праславянским представлениям. Вместе оба источника – фольклорно-этнографический и лингвистический – позволяют воссоздать хотя и не бесспорную, но все же достаточно верную панораму славянской демонологии.

Согласно одной из гипотез, представления о демонах сложились довольно поздно, позже, чем вера в божества. Согласно другой, демоны представляли собой однородную массу, затем обособлялись. Прежде всего, по месту обитания, становясь «хозяином места» [5, с. 36]. В водной стихии господствовали водяные, а лес был царством лешего. В жилище обитал «хозяин» домовый. Вера в демонов приближала восточных славян к следующему этапу – политеизму, то есть вере в богов [5, с. 37]. Одни исследователи полагают, что славяне верили в демонических существ с глубокой древности. Другие считают, что представления о демонах сложились довольно поздно – после принятия христианства. Они отмечают, что имена славянских демонов дошли до нас по свидетельствам XVIII–XX веков.

В настоящее время для всех, кто занимается вопросами восточнославянской демонологии, становится очевидным, что нельзя признать удовлетворительной исторически сложившуюся научную терминологию, с помощью которой можно было бы достаточно точно и непротиворечиво определить важнейший элемент демонологической системы – сам персонаж пандемониума. Наименее разработана сейчас проблема классификации демонологических персонажей. Ни одна из известных нынче классификаций не может быть признана абсолютной. При попытках распределить мифологических персонажей по определенным рубрикам исследователи обычно учитывают следующие параметры: место обитания (хранители пространственных зон), то есть принадлежность персонажей к домашнему (домашние демоны) или природному (демоны природы) пространству; принадлежность к категории живых людей (полудемонические существа) или к демонам [2]. Кроме того, до настоящего времени среди специалистов идут споры о том, являются ли демонические персонажи собственно демонами, или же они являются духами. На взгляд большинства исследователей, данные персона-

жи относятся к демоническим существам, так как в представлениях восточных славян они имеют телесный облик, а не являются бестелесными духами, к которым, например, можно отнести бесов.

Вера в демонов у восточных славян дожила до наших дней. Она сохранялась длительное время. Выдающийся историк Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) отмечал это в своем труде «История государства Российского»: «В суеверных преданиях народа русского открываем также некоторые следы древнего славянского богопочитания: донныне простые люди говорят у нас о леших, которые видом подобны сатирам, живут будто бы в темноте лесов, равняются с деревьями и травой, ужасают странников, обходят их кругом и сбивают с пути, о русалках, или нимфах дубрав (где они бегают с распущенными волосами, особенно перед Троицыным днем), о благодетельных и злых домовых, о ночных кикиморах» [7, с. 30].

Современные представления славян о демонах сильно отличаются от древних. В нынешнее время фигурируют новые персонажи. Лешего в современных народных рассказах отождествляют со «снежным человеком». Максим Голубев в своей работе «Энциклопедия чудес, загадок и тайн» пишет: «Леший – это полумистический сказочный образ, устаревающее русское название реликтового гоминоида, «снежного человека» [9].

Домовой сейчас сблизается с барабашкой [6]. Само понятие «барабашка» появилось в начале 90-х годов XX века. Действия данного персонажа соответствуют утверждениям о разгневанном домовом. В нынешних представлениях домовый и барабашка часто отождествляются с понятием «полтергейст». Термин «полтергейст» происходит от немецких слов «*polter*» – «громыхать», «шуметь», «стучать» и «*geist*» – «дух» [11]. Считается, что он может швыряться камнями или грязью, передвигать различные предметы, громко стучать, нападать на человека, сильно кричать. В настоящее время существует множество гипотез, объясняющих полтергейст как явление. В. Н. Фоменко выделяет мифическую теорию, которая утверждает, что это проделки домового; религиозную (проявление бесов); оккультную (явление душ умерших, не нашедших покоя после смерти) и многие другие [3, с. 26]. Современные рассказы о домовом, барабашке и полтергейсте очень близки. Они напоминают традиционное представление славян о разгневанном чем-то домовом.

Важно отметить, что представления о мифологических покровителях природных пространств и демонах дома и хозяйственных построек дожили до настоящего времени. В лешего, водяного и русалок до сих пор верят в некоторых местностях России, Украины и Белоруссии. В современной России можно услышать былички о домовом, дворовом, баннике и прочих демонах. Особенно сильна вера в демонических существ в сельской местности. Представления о демонах были тесно связаны с бытовой магией, жизнью человека, именно поэтому они сохранились. Но в наши дни эти представления приобретают иные формы. Лешего соотносят со «снежным

человеком», домового отождествляют с полтергейстом и барабашкой, а водяного сравнивают с морскими чудовищами, рассказы о которых мы до сих пор можем услышать. Иногда встречаются крайне редкие представления, характерные для определенной эпохи. Т. С. Ильина и А. Л. Топорков приводят рассказ, где упоминают о явлении лешего в облике И. В. Сталина. Из всего сказанного, опираясь на мысли исследователей, можно сделать вывод, что в настоящее время персонажи низшей мифологии восточных славян фактически полностью вытеснены новыми образами, связанными с повсеместным увлечением оккультизмом.

Библиографический список

1. Боровский Я. Е. Мифологический мир древних киевлян. – Киев : Наукова Думка, 1982. – 103 с.
2. Виноградова Л. Н. Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения : дис...докт. филолог. наук в форме науч. докл. – М., 2001 / URL : Библиотека Svitk.ru; http://svitk.ru/004_book_book/11b/2454_vinogradova-slavyanskaya_narodnaya_demonologiya.php
3. Горбовский А. А. Незванные гости? Полтергейст вчера и сегодня. / Новое в жизни, науке, технике, сер. «Знак вопроса». – М. : Знание, 1990. – № 5. – 48 с.
4. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. – Н. Новгород : Изд. «Русский купец и Братья славяне», 1995. – 368 с.
5. Дворниченко А. Ю., Кривошеев М. В., Кривошеев Ю. В. История Древней и Средневековой Руси. / под ред. А. Ю. Дворниченко. – Гатчина : СЦДБ, 2005. – 382 с.
6. Ильина Т. С., Топорков А. Л. Мифологическое в жизни современной севернорусской деревни / Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – URL : <http://www.ruthenia.ru/folklore/ilynatoporkov1.htm>
7. Карамзин Н. М. История государства Российского. – М. : Эксмо, 2002. – 832 с.
8. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. – М. : Астрель ; АСТ, 2002. – 528 с.
9. Леший (лесовик, лешак, лесной дядя, лисун, боровик, бор, албастый, лобастый, лопастый). – URL : <http://www.bestiary.us/leshiy> (Эл. ресурс).
10. Нидерле Л. Славянские древности / пер. с чеш. Т. Ковалевой и М. Хазанова. – М. : Изд. иностранной литературы, 1956. – 450 с.
11. Полтергейст: понятие, описание, типы, причины // Гуили Р. Э. Энциклопедия привидений и духов. – URL : <http://www.abc-people.com/phenomenons/poltergeist/polter-4.htm> (Эл. ресурс).
12. Русское православие: вехи истории. / под ред. А. И. Клибанова. – М. : Изд. политической литературы, 1989. – 719 с.
13. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М. : Изд. АН СССР, Отделение истории, Институт Археологии ; Наука, 1987. – 782 с.
14. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М. : Изд. РАН, Отделение истории, Институт Археологии ; Наука, 1994. – 606 с.
15. Чмыхов Н. А. Истоки язычества Руси. – Киев : Лыбидь, 1990. – 381 с.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СЕГОДНЯ ФЕНОМЕН ДВОЕВЕРИЯ

О. Н. Дьяченко

*Кандидат философских наук,
Курский институт развития
образования,
г. Курск, Россия*

Summary. This article presents the results of a sociological survey, the aim of which was to examine the perceptions of religious features of Christianity among Orthodox believers. Results of this study suggest the pagan origins and ritual and mythology in the worldview of modern Orthodox Christians.

Keywords: Orthodox Christians; mythological thinking; paganism.

С 2008 по 2012 гг. мы проводили социологический опрос, чтобы выяснить, насколько хорошо православные христиане понимают сущностные особенности своей религии. В анкетировании приняли участие около 850 человек: учителя и воспитатели, студенты, служащие, сотрудники коммерческих фирм в возрасте от 18 до 58 лет. Мы опрашивали только тех, кто постоянно ходит в храм (не менее одного раза в месяц). Результаты этих исследований вызвали, мягко скажем, недоумение. Потому что православные христиане, много лет посещающие храм, участвующие в Таинствах, оказались не в состоянии объяснить сущность главных христианских догматов, воспроизвести в содержательном плане основные события Священного Писания, смысл даже двенадцатых праздников. Более 75 % участников опроса не смогли пояснить, в чём сущность их веры, раскрыть особенности вероучения.

Вместе с тем, свыше 87 % респондентов прекрасно знают народные традиции православных праздников, готовы рассказать о значении примет, связанных с религиозной тематикой, охарактеризовать региональные особенности народных обычаев.

Анализируя результаты опроса, можно утверждать, что подавляющее число респондентов (72 %) не читали (или не читают постоянно) Священное Писание, в то время как с фрагментами поучений Отцов или Учителей Церкви или с иной душеполезной литературой многие знакомы значительно лучше, чем с главным источником христианского вероучения. При том, что запрет на чтение Библии вне храма существовал разве что в эпоху Средних веков, да и то в Европе.

Главным же проявлением религиозности человека, по мнению 91 % опрошенных, является правильность совершения церковных обрядов. И здесь вспоминаются многочисленные статьи на православных сайтах, обсуждения на форумах по поводу проблемы так называемого обрядоверия.

Конечно, никто не посмеет подвергать оценке религиозные чувства или вести речь об отсутствии истинной веры среди христиан, но результаты опроса заставляют серьёзно задуматься о том, в чем же причина такого положения вещей? И как случилось, что обрядоверие стало синонимом религиозности, а иногда и образом жизни для многих христиан, а суеверие поглотило начатки подлинной религиозности?

Анализируя памятники материальной и духовной культуры, запечатлевшие в себе образы религиозно-мифологических представлений древних славян, очевидно, что данное явление имеет своим источником значительно развитую языческую культуру со своей мифологией, пантеоном главных божеств, обрядовой практикой. Сущностной особенностью языческих представлений славян была значительно сформированная, по сравнению с другими народами, демонология, преобладание аграрных обрядов и связанных с ними ритуалов, вера в посмертное существование души, которая дифференцировалась как «душа», символизирующая жизнь человека – душа-дыхание и душа мертвого – копия умершего человека, его тень.

Многочисленные отражения в фольклоре мифологических мотивов и, что важнее, самая организация её при помощи традиционного набора бинарных оппозиций, воспроизведение древней модели мира свидетельствуют, что языческие представления не только не разрушились с христианизацией, но вполне сохранили свои позиции универсального регулятора человеческого поведения. Они лишь отчасти уступили на массовом уровне эту функцию народной вере. В своей же основе народная жизнь оставалась традиционно языческой.

Уже в период существования двоеверия и впоследствии повсеместно происходит проникновение языческих элементов не только в народное творчество, но и в произведения христианского искусства – храмовую пластику, церковное шитьё, где глубоко христианские по смыслу образы на средниках обрамлялись орнаментальными каймами, содержащими языческие символы. Это позволяет основательнее раскрыть семантику средневекового искусства и, соответственно, реконструировать понимание мироустройства в средневековой Руси.

Поэтому было бы ошибкой считать, что в России «...не было языческого прошлого. Оно было, и побледневшие, а иногда и очень яркие следы его и воспоминания надолго сохраняются и в памяти народной и в быту, и в самом народном складе» [2, с. 2].

Христианство, победив язычество в идеологическом плане, не смогло преодолеть его в плане бытовом. Миф всегда воспринимался славянами как существующая вокруг действительность, поэтому славянская мифология, бесспорно, раскрывает особенности мировосприятия русского человека. Мифологическое мышление русского народа было реализовано в обыденной жизни, в поверьях, иногда в суеверьях, в языческих обрядах и ритуалах, в слогe повседневного общения. Всё это выразилось в богатейшей

фантазии русского человека и проявилось в народном творчестве, искусстве, художественной культуре. В народных верованиях, обрядах и обычаях христианские понятия и принципы не только сосуществовали с языческими, но зачастую преодолевались ими. Религиозно-мифологические воззрения славян перешли из разряда сакральных, место которых заняла христианская догматика, в разряд обыденных представлений. Они внедрились в виде семантических компонентов в народное искусство, фольклор, стали частью художественного творчества выдающихся поэтов, писателей, художников и композиторов, которые восприняли и воссоздали в своём творчестве поэтическое отношение к окружающей действительности, наглядно-образное объяснение и описание природы, восприятие человека как неотъемлемой части природного мира, характерное для мифологического мышления.

Отсюда понятна глубокая привязанность современного христианина к православным символам и атрибутам, которая легко уживается с языческо-обрядовым мышлением, а двоеверие являет себя в форме пристрастия к обряду, ритуалу. В связи с этим, нельзя не вспомнить слова Ф. М. Достоевского о том, что «Православие: это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство... в нём одно человеколюбие» [1, с. 794].

Исходя из вышесказанного, следует, что евангельские слова об «опасностях от язычников» не утрачивают для верующих актуальности и сегодня. Для православного человека в России духовную угрозу представляют не только экономические катаклизмы, разрушительные последствия информационной цивилизации, духовно-нравственный кризис, но то, что существует в нём самом, в том, что глубоко укоренено в его мышлении – в языческом мировосприятии действительности.

Библиографический список

1. Лосский Н. О. Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей. – Харьков : Фолио; М. : ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. – 864 с.
2. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991. – С. 2.

АНТРОПОКОСМИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Б. А. Дорошин

*Кандидат исторических наук,
доцент,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

Summary. This article discusses some of the humanistic component of Russian culture. It's explained due to their dependence on the specifics of Russian holistic mentality. The problem of its determinacy by natural environment being of the Russian people.

Keywords: Russian culture; anthropocosmism; humanism.

Одним из первых европейских мыслителей, усматривавших в качестве источника духовного обновления западной цивилизации Россию, явился назвавший её «страной будущего для человечества» И. Гердер. Ещё в 1765 г. он связывал возлагаемые им большие надежды на Россию отнюдь не с исторической «юностью» русского народа и нерастраченностью его сил, а с неповторимостью его души. Он узрел в русских «будущих носителей высшей человечности, прирожденных освободителей и обновителей человечества», единственных, кто способен и достоин воплотить в себе идеал добра [6, с. 25–26].

В первой половине XX в. другой немецкий мыслитель – В. Шубарт полагал, что готовится «...восхождение славянства как ведущей культурной силы», и особую роль в этом отводил России [6, с. 22]. Последняя, на его взгляд, сохранила те духовные начала, которыми необходимо дополнить созданные Западом «...совершенные виды техники, государственности и связи» [6, с. 33], что видится особенно актуальным в условиях интенсивно прогрессирующего технотронного общества XXI в.

Эти начала интегрированы в строй души народа, в его культуру, во многом определяемые, согласно некоторым подходам, структурой обусловливающего их формирование и развитие пространства. Полагая, что «Из духа земли вырастает душа народа», В. Шубарт констатировал обусловленность архетипического базиса всякого национального характера и типа личности природно-климатическими условиями – «чарами пространства», трансформирующимися в сознании подверженного их влиянию населения в местных богов [6, с. 14–15]. Так формируются равнинные и горные типы, соответствующие хтоническим и теллурическим культурам Л. Фробениуса [1]. Русские национальный характер и культура, сформировавшиеся в обширных лесных и степных просторах Евразии, примыкают с точки зрения данных типологий к числу хтонических и равнинных.

Существенной особенностью жизни в обширных равнинных пространствах является её соразмерность большим временным циклам, ориентирующая на устремлённость к вечности. В условиях бурного научно-технического прогресса, соподчиняющего человеческое бытие увеличивающимся машинным скоростям и детерминирующего возрастание темпов жизни до крайне удалённых от природосообразности величин, «равнинная» парадигма в организации жизнедеятельности может служить определённым компенсаторным фактором неблагоприятному аспекту влияния техники, а на уровне функционирования соответствующих институтов общества – выступать одним из социокультурных и психологических оснований реализации принципов устойчивого развития.

В данном контексте значима определённая близость ментальностей русских с их неторопливостью и сдержанностью [6, с. 59–60], и китайцев, важным компонентом традиционной духовности которых является состояние недеяния (у-вей), понимаемое как путь обеспечения человеко-мирной соразмерности и гармонии, поддержания «золотой середины», и являющееся основой китайского мировоззрения [4, с. 22].

В русской культуре принцип антропокосмического единства проявляется в том, что наиболее полно выражающий её тип личности «полагается на сверхчувственную силу, которая организует собою изнутри всю земную жизнь», и опирается на «живое вселенское чувство всеобщности и успокаивающих взаимосвязей в мире», манифестирующие постоянное близкое присутствие Бога [6, с. 87]. Такая сопричастность божественному в трансперсональном контексте может быть соотнесена с интеграцией хилотропического и холотропического модусов сознания, дающей возможность эмоционально и духовно обогатить, наполнить новыми положительными смыслами обыденную жизнь человека [2, с. 431–433].

Холистичность сознания носителя традиционной русской культуры была предопределена условиями и характером его жизни, протекавшей в теснейшей деятельностной и перцептивно-эмоциональной интеграции с окружающей естественной средой в повседневной хозяйственной практике и неспешном отдыхе на лоне природы [5, с. 147]. Это сдерживало возрастание у него индивидуального начала и наделяло его «четко выраженной способностью к цельному созерцанию», а также формировало «чувство, что ничто не следует рассматривать в отдельности» [6, с. 15; 23]. Из данного психологического базиса вырастал тип мышления, которое, в отличие от стремящегося к жёсткой упорядоченности механистического западного, было интуитивистским, пластичным, не терпящим педантичной регламентации и насилия [5, с. 20–21].

Все эти особенности душевного склада русских, предрасполагающие к эмпатии и миролюбию, запечатлены в их культуре, отражающей в той или иной степени реальность национального общественно-исторического бытия. К примеру, в русском былинном эпосе полностью отсутствует тема

религиозной войны, так же как неизвестны в нём и темы религиозной или расовой вражды и непримиримости.

Главной задачей боевых действий, осуществлявшихся русским воинством и отдельными богатырями как вместе, так и порознь, в былинах предстаёт защита Русской земли, а не обогащение или, тем более, разбой, нередко мотивировавшие героические деяния фигурантов исторических, фольклорных и литературных сюжетов Запада [5, с. 12–20]. Эту же особенность русского военного дела на конкретном историческом материале констатировал и В. Шубарт, писавший, что, не слишком организованные для высокоэффективного наступления, в обороне русские «не знают себе равных, поскольку они по натуре мастера терпеливой выдержки» [6, с. 101].

Отмечая большую духовную близость русских с индусами, немецкий славянофил указывал в связи с этим на выработанный последними идеал ненасилия – ахимса [6, с. 16]. Не случайно исторические данные свидетельствуют о большей гуманности русского права относительно того, что заимствовалось в ходе религиозного и культурного транзита из Византии. Так, в раннесредневековом «Законе Русском» полностью отсутствуют нормы о наказании посредством телесных повреждений, а для большинства случаев предусматриваются только *денежные штрафы* (в тройном размере по отношению к ущербу), что весьма необычно на фоне типичных для того времени суровых законов, да и в целом русское право было проще и гуманнее не только византийского, но и франкского, и вообще западно-европейского [3, с. 147].

Представляется, что в современных условиях, когда глобальные и региональные трансформации катализируют риски техногенного и природного характера, обостряют противоречия между странами и народами, выливаясь в некоторых случаях в открытые конфликты, возникновение «горячих точек» вооружённого противостояния, сопровождающегося тяжёлыми гуманитарными последствиями, наследие русской культуры с её антропокосмически обусловленными гуманистическими компонентами может быть актуализировано в качестве одного из духовных оснований для налаживания конструктивного взаимодействия различных субъектов общественной жизни и международных отношений.

Библиографический список

1. Белик А. А. Культурология: Антропологические теории культур. – М. : РГГУ, 1999 // Библиотека Гумер. Гуманитарные науки. – URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Belik/_02.php (дата обращения: 14.10.2014).
2. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф; Пер. с англ. А. Андрианова, Л. Земской, Е. Смирновой под общ. ред. А. Дегтярёва. – М. : ООО «Издательство АСТ» и др., 2001. – 504 с.

3. Кузьмин А. Г. История России с древнейших времен до 1618 г. : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : В 2 кн. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1. – 448 с.
4. Кутоманов С. А. Ноосферно-экологический императив в социоприродной целостности: философско-антропологический аспект : дисс. ... канд. филос. наук. – Белгород, 2005. – 154 с.
5. Мединский В. Р. О жестокости русской истории и народном долготерпении. – М. : ЗАО «САМА Медиа Групп», 2010. – 240 с.
6. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М. : «Русская идея», 2000. – 443 с.

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАННЕЙ ЛИРИКИ В. ШИМБОРСКОЙ

А. В. Жирнов

*Ассистент,
Оренбургский государственный
медицинский университет,
г. Оренбург, Россия*

Summary. This article observes the sound symbolism of W. Szymborska's early poems. Connection between meaning of the words and its' phonetic features in the Szymborska's poems is the main subject of the article.

Keywords: Wislawa Szymborska; sound symbolism; phonosemantics.

Вислава Шимборская входит в плеяду наиболее прославленных польских поэтов, авторов критических статей, фельетонов, переводов (французская поэзия). Она автор более 20 книг, среди них сборники стихотворений: «Вопросы самой себе», «Призыв к Йети», «Сто стихов, сто утех», сборник эссе «Необязательное чтение».

Для выявления фоносемантических особенностей лирики Виславы Шимборской проанализируем стихотворения «Nic dwa razy» («Ничего дважды»), из сборника «Wołanie do Yeti» («Призыв к Йети»), выпущенного в 1957-м году, и стихотворения «Muzeum» («Музей»), «Koloratura» («Колоратура») из сборника «Sól» («Соль»), напечатанного в 1962-м году.

Рассмотрим особенности звукоизобразительной системы стихотворения «Nic dwa razy» («Ничего дважды»), которое является ярким образцом философской лирики Шимборской.

Используя методику фоносемантического анализа, включающую метод концептуального анализа и статистический метод, мы определили, что особенности фоносемантики в данном произведении связаны с числом «два», раздвоенностью пространства текста. Эта двойственность достигается чередованием как гласных звуков, так и согласных: гласные переднего

ряда чередуются с гласными среднего и заднего рядов, создавая волнообразный вокалистический рисунок стихотворения:

Nic dwa razy się nie zdarza
i nie zdarzy. Z tej przyczyny
zrodziliśmy się bez wprawy
i pomrzemy bez rutyny.

Сонорные и твёрдые согласные, выражающие твёрдость и яркость, противопоставляются среднеязычным шипящим согласным, которые традиционно воспринимаются носителями польского языка как средство для выражения мягкости и нежности (в отличие от носителей русского языка, для которых эти звуки связаны с отрицательной эмоциональной коннотацией):

Choćbyśmy uczniami byli
najlepszymi w szkole świata,
nie będziemy repetować
żadnej zimy ani lata.

Также среди фоносемантических особенностей данного стихотворения отметим частое употребление носовых гласных, которые в польском языке произносятся с запаздыванием носового призвука. Эта их артикуляционная особенность придаёт произведению некую неторопливость и размеренность:

Czemu ty się, zła godzino,
z niepotrzebnym mieszasz lękiem?
Jesteś - a więc musisz minąć,
Miniesz - a więc to jest piękne.

Далее рассмотрим фоносемантические особенности стихотворения «Muzeum» («Музей»).

Используя методику фоносемантического анализа, включающую в себя метод концептуального анализа и статистический метод, мы определили, что в тексте преобладают гласные среднего и заднего рядов, которые по своей артикуляции являются полновзвучными и широкими (при их произнесении нижняя челюсть опускается и объем воздуха, выходящего из легких, увеличивается). Это придает тексту распевность, неторопливость и полновесность:

Są talerze, ale nie ma apetytu.
Są obrączki, ale nie ma wzajemności
od co najmniej trzystu lat.

Очень часто в тексте используется сонорный «l», который придает звучанию стихотворения плавность, «округляет» звучание стихотворения:

Metale, glina, piórko ptasie
cichutko tryumfują w czasie.
Chichocze tylko szpilka po śmieszce z Egiptu.

Обилие в тексте твердых согласных придает его звучанию увесистость и размеренность, обрисовывая спокойствие атмосферы музея и неподвижность экспонатов:

Korona przeczekała głowę.

Przegrała dłoń do rękawicy.

Zwyciężył prawy but nad nogą.

Проанализируем фоносемантические особенности стихотворения «Koloratura» («Колоратура»), входящего в сборник «Sól» («Соль»): в произведении создается образ колоратурного сопрано – самого высокого женского голоса, отличающегося чистотой и прозрачностью звучания и большой подвижностью.

Используя методику фоносемантического анализа, включающую метод концептуального анализа и статистический метод, мы определили, что для создания образа колоратурного сопрано автор прибегает к использованию чередований звуков разной артикуляции, что создаёт особый мелодический рисунок стихотворения, приближая его к музыкальной мелодии. Также мы можем наблюдать повтор одних и тех же звуков, в данном случае можно рассмотреть как повтор одинаковых звуков в мелодии:

Człowieka przez wysokie C
kocha i zawsze kochać chce,
dla niego w gardle ma lusterka,
trzykrotnie słówek ćwiartki ćwierka
i drobiąc grzanki do śmietanki
karmi baranki z filizanki
filutka z filigranu.

Также можно отметить преобладание в тексте стихотворения гласных звуков, что делает его более «вокальным» и насыщенным в звуковом плане.

Таким образом, в фоносемантике ранней лирики В. Шимборской реализуется установка на подчёркивание особенностей лирического героя и образов с помощью звукоизобразительной системы языка, а так же на выявление внутреннего конфликта лирического героя путём противопоставления звуков разной артикуляции.

Библиографический список

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики. – Л., 1982.
2. Филиппова Т. С. Содержательность звуковой организации поэтического текста // Вопросы семантики. – Калининград, 1976.
3. Szymborska W. Poezje / Przedmowa J. Kwiatkowskiego. – Warszawa, 1970.

III. LANGUAGES AND CULTURE OF SLAVIC AND OTHER PEOPLES IN THE CONTEXT OF MODERN TRANSFORMATION

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

С. Н. Исмаилова

*Аспирант,
Московский городской
педагогический университет,
г. Москва, Россия*

Summary. Theoretical justification for studying verbal representation of the phraseological picture of the world. The work considers the phraseological picture of the world as an object of linguistic researches. Linguistic communicates with the picture of the world and the language, studies the ways of mental content fixation through the language.

Keywords: theoretical justification; phraseological picture of the world; linguistic; mental fixation.

Сам термин «фразеологическая картина мира» является довольно новым по своей сути термином в современной лингвистике. Хотя отмечается при этом постоянное внимание языковедов к исследованию вербализации фразеологической картины мира, как на материале одного конкретного языка, так и на материале нескольких языков при их сопоставлении друг с другом.

Целесообразно сделать обзор существующих в языкознании точек зрения на раскрытие и определение самого этого термина. Некоторые лингвисты при рассмотрении фразеологической картины мира обращаются к такому понятию как языковая картина мира.

Картина мира предстает для человека как «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (групповом или индивидуальном) сознании [16, с. 5]. Она формируется как результат непосредственного восприятия мира, его познания при помощи органов чувств и его осмысления при помощи абстрактного мышления [16, с. 4]. Лингвистика устанавливает связь картины мира и языка, изучает способы фиксации мыслительного содержания средствами языка.

Языковая картина мира, по мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, является разновидностью опосредованной картины мира, под которой языковеды понимают результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, материализующими существующую в сознании непо-

средственную когнитивную картину мира. Языковая картина мира – это комплекс языковых средств, отражающих особенности этнического восприятия мира, это совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определенном этапе развития народа [16, с. 6].

Языковая картина мира отображается различными языками и связана с лексическим и фразеологическим составом языка. Как отмечает О. Г. Дубровская, фразеологизмы, являясь вторичными образными наименованиями различных реалий действительности, продуктом языкового народного творчества, выступают «отдельными познавательными актами, выраженными в изолированных языковых структурах» [8, с. 36].

Ю. Д. Апресян, выводит понятие «фразеологическая картина мира», обращаясь к пониманию языковой картины мира, создаваемой фразеологизмами, отмечая необходимость учета антропоцентрического подхода к изучению языковой картины мира. Человек выступает в качестве меры всех вещей, значение целого ряда базовых слов и фразеологизмов сформировалось на основе антропоцентрического понимания мира [2].

Как отмечают исследователи Л. Ю. Буянова, Е. Г. Коваленко, фразеологические единицы играют особенную роль в создании языковой картины мира, так как они являются «средством освоения мира человеком, в них фиксируются, хранятся и воссоздаются его чувства, эмоции, ощущения, оценки, настроения» [4, с. 45].

По мнению Н. В. Поповой, посредством фразеологизмов формируется фразеологическая картина мира, подчеркивающая этноспецифические черты данного народа (содержание человеческого бытия, внешние и внутренние качества человека) и отображающая национальную специфику морально-нравственного аспекта (эстетические и этические ценности) [17].

Языковед исходит из понимания того, что фразеологическая картина мира является совокупностью знаний об окружающем мире, оставивших свой след во фразеологии, она может изучаться в сопоставительном аспекте с философских позиций. У каждого индивида и каждого этноса создается своя собственная фразеологическая картина мира, характерная для конкретной исторической эпохи. Она меняется, так как представляет собой живое образование. Фразеологическая картина мира подчеркивает этноспецифические черты народа, эксплицирует национальные особенности морально-нравственного аспекта, указывающие на эстетические и этические ценности. Фразеологическая картина мира может служить отражением национального видения и понимания мира [17].

Во фразеологической картине мира отражается содержание человеческого бытия, внешние и внутренние качества человека, пропущенные через языковой менталитет народа. При этом фразеологические единицы являются «средством освоения мира человеком, в них фиксируются, хра-

няться и воссоздаются его чувства, эмоции, ощущения, оценки, настроения» [4, с. 45].

По мнению Р. Х. Хайруллина, фразеологическая картина мира представляет собой своеобразный мир в языке, который имеет специфические черты в плане выражения и в плане содержания; она может быть сформирована языковыми средствами различных уровней: лексического, грамматического и стилистического [22]. Исследователь выделяет такие признаки фразеологической картины мира, как универсальность, антропоцентричность и экспрессивность. Универсальность проявляется в том, что фразеологизмы имеются в составе всех языков. Что касается плана содержания, то универсальные свойства фразеологической картины мира выражаются за счет присутствия в языках универсальных семантических категорий во фразеологии; в плане выражения – за счет наличия общих законов фразообразования в разных языках, тождественных фразообразовательных моделей, универсальности тематико-идеографического принципа классификации фразеологизмов [22].

И. И. Синельникова подчеркивает, что фразеологическая картина мира представляет связи и отношения, которые существуют в реальности у определенного народа, его лингвокультурную общность и национальное самосознание. Ее изучение происходит в рамках антропоцентрической парадигмы. Будучи национально-специфичной, фразеологическая картина мира одновременно является универсальной для всех языков. Универсальность, по мнению лингвиста, проявляется в плане формальной организации фразеологических единиц (наличие общеязыковых фразообразовательных моделей) и в плане семантики (нетождественность целостного значения идиом значению их компонентов), в общности тематики фразеосемантических полей для описания отдельных фрагментов мира [18].

Антропоцентризм как существенный признак фразеологической картины мира проявляется в том, что человек выступает главным критерием оценки действительности и как носитель национальной культуры. Одной из главных особенностей фразеологии, по мнению Д. О. Добровольского, является ее экспрессивная окрашенность, благодаря которой фразеологизмы доступны восприятию людей, обобщению и переосмыслению. Как отмечает лингвист, в «...литературе принято разграничивать две фразеологические картины мира». Фразеологическая картина мира № 1 представляет собой буквально интерпретируемый мир, в котором проявляются сверхъестественные качества у объектов окружающей действительности. Во фразеологической картине № 2 содержится сигнификативное значение фразеологизмов, и она соотносит заявленный образ с реальной действительностью [7].

Как подчеркивает Н. В. Попова, фразеологическая картина мира – это один из универсальных способов классификации фразеологизмов, ос-

нованиями которой выступают как экстралингвистические, так и языковые их особенности. Фразеология есть фрагмент языковой картины мира [15].

Фразеологические единицы языка обладают особым статусом. Как отмечает В. Н. Телия, сами фразеологизмы могут выполнять роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения, указывать на их символичный характер и в этом качестве выступают как языковые носители культурных знаков. Они отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [21].

Т. А. Смирнова высказывается о естественности существования фразеологической картины мира, так как фразеологизмы наиболее ярко отражают мировидение и миропонимания носителей языка, их культуру. Во фразеологической картине мира содержатся знания человека о мире, его представления о мироустройстве, результат их образного переосмысления [19].

Как отмечалось выше, в современном языкознании под фразеологической картиной мира понимается часть языковой картины мира, описанной средствами фразеологии, в которой каждый фразеологический оборот является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалий окружающей действительности. По мнению Т. Г. Никитина, разработка фразеологической картины мира с учетом человеческого фактора становится приоритетным направлением антропологической лингвистики, объединяющей данные социолингвистики, психолингвистики, этнолингвистики, и призванной стать единой теорией языка и человека [14, с. 69].

В лингвистике признается тот факт, что фразеологический фонд языка является носителем и источником национально-культурной информации. По наблюдениям языковедов, национально-культурную семантику следует искать преимущественно в словах, фразеологизмах и афоризмах, при этом именно во фразеологическом фонде национальная самобытность языка получает яркое и непосредственное проявление [5, с. 301].

Целесообразно осветить подробнее лингвокультурную специфику фразеологизмов. А. Ф. Артемова называет их лингвокультурологическими единицами, а именно «...единицами, в которых отражено мировоззрение того или иного лингвокультурного общества» [3, с. 79]. Как справедливо отмечает В. Н. Телия, для фразеологизмов характерна образная мотивированность, которая связана с мировидением народа-носителя языка, они обладают культурно-национальной коннотацией [21]. Л. А. Лебедева подчеркивает, что национально-культурная специфика фразеологических единиц обнаруживается как в плане выражения, так и в плане содержания. В плане выражения – в наличии в их составе особых культурных примет – маркеров (без эквивалентной предметной лексики, этнонимов, топонимов, архаизмов и т. д.), требующих этимологического или историко-культурного

комментария при их анализе. В плане содержания – в денотативной соотнесенности образа сравнения и сопутствующих ему коннотациях, которые отражают «национальный колорит» [13, с. 66]. Во фразеологии отражаются национальная культура, обычаи, верования, история народа, говорящего на данном языке. Изучение фразеологического состава языка с позиции этнолингвистики предусматривает тщательное изучение народного лексикона, в котором проявляются уникальные свойства психологии и культуры того или иного этноса.

Ю. П. Солодуб предлагает принцип выявления национального своеобразия фразеологических единиц, учитывающий языковые факторы формирования фразеологического значения. По его мнению, основу семантики фразеологических единиц составляет фразеологический образ, который сохраняет национальную специфику фразеологизма, поскольку он опирается на реалии, известные только одному народу, представителям одной нации [20, с. 58].

М. Л. Джаграева ратует за такой подход к изучению фразеологической картины мира, как ее соотнесенность с аксиологической картиной мира, поскольку антропоцентрическая направленность современной лингвистики предопределила и аксиологический подход к языку, рассматривающий язык как зеркало базовой системы ценностей социума и важнейший источник информации о ней [6, с. 181].

Фразеологизм, по замечанию Ю. В. Козаревой, характеризуется национальной спецификой, так как он содержит в себе и передает из культурный потенциал народа [11, с. 120]. В современной лингвистике существуют различные подходы к выявлению национально-культурной составляющей фразеологических единиц.

В рамках имманентно-семиологического направления было разработано два подхода к выявлению национально-культурной специфики фразеологизмов:

- лингвострановедческий;
- контрастивный.

Лингвострановедческий подход базируется на языковые данные такого или иного языка, которые основываясь на своеобразии культуры и традиций народа, говорящего на этом языке, способны показать национальное своеобразие фразеологизма.

Так как категория национального в сфере фразеологии находится в диалектическом единстве с категорией интернационального, вполне уместно сопоставление фразеологических единиц разных языков, обладающих сходством, с целью выявления их национального колорита, национально-культурных особенностей. Данный подход является **контрастивным** подходом. Сопоставление фразеологических эквивалентов осуществляется здесь с целью выявления различий, которые и составляют национально-культурное своеобразие этих эквивалентов.

Лингвокультурологический подход также имеет место при исследовании фразеологического состава языка. К. К. Дуйсекова изучает фразеологические картины мира французского и казахского языков в концептуально-лингвокультурологическом аспекте [9].

Н. Ф. Алефиренко, выясняет образность идиоматики с позиции лингвокультурологии [1]. В лингвокультурологическом аспекте сравнивает Б. Т. Кашаровов пословицы русского, немецкого и кабардино-черкесского языков для изучения культурно-языкового сознания народов, говорящих на этих языках [10].

М. Я. Крымская осуществляет в своей диссертации семантический и лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значением процесса речи в русском и французском языках [12].

В нашей работе сопоставляются фразеологические картины мира английского и азербайджанского языков с позиции лингвокультурологии, с опорой на раскрытие сущности лингвокультурологического подхода к исследованию фразеологических единиц, предложенного в работе «Русская фразеология» В. Н. Телия.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Языковое сознание и лингвокультурология образной идиоматики [Текст] / Н. Ф. Алефиренко // Фразеология и миропонимание народа : материалы Международной научной конференции в 2-х частях. Ч. 1. Фразеологическая картина мира. – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2002. – С. 5–12.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – 271 с.
3. Артемова А. Ф. Значение фразеологических единиц и их прагматический потенциал : дис... докт. филол. наук : 10,0204. – Благовещенск : Рос. гос. пед. ун-т, 2002.
4. Буянова Л. Ю., Коваленко Е. Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 2004.
5. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с. : ил.
6. Джаграева М. Л. Коммуникативно-прагматические особенности фразеологической деривации : дисс. ... канд. филолог. наук : 10.02.19. – Ставрополь, 2005. – 181 с.
7. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48 ; 1998. – № 6. – С. 48–57.
8. Дубровская О. Г. Общее отличительное в картине мира русских и англичан. (О понятийном содержании русской лексики "ум" и английской лексики "wisdom" – мудрость) // Славянские духовные ценности на рубеже веков. – Тюмень, 2001. – С. 195–199. – Библиогр. : с. 198–199.
9. Дуйсекова К. К. Фразеологические картины мира, французского и казахского языков (концептуально-лингвокультурологический опыт исследования) : дис. д-ра филол. наук. – Алматы, 2006. – 260 с.
10. Кашаровов Б. Т. Пословицы русского, немецкого и кабардино-черкесского языков как источник изучения культурно-языкового сознания. Структурно-семантические и

- лингвокультурологические аспекты [Текст] : автореф. дис. ...докт. филол. наук : 10.02.20. – Краснодар, 2004. – 43 с.
11. Козырева Л. Ф. Устойчивые фразы и контекст Текст. / Л. Ф. Козырева. – Ростов н/Д : Изд-во Ростовск. ун-та, 1983. – 120 с
 12. Крымская М. Я. Семантический и лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значением процесса речи в русском и французском языках : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – М., 2005. – 334 с.
 13. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. – Краснодар : КубГУ, 1999.
 14. Никитина Т. Г. Проблемы идеографического описания народной фразеологии. – М. : Из глубин, 1995. – 96 с.
 15. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. вузов. – М. : Academia, 2001. – 208 с.
 16. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж : Истоки, 2007. – 61 с. – Изд. 3-е, перераб. и доп.
 17. Попова Н. В. Дихотомия конфронтирующих категорий во фразеологических картинах мира немецкого и русского языков : дис. ...докт. филолог. наук. – Москва, 2011.
 18. Синельникова И. И. Эмотивные фразеологизмы французского языка в полевом аспекте : монография. – Белгород, 2013.
 19. Смирнова Т. А. Фразеологическая картина мира русского и украинского языков (на материале соматических фразеологизмов) // Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 24 (63). – 2011. – № 2. – Часть 1. – С. 203–208.
 20. Солодуб Ю. П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 1990. – № 6. – С. 55–65.
 21. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 286 с.
 22. Хайруллина Р. Х. Картина мира во фразеологии: тематико-идеографическая систематика и образно-мотивационные основы русских и башкирских фразеологизмов : дис. д-ра филол. наук : 10.02.01 / Райса Ханифовна Хайруллина. – М., 1997. – 536 с.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О. Ю. Арсеньева

*Аспирант,
Московский городской
педагогический университет,
г. Москва, Россия*

Summary. The article is devoted to the review of linguistic personality in different linguistic schools and to research of a comprehensive approach.

Keywords: the structure of linguistic personality; communication personality; collective linguistic personality.

В настоящее время наблюдается тенденция к синтезу знаний различных научных областей. Кроме того, в центре научных исследований все чаще оказывается человеческая личность, что проявляется как переход к антропоцентрической парадигме во многих областях научного знания. Интерес к человеку объясняется еще и тем, что он соединяет в себе множество противопоставляемых друг другу характеристик: общечеловеческих и этноспецифических, биологических и психологических, социальных и индивидуальных [17]. В связи с этим человек и языковая личность являются объектами исследования целого ряда наук. В науках о языке внимание к личности проявилось в появлении теории языковой личности. Для исследования этого явления необходимо обратиться к данным социолингвистики, когнитивной и психолингвистики, этнолингвистики и лингвокультурологии.

Личность в общественных науках определяется как особое качество человека, приобретаемое им в социокультурной среде в процессе совместной деятельности и общения, и как субъект, наделенный этим качеством, – социализированный индивид [18], общественная сущность человека, синтез биологических и социальных, врожденных и приобретенных свойств [13]. Поскольку личность выступает участником всех типов коммуникации, при ее исследовании кроме индивидуальных характеристик необходимо брать во внимание нормы речевой деятельности той или иной социальной группы. Такое разделение индивидуальных и нормативных характеристик речевого поведения обусловило разграничение понятий индивидуальная языковая личность и коллективная языковая личность. При этом последняя рассматривается по отношению к индивидуальной языковой личности как более условная, так как возможность варьирования характеристик у коллективной языковой личности меньше [12]. Социокультурная лингвистика предлагает рассматривать языковую личность, выделяя особенности речи разных социальных групп, выделенных по возрасту, полу,

уровню образования, стилю жизни и т. д., то есть определенных типов языковой личности.

С позиций психологии и психолингвистики языковая личность проявляет себя, в первую очередь, на уровне языкового сознания [20], где оно выступает как психический и одновременно материальный феномен, представленный устной и произносимой речью. Как психический феномен языковая личность может быть охарактеризована на нескольких уровнях. Когнитивные характеристики языковой личности проявляются в ее картине мира, особенности интерпретации языковой личностью явлений реального мира на уровне категорий и смыслов могут быть проанализированы на культурно-этническом уровне рассмотрения. Речевое поведение характеризуется рядом намеренных и неосознаваемых особенностей речи и невербальных средств. Наборы вербальных и невербальных средств общения могут расцениваться с точки зрения прагматической лингвистики и социолингвистики как индексы или стереотипы общения, любое отклонение от которых во время коммуникации может быть воспринято как особый сигнал или как признак принадлежности партнера к другой культуре.

Вопрос о связи языка и мышления был затронут в рамках гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа [6], согласно которой конкретный язык как система понятий обуславливает особенности мышления носителя этого языка. Этот тезис не был оценен однозначно, но стал предпосылкой появления нескольких направлений в лингвистике (этнолингвистика, лингвокультурология и др.)

Языковая личность как понятие явилось проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, отражающего философские, социологические и психологические взгляды на совокупность физических и духовных свойств человека, делающих его отдельным членом общества, индивидуальностью, проявляющей себя в коммуникации. Первым понятие языковой личности применил В. В. Виноградов в 1930 г. для описания языка художественной прозы [2]. С развитием лингвистики понятие языковой личности усложнилось: поэтапно был совершен переход от целостного представления человека в языке к модели говорящий / слушающий и далее, к трехчастным моделям. В антропоцентрической лингвистике были выделены аспекты формирования языковой личности и представлены модели культурологической, коммуникативной, речевой, языковой и мыслящей личности. При этом их соотношение рассматривается по-разному; прежде всего, это относится к соотношению языковой и коммуникативной разновидностей личности. Так, в качестве общей категории С. Г. Воркачев, В. В. Соколова, С. С. Галстян выделяют языковую личность, а коммуникативная личность представлена одним из проявлений языковой личности [3; 5]. В. И. Карасик вовсе не разграничивает понятия коммуникативной и языковой личности, так как языковая личность в ситуации общения может быть рассмотрена как коммуникативная [9]. В

работах В. П. Конечкой [12] коммуникативная личность представлена как понятие более широкое, чем языковая личность, что объясняется необходимостью первой выбирать не только вербальные, но и невербальные средства.

Еще одна особенность языковой личности была представлена Л. Б. Никитиной в рамках исследования образа человека в русской языковой картине мира, которая заключается в способности языковой личности сознательно влиять на свой образ, выражая свои мысли, чувства и оценки в рамках традиций, стереотипов и правил, типичных для окружения этой личности; при этом личность способна осознавать себя в качестве и субъекта, и объекта языковой концептуализации [16]. Двойственность проявления этно- и социокультурных и индивидуальных свойств личности представлена в концепции В. И. Карасика. Под языковой личностью В. И. Карасик понимает личность коммуникативную – «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [8]. При этом выделяются ценностный, познавательный и поведенческий планы этого понятия.

Следующим шагом к усложнению структуры языковой личности стала модель языковой личности Ю. Н. Караулова (1987), где автор представил три следующих уровня:

1) *вербально-семантический уровень*, который подразумевает владение естественным языком и описание формальных средств выражения определенных значений;

2) *когнитивный уровень*, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, составляющие у каждой языковой индивидуальности более или менее упорядоченную и систематизированную «картину мира», где также отражена иерархия ценностей. На этом уровне при исследовании языковой личности осуществляется переход к знаниям, интеллектуальной сфере личности, проявляющейся в языке, процессах говорения и понимания, а значит к сознанию, познанию;

3) *прагматический уровень*, включающий цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. В исследовании языковой личности здесь становится возможным переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению ее реальной деятельности.

В подобном представлении структуры языковой личности в ее исследовании предполагается проникновение в сферу психологии, особенно это касается последних двух уровней. Несмотря на то, что первый уровень часто представляется как нулевой уровень, на котором возможность выражения индивидуальных качеств личности обычно не предусматривается [4], Ю. Н. Караулов полагает, что вербально-семантический уровень также может отражать психологические особенности языковой личности, если брать во внимание психологическую модель ассоциативно-вербальной сети. Проникая столь глубоко в психологию, лингвист все же оставляет вне поля сво-

его внимания наиболее значимые с точки зрения психологии характеристики личности, значимые для образа конкретной индивидуальности [10].

Концепция трехуровневой модели языковой личности Ю. Н. Караулова вызвала реакцию большого круга ученых, она нашла единомышленников (С. Г. Воркачев, Н. Ю. Буряк, А. А. Гаврилина и др.), последователей (Г. И. Богин, И. П. Сусов), представивших свои многоуровневые модели, а также противников такого подхода к изучению языковой личности (В. Д. Лютикова [14]), указывающих на изменчивость, внутреннее противоречия языковой личности, что может значительно усложнить ее структуру.

В результате анализа различных концепций языковой личности, можно выявить несколько подходов:

I. Языковая личность проявляет себя как конкретная индивидуальность, концепция строится на возможности анализа языковых (коммуникативных) проявлений личности (В. П. Нерознак [15]).

II. При анализе языковой личности выявляются классификационные параметры, по которым выявляются основные типы, стереотипы и устойчивые свойства языковой личности.

III. Концепция собирает в себе наиболее обобщенные уровни языковой личности и языка, позволяющие обобщать данные анализа.

Наиболее универсальной представляется трехуровневая структура языковой личности Ю. Н. Караулова, позволяющая на разных уровнях выявлять характеристики как индивидуальной языковой личности, так и коллективной. При этом, принимая во внимание гипотезу лингвистической обусловленности мышления и восприятия Сепира-Уорфа, можно говорить о большом потенциале исследования языковых личностей групп, говорящих на одном языке – то есть народов. Такое исследование, согласно Ю. Н. Караулову, может строиться на гипотезе о существовании *психоглоссы*, под которой он понимает единицу языкового сознания, отражающую специфическую черту языкового строя, системы языка, стабильной во времени и обладающей высокой устойчивостью к вариациям [11].

Говоря о проявлении индивидуального и этноспецифического у языковой личности, можно выявить следующую парадигму, базирующуюся на трехмерной концепции Ю. Н. Караулова:

На вербально-семантическом уровне проявление индивидуального минимально, а проявление этноспецифического максимально, так как язык представляет собой наследство целого этноса, выступает в качестве системы мышления, системы смыслов и понятий, которыми овладевает каждый носитель этого языка.

На когнитивном уровне язык представляет особую наивную картину мира, которая, однако, уже сочетается с индивидуальной картиной мира, здесь степени проявления личности и язык народа соразмерны, так как влияние языка и человека обоудно.

На прагматическом уровне проявление индивидуального значительно возрастает, так как здесь вступает в силу интенция, интересы и ситуативная мотивация языковой личности. Н. Ю. Караулов и Н. Ю. Буряк фиксируют в понятии языковой личности связь языка с индивидуальным сознанием личности и мировоззрением. Каждая личность проявляет свою субъектность не только через общение, но и через общение, немислимое без речи и языка [1]. Здесь следует отметить, что человек, владеющий определенным языком, теряет свои некоторые особенности именно по причине того, что использует конкретный язык [22]. В связи с этим проявление коллективного не исчезает и на мотивационном уровне, так как индивид продолжает использовать язык определенного коллектива.

Представляя языковую личность как проекцию человека в языке, можно утверждать, что языковая личность значительно приблизилась к своему прототипу: среди характеристик языковой личности присутствуют такие биологические показатели, как пол и возраст, социальные – как социальный статус, место рождения, профессия, вера, социальные роли, и личностные – как ценности, представления о мире, убеждения и прочее. В ходе развития лингвистики были выявлены различные связи между группами и отдельными характеристиками личности реальной и языковой. Кроме того, как и реальный человек, языковая личность обладает стабильными и вариативными чертами, постоянными и изменчивыми характеристиками. В будущем прогнозируемо дальнейшее приближение образа языковой личности к образу человека как индивидуальности и как обобщенного носителя языка, и исследование различных социальных групп и их типичных представителей. Последние две области на сегодняшний день менее исследованы и полезным представляется обратить внимание на методологию их исследования.

Библиографический список

1. Буряк Н. Ю. Языковая культура в этнической мобилизации современного общества // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 4. – С. 104–107.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
4. Гаврилина А. А. Роль и место мотивационного компонента в структуре языковой личности. – Ставрополь, 2012.
5. Галстян С. С. Языковая личность – основа телевизионной коммуникации. – URL: <http://vestnik.ipk.ru/index.php?id=1544>.
6. Звегинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. – М., 1960. – № 1. – С. 111–134.

7. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.
8. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. / Издание 7-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
11. Караулов Ю. Н. . Русская языковая личность и задачи её изучения. Язык и личность. – М., 1989. – С. 3–8.
12. Конецкая В. П. Социологии коммуникации. – URL : http://www.i-ru/biblio/archive/koneckaja_sociologija.
13. Кузьмин Е. С. Коллектив. Личность. Общение : словарь социально-психологических понятий // под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. – Л. : Лениздат, 1986. – 144 с.
14. Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект // Изд-во Тюмень. ун-та, 1999. – 185 с.
15. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. Язык. Поэтика. Перевод. – М., 1996. – № 426. – С. 112–116.
16. Никитина Л. Б. Антропоцентристская семантика: образ homo sapiens по данным русского языка : учебное пособие. – Омск, 2007.
17. Сусов И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: Процессы и единицы. – Калининград, 1988. – С. 7–13.
18. Тимофеев В. П. Личность и языковая среда : учеб. пособие. – Шадринск, 1971. – 122 с.
19. Торопцев И. С. Язык и речь. – Воронеж : Изд-во Воронеж. университета, 1985. – 200 с.
20. Ушакова Т. Н. Речь человека в общении. – М., 1989. – 227с.
21. Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. Антропонимика. Русский язык и культура речи. – Тюмень : Изд-во Тюм. ун-та, 2005. – Т. 1. – 509 с.
22. Russell B. The Principles of Mathematics. – New-York : W. W. Norton & Company, 1996.

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ВОСТОЧНОМ НАРЕЧИИ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА (ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»)

А. А. Илиева,
И. В. Ярмингина

*Кандидат филологических наук, доцент,
студентка
Бакирский государственный
университет, филиал в г. Бирске,
Республика Башкортостан, Россия*

Summary. In the Mari language has many borrowed words from Russian. Russian vocabulary firmly established in the lexical-semantic system of the Mari language. The article deals with words reflecting career.

Keywords: Russian language; Mari language; borrowing.

Характерной особенностью заимствованных русизмов в марийском языке является то, что они выражают, как правило, те явления или понятия, для названия которых нет исконных слов. Можно сказать, что русская заимствованная лексика, наряду с тюркскими заимствованиями, влившимися в восточный диалект марийского языка, прочно вошла в его лексико-семантическую систему. В результате чего данный диалект обогатил свой лексический потенциал [2, с. 123].

Говоря о марийско-русских языковых контактах, следует иметь в виду, что хозяйственно-экономические, культурные связи восточных марийцев с русскими приводили к существенному влиянию последних на быт и культуру, трудовую деятельность марийцев. Это влияние, в свою очередь, находило естественное отражение в языке. Русские заимствования по своей семантике весьма разнообразны. Они содержатся во всех тематических группах лексики и терминологии [1, с. 62–71].

В данной статье рассматриваются не все русские заимствования, а та часть лексики, которая отражает понятия, связанные с трудовой деятельностью.

Исходя из того, что произношение и значение слов русского языка, вошедших в послереволюционное время, близки и понятны, мы в своей работе старались брать примеры с изменившимся фонетическим обликом, которые характерны для восточного наречия марийского языка.

Слова, связанные с трудовой деятельностью, довольно разнообразны в тематическом отношении, они могут быть объединены в следующие группы:

Сельскохозяйственная лексика. На территории, где проживают восточные марийцы, природные условия способствовали развитию земледелия, поэтому многие заимствования из русского языка связаны с этой отраслью. Сюда относятся слова, заимствованные в последнее время, обо-

значающие сельскохозяйственную технику, средства передвижения, различные агрегаты. Однако они не претерпели большого фонетического изменения, вошли в употребление не только в марийский язык, но и во многие языки народов России. Среди таких слов можно назвать:

- **названия средств передвижения, сельскохозяйственной техники:** трактыр, тра́ктыр < рус. трактор; сеялке < рус. сеялка; беларус < русск. название трактора «Белорусь»; камбайн < рус. комбайн; ма́шина < рус. машина; са́пит < рус. велосипед;

- **названия лиц:** тра́ктырис < рус. тракторист; комбайньо́р < рус. комбайнер; бырга́йер < рус. бригадир; кладоши́к < рус. кладовщик; доя́рке < рус. доярка, коньук < рус. конюх; кучу́р < рус. кучер; плуга́р < рус. плугарь;

- **слова, связанные с обработкой земли:** удобре́нье < рус. удобрение, па́р < рус. паровое поле, па́кос < рус. покос; культиви́ровать ышта́ш < рус. культивировать; плу́к < рус. плуг, ча́пке < рус. тяпка;

- **меры измерения площади земли:** сотой < рус. сотых, сота́я часть; гета́р < рус. гектар; межа́ < рус. межа, десати́н < рус. десятина;

- **названия сельскохозяйственных культур:** у́ржа < рус. рожь; ви́к, би́ке < рус. вика; кле́выр < рус. клевер; чечеви́це < рус. чечевица; овсы́ук < рус. овсюк, куку́руз < рус. кукуруза.

Животноводческая терминология. Слов, связанных с животноводством, немного: перме́ < рус. ферма, ма́сной порот < рус. мясная порода; откормочный < рус. откормочный; си́лос < рус. силос; сена́ж < рус. сенаж; си́лос дья́м < рус. силосная яма; фу́раж < рус. фураж; привес < рус. привес и др.

По сравнению с лексикой языка-источника русские заимствования претерпевают незначительные фонетические изменения.

Слова, связанные со строительством и плотническим ремеслом, инструменты, орудия труда. Пундамент < рус. фундамент, това́р < рус. топор, пласка́ус < рус. плоскогубцы; сиркуля́рке < рус. циркулярка, ло́м < рус. лом; ско́ба < рус. скоба; ножопко́ < рус. ножовка; на́силка́ < рус. носилки; сопковой ко́льмо < рус. совковая лопата; парни́к < рус. парник; потшипы́р она́ < рус. доски, которые кладутся под шифер; ре́жньык < рус. ножовка; сро́к < рус. наструг и др.

Слова, связанные с охотой и рыболовством: окотни́к < рус. охотник; пы́чал < рус. пицаль; дро́п < рус. дробь.

Рыболовство: леске́ < рус. леска; кручо́к < рус. крючок; бредень < бредень; се́ть < рус. сеть; жилке́ < рус. жилка; мурда́ < рус. морда и др.

Слова, связанные с пчеловодством: раме́ < рус. рама; се́тке < рус. сетка, надеваемая на голову для защиты от пчел; дыма́рь < рус. дымарь; меда́гон < рус. медогон.

Слова, связанные с другими видами ремесел, трудовой деятельностью, профессией.

Лексика, связанная с медицинским обслуживанием: операце < рус. операция; укол < рус. укол; врач < рус. врач; доктыр < рус. доктор, першыл < рус. фельдшер, пунгут < рус. (медицинский) пункт.

Слова, обозначающие средства связи: адреc, адрес < рус. адрес; дьазугамберт < рус. конверт для письма; почто < рус. почта; райо, радьо < рус. радио; телефон < рус. телефон; телеграмме < рус. телеграмма;

Слова, связанные с шитьем и вышиванием: мулина < рус. мулине (название ниток); ургумо ма́шинä < рус. швейная машина.

Язык всегда быстро и гибко реагирует на потребности общества, поэтому русские заимствования прочно закрепились в языковой системе восточного наречия марийского языка. Именно заимствования становятся итогом связей, взаимоотношений между этими народами.

Библиографический список

1. Патрушев Г. С. К вопросу о русско-марийских контактах // Вопросы финно-угроведения : Лингвистика, фольклористика, этнография, археология. – Вып. V. – Йошкар-Ола, 1970. – С. 134–141.
2. Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. – Йошкар-Ола, 1969. – 131 с.

ПРАГМАТИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА НЕЙТРАЛЬНОГО СОВЕТА В НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Е. Б. Тарасова

Аспирант,
Московский городской
педагогический университет,
г. Москва, Россия

Summary. This article discusses the disclosures pragmatic implementation neutral advise of German literary texts from a third party. In this case, using diagrams and examples to prove that the recipient can follow the advice, perceiving it, or completely ignored. Implementation of the neutral advise is realized in texts as a model of communication, when one character suggests something to other characters.

Keywords: pragmatics, neutral advice, German literary texts, model of communication.

Речевой акт совета до сих пор остается объектом пристального внимания языковедов [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 10]. В нашем исследовании на материале немецких художественных текстов XX века были установлены следующие разновидности речевого акта совета:

1. Нейтральный совет.

2. Настоятельный совет.
3. Совет-просьба.
4. Совет-рекомендация.
5. Осторожный совет.
6. Совет-предложение.
7. Настоятельный совет-предложение.
8. Совет-требование.
9. Совет-отговорка от действия.
10. Запрос совета.
11. Совет-разъяснение.
12. Совет-наставление.
13. Совет-уговаривание.
14. Совет-убеждение.

В рамках данной статьи хотелось бы осветить прагматику осуществления нейтрального совета в немецких художественных текстах от третьего лица. Как показала выборка, в текстах от 3-его лица встречаются случаи передачи совета, которые следует представить в такой последовательности, как:

1. Адресант-персонаж 1 текста – адресат-персонаж 2 текста.

Мы подразумеваем при этом совет, который дает один персонаж текста другому персонажу текста.

2. Адресант-персонаж 1 текста – адресат-персонаж 1 текста.

Персонаж текста советует что-то предпринять самому себе.

Рассмотрим каждую модель конкретно. Подборка примеров показала, что в немецких художественных текстах от третьего лица встречается 1 модель, когда один персонаж текста обращается с советом к другому персонажу текста. Какая разновидность совета имеет здесь место?

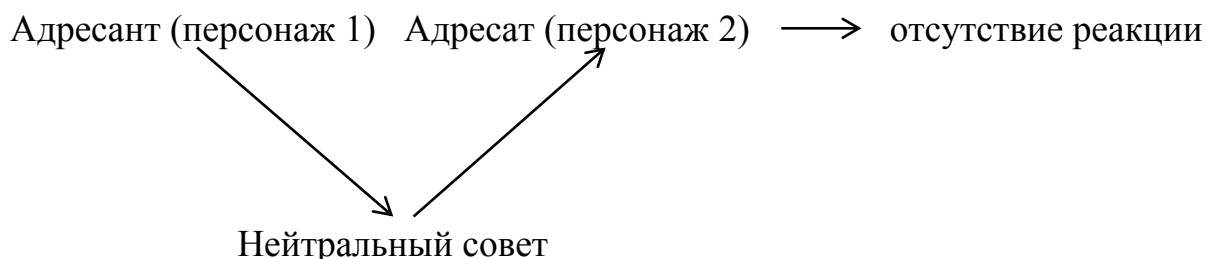
Среди разновидностей совета, как показывает выборка примеров, в художественных текстах от третьего лица мы встретили нейтральный совет.

*«Sie, Fortschig, will ich Grollbachs **empfehlen** von der Kleiderhandlung Grollbach-Kühne; die kochen gut, wenn auch ein wenig fettig....*

– Und die Frau? – erkundigte sich Fortschig ängstlich.

– Stockscherhörig, – beruhigte ihn der Kommissär. – Ein Glücksfall für Sie, Fortschig. Und nehmen Sie die kleine braune Zigarre zu sich, die auf dem Tischchen liegt. Eine 'Little-Rose'; Dr. Hungertobel hat sie extra dagelassen, Sie können ruhig in diesem Zimmer rauchen» [8].

Как показывает последующий контекст, совет в данной форме адресатом не воспринимается. Схематично это выглядит так:

Механизм восприятия нейтрального совета в текстах от третьего лица

Как показывает схема, если адресат (персонаж 2) получает нейтральный совет от адресанта (персонажа 1), то он может не принимать этот совет и никак на него не реагировать. Этот совет ему не нравится, и он переводит разговор на другую тему.

Рассмотрим другие случаи прагматической реализации нейтрального совета в художественных текстах от третьего лица. Обратимся к примеру.

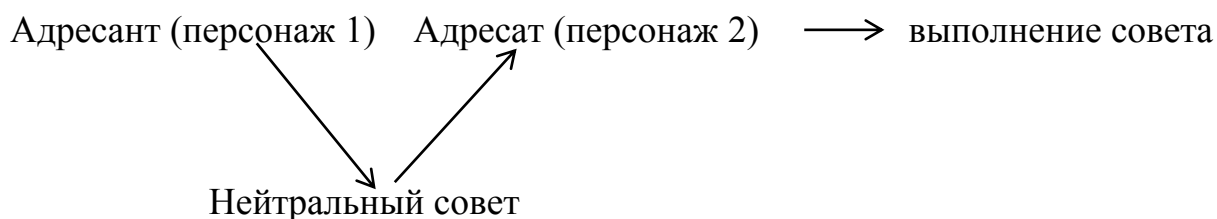
«Krabat stellte sich vor, daß er eines Morgens die Kantorka finden könnte, ertrunken, mit Wasserpflanzen im Haar.

– Was **rätst** du mir? – fragte er.

– Was ich dir **rate**? – Juro riß einen dritten Grashalm ab. – Geh jetzt nach Maukendorf oder sonstwohin – und versuche, den Meister irrezuführen, so gut du kannst».

Krabat blickte nicht rechts und links, als er durch Schwarzkollm ging. Die Kantorka hielt sich verborgen. Wer weiß, was sie ihren Leuten erzählt hatte, um ihnen klarzumachen, weshalb sie im Hause blieb [9].

Как показывает контекст, адресат (персонаж 2) текста не только воспринимает нейтральный совет, но и следует ему. Обратимся к схеме.

Механизм восприятия нейтрального совета в текстах от третьего лица

Согласно схеме, адресат (персонаж 2) воспринимая нейтральный совет адресанта(персонажа1), выполняет его.

Таким образом, в немецких художественных текстах от третьего лица речевой акт совета осуществляется в рамках модели: персонаж 1 обращается с советом к персонажу 2. В ходе их коммуникации адресат может как следовать нейтральному совету, так и игнорировать его.

Библиографический список

1. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. – Воронеж, 1992.
2. Егоршина Е. Е. Прагмалингвистические особенности лексических усилителей в современном немецком языке : автореф. дис. канд. филол. наук. – Пятигорск, 1997. – 16 с.
3. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М., 2002.
4. Серль Дж. Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. – М., 1986. – С. 242.
5. Шорина Л. М. Речевой акт совета [Электронный ресурс]. – URL : http://www.petsu.ru/files/2011/05/f4942_7.doc (дата обращения: 20.02.2011).
6. Шелингер Т. Н. Нетрадиционно выделяемые единицы современного английского языка : автореф. дис. канд. филол. наук. – ЛГУ, 1986.
7. Bach K. Harnish R. Linguistic Communication and Speech Acts. – Cambridge, 1979.
8. Dürrenmatt F. Der Verdacht [Электронный ресурс], 1953. – URL : <http://www.findebookee.com/d/d%C3%BCrrenmatt-verdacht> (дата обращения: 03.10.2013).
9. <http://www.findebookee.com/d/d%C3%BCrrenmatt-verdacht> (дата обращения: 03.10.2013).
10. Preußler O. Krabat [Электронный ресурс], 1971. – URL : <http://flatik.ru/nemeckij-yazik-s-volshebnikom-krabat-otfried-preuler-krabat> (дата обращения: 15.09.2013).
11. Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction. – Berlin ; New York, 2003. – 502 p.

БИНАРНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

М. А. Кишиневская,
Е. В. Кузнецова

Учитель-логопед,
музыкальный руководитель,
Школа № 830, г. Москва, Россия

Summary. The article is devoted to the use of Russian folklore in teaching Russian as a foreign language. Examples of folk games and dance used in the classroom. Various kinds of folk music contribute to the formation of correct speech skills, and understanding of Russian culture in children.

Keywords: children; Russian as a foreign language; folklore.

В последние годы Россия переживает невиданный ранее прирост количества мигрантов из стран бывшего СССР. На данный момент Москва – это огромный мегаполис, в котором живут, работают и воспитывают детей люди самых разных национальностей и вероисповеданий – носители множества языков и культур. Вместе с тем, вопрос культурной и языковой интеграции и адаптации мигрантов остается открытым.

Незнание русского языка и особенностей русской культуры дезадаптирует мигрантов: они не могут найти достойную работу, друзей и полу-

чить образование. В свою очередь это приводит к напряженности в отношениях между коренными москвичами и новыми жителями столицы.

Как правило, дети мигрантов приходят в группу детского сада или школьный класс, не умея говорить по-русски, не понимая обращённой к ним речи, что приводит к «выпадению» из образовательного процесса.

Именно поэтому педагоги все чаще сталкиваются с проблемой обучения детей русскому языку как иностранному.

Особенности образовательного процесса в саду и школе таковы, что специфическое языковое обучение происходит во время индивидуальных и подгрупповых занятий с учителем-логопедом.

Обучение русскому языку юных москвичей включает в себя несколько направлений:

- формирование знаний, умений и навыков в области лексико-грамматической стороны русского языка (понимание и говорение);
- нормализация звукопроизношения, развитие фонематического восприятия;
- формирование связной речи и знакомство со стилистикой русского языка;
- коррекция мелодико-интонационного компонента высказывания;
- развитие предпосылок к усвоению русской грамоты в дошкольном возрасте или устранение недостатков письма и чтения в школьном возрасте;
- культурная интеграция и закрепление полученных знаний, умений и навыков в среде сверстников.

Многолетний опыт показал, что наиболее эффективным подходом при обучении иноязычных детей русскому языку является бинарный подход – гибкое сочетание музыкальной и речевой деятельности. Бинарный подход может быть реализован во время музыкальных занятий и уроков, в досуговой деятельности, во время подготовки к праздникам, при проведении совместных мероприятий с семьёй и т. д.

Роль музыкального руководителя в вопросе обучения иноязычных детей трудно переоценить. Именно на музыкальном занятии дети испытывают самые сильные эмоции, а знакомство с фольклором как формой коллективно-художественного общения способствует как прямой отработке новых речевых навыков у двуязычного ребенка, так и эмоциональному благополучию внутри группы.

Фольклор, представляя наиболее употребительные способы функционирования языка, в значительной степени способствует развитию чувства языка.

Чувство языка – это неосознанное, безотчетное умение безошибочно следовать нормам речи в области словообразования, лексики, синтаксиса, стилистики [5, с. 35]. Чувство языка необходимо развивать для того, чтобы

потом можно было изучать язык как дисциплину. Так как качество владения иностранной речью зависит не от того, насколько ребенок осознает свою речь, а от того, насколько полно и правильно (в соответствии с традицией) он усвоил ее интуитивно, на уровне чувств [1, с. 54].

Фольклор – это народная языковая мудрость. Фольклор отражает в первую очередь ритмические структуры базисного языка (в нашем случае русского), а ведь именно недостаточная развитость ритмических представлений непосредственно влияет на механизм восприятия речи. Известно, что воспринимая речь, мы отталкиваемся от ритмической структуры слова, которая и становится исходным моментом для его опознания. Опираясь на интегральные свойства слова (ритм) мы догадываемся о значении, фиксируя результат опознания уже в виде фонем [4, с. 27].

Фольклорные игры знакомят иноязычного ребенка с общеупотребительной лексикой русского языка. Сложнее всего при изучении русского как второго языка детям дается понимание глагольных форм, которые имеют весьма разветвленную структуру по лицам, временам и числу. В то же время в процессе коллективной игры отработка речевых навыков происходит быстро, и ребенок не затрудняется анализом глагольных формы, а ориентируется на ритм и рифму текста.

Многократное повторение слов и фраз во время пения способствует закреплению навыка правильного интонирования у двуязычного ребенка.

Например, детям можно предложить веселую фольклорную игровую песню «Пошла коза по лесу» [2].

Дети выбирают «козу» – ведущего и встают вокруг «козы» хороводом.

<i>Пошла коза по лесу, по лесу, по лесу, Искать себе принцессу, принцессу, принцессу.</i>	Дети ведут хоровод, «коза» ходит внутри круга.
<i>Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем</i>	Дети и коза прыгают.
<i>И ножками подрыгаем, подрыгаем, подрыгаем,</i>	Дети изображают, как козочка стучит копытцами.
<i>И ручками похлопаем, похлопаем, похлопаем,</i>	Все хлопают.
<i>И ножками потопаем, потопаем, потопаем.</i>	Все выполняют перетопы.

«Коза» выбирает нового ведущего, и игра повторяется сначала.

Игра «Пошла коза по лесу» ориентирована на усвоение модели **та-ТА-та**, а также продуктивной словообразовательной модели формы глагола первого лица, множественного числа, будущего времени.

Задача данного вида игр не только развлечь детей, но и выработать у иноязычного ребенка представления о ритмическом импульсе определенной модели (ТА-та, та-ТА, та-ТА-та и т. п.) и его реализациях в наиболее типичных консонантных структурах слов.

Бинарный подход подразумевает систему языковых задач, которые формулирует учитель-логопед для отработки на фольклорном материале. К наиболее распространенным языковым задачам можно отнести:

- закрепление лексического материала в рамках определённой темы («Овощи», «Семья», «Календарь» и т. д.);
- закрепление грамматического материала (использование глагола повелительного наклонения, закрепление словообразовательных моделей и т. д.);
- закрепление темпо-ритмических и мелодико-интонационных компонентов (словесное и фразовое ударение, дифференциация вопросительной и восклицательной интонации и т. д.).

Ориентируясь на поставленные задачи, музыкальный руководитель подбирает конкретный музыкальный материал, который интересен и доступен всем детям конкретной группы или класса.

Заметим, что огромное значение при обучении русскому языку как иностранному имеет обучение русскому народному танцу. Танец помогает максимально приобщиться к культуре русского народа, почувствовать его темперамент. Изучение лексики народного танца дает возможность для будущей импровизации в свободной деятельности и во время праздников.

Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что танец изначально существует в культуре, но вне языка. А значит ребенок, не владеющий еще русским языком на должном уровне, может танцевать вместе со всеми, исполнять сольные номера во время групповых праздников, ощущая себя полноценным членом детского коллектива.

Хоровод, сопровождаемый неторопливой песней, комплексно воздействует на иноязычного ребенка и группу в целом. Например, хоровод «Капустка», который очень нравится детям своим рисунком и простой лексикой [3].

Хоровод все время сопровождается песней, которая поется плавно и протяжно. Дети берутся за руки, образуя длинную вереницу. Все идут плавно, неторопливо поют:

*Вейся, вейся, капуста моя,
Вейся, вейся, белая.
Как мне, капустке, не виться,
Белую вилою не навиться?*

Ведущий проводит хоровод через ворота (поднятые руки), которые держат последние дети в веренице. Когда все проходят, самый последний поворачивается и «завивает капустку» – перебрасывает руку, которой держится за товарища, через плечо. Затем хоровод проходит через вторые во-

рота, трети, и так до тех пор, пока не «завьются» все играющие. После этого последний в веренице остается на месте, а хоровод «завивается» вокруг него, постепенно охватывая все плотнее и плотнее, пока не получится «кочан капусты». После чего «капустка» начинает «развиваться», пока игра не приходит к исходному положению.

Фольклор – неиссякаемый источник народной мудрости, воспитательные возможности фольклора не вызывают сомнений. Но современная жизнь ставит перед фольклорным обучением новые задачи: став неотъемлемой частью бинарного подхода, помочь языковой и культурной интеграции новых граждан России.

Библиографический список

1. Беляев Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. – М., Просвещение, 1965. – 173 с.
2. Ветлугина Н. А., Карпинская Н. С. Литературные и музыкальные произведения для дошкольных колхозных площадок. – М., Учпедгиз, 1965. – 248 с.
3. Куприянова Л. Л. Русский фольклор. Уроки в 1 классе : пособие для учителя музыки общеобразовательной школы. – М., Мнемозина, 1996. – 48 с.
4. Русский язык для студентов-иностранцев. – М., Русский язык, 1984. – 120 с.
5. Федоренко Л. П. Принципы обучения русскому языку. – М., Просвещение, 1973. – 160 с.

DEGREES OF COMPARISON OF ADJECTIVES AS A COMPONENT OF ACTIVELY COMMON LEXICAL COMPOSITION OF UKRAINIAN LANGUAGE OF POST-SOVIET PERIOD AND AS AN OBJECT OF LEARNING OF FOREIGNERS

O. Z. Drapak

Assistant,
Bukovinian State Medical University,
Chernivtsi, Ukraine

Summary. The author gives general characteristic to the kinds and moods of forming of degrees of comparison of adjectives in Ukrainian language according to their grammatical characteristics with explication in English for foreigners with training exercises, texts and dialogues which help to better and faster adaptation of foreigners in Ukrainian language society of Post-Soviet period.

Keywords: degrees of comparison of adjectives; the comparative degree; the superlative degree; simple form; complicated form; compound form; qualitative adjective; suffix; prefix; falling out of suffixes; replacement of sounds.

Degrees of comparison of adjectives is very important part of vocabulary of any language. This fact further to familiarity with them persons what learn

Ukrainian language of Post-Soviet period in the first place. The actuality of learning of degrees of comparison of Ukrainian adjectives for foreigners also consist of necessity of mastering the main principles of morphology of Ukrainian language and of receipt skills in distribution words according to parts of speech. The person what study degrees of comparison of Ukrainian adjectives must: a) to distinguish the grammatical characteristics of gender and number of qualitative adjectives in Ukrainian language; b) to put questions to qualitative adjectives; c) to find adjectives in a sentence, to agree words in a phrase; d) to apply rules of Ukrainian morphology. The picked up and composed given below material must to help to better and more effective mastering by foreigner citizens of necessary material. It is necessary to give the some methodical recommendations for receipt good results of fulfilled work.

Advice for a foreigner:

Try to read attentively thesis «Degrees of comparison of adjectives in Ukrainian language».

Pay attention, analyze and learn the given material (in form of rules and tables) attentively.

Memorize the main rules of formation of different forms of Ukrainian degrees of comparison.

Educational aim:

You are to master degrees of comparison of Ukrainian adjectives, its forms and types. Your task is to study the given material attentively.

COMMENTS TO THE DEGREES OF COMPARISON OF ADJECTIVES IN UKRAINIAN LANGUAGE.

We will study how to form degrees of comparison (ступені порівняння) of Ukrainian adjectives:

- the comparative degree (вищий ступінь);
- the superlative degree (найвищий ступінь).

Degrees of comparison of adjectives in Ukrainian language can be formed only on base of qualitative adjectives (like добрий, гарний, смачний, гарячий etc.) as these adjectives have different measures of comparison (display, expression) of characteristics. Another types of Ukrainian adjectives (relative (what name characteristics of object according it's relation to another objects of circumstance (case): рідна мова, вчорашній день, джерельна вода (spring water), possessive (what show (indicate) an appliance of an object to a person (seldom to an animal) and answer the question «whose?» («чий?», «чия?», «чиє?», «чий?»): мамина сукня, татова сестра, котяча їжа, друзі батьки, собача будка (box), телефонна будка don't have degrees of comparison.

Comparative degree of Ukrainian adjectives has simple (проста) and compound (складена) forms (форми).

There are two types of forming simple form of comparative degree of Ukrainian adjectives.

First type. The comparative degree can be formed by adding suffixes (-ш-, -іш-) to the bases of adjectives. It is possible sometimes falling out some suffixes in this process. Look attentively on the table.

Types of forming comparative degree

Adjectives, on base which formed comparative degree	Fallen out suffixes	Suffixes	Replacement of sounds before suffix -ш-	Comparative form degree of adjectives
старанний	—	-іш-	—	старанніший
тихий	—	-ш- or -іш-	—	тихший, тихіший
дорогий	—	-ш-	г → жч	дорожчий
дешевий	—	-ш-	—	дешевший
густий	—	-іш-	—	густіший
рідкий	-к-	-ш- or -іш-	—	рідший, рідкіший
широкий	-ок-	-ш-	—	ширший
далекий	-ек-	-ш-	—	дальший
близький	-к-	-ш-	з → жч	ближчий
високий	-ок-	-ш-	с → щ [шч]	вищий
товстий	—	-ш- or -іш-	ст → щ [шч]	товщий
	—	-іш-	—	товстіший

Second type. The comparative degree can be formed on the bases of another words. Look on the table.

Adjectives, on bases which formed comparative degree	Types of forming comparative degree			Comparative form degree of adjectives
	suffix	Fallen out suffixes	Phonetic changes	
малий	-ш-	—	On a base of another word	менший
великий	-ш-	—	On a base of another word	більший
поганий	-ш-	—	On a base of another word	гірший
добрий	-ш-	—	On a base of another word	кращий, ліпший

Compound form of comparative degree of Ukrainian adjectives can be formed by adding words більш (more), менш (less) to the initial (first) form of a qualitative adjectives, for example: більш зручний, менш потрібний (necessary, needed), більш дорогий, менш гарний, більш рідкий.

The superlative degree of Ukrainian adjectives has three forms: simple (проста форма), complicated (complex) (складна форма) and compound (складена форма).

Simple form (проста форма) constructs by adding to the form of the comparative degree of an adjective the prefix най- (the most): найважчий (the heaviest, the most difficult), найпростіший (the simplest), найкращий (the (very) best), найменший (the least, the smallest, the shortest, the youngest), найвищий (the highest, topmost), найнижчий (the lowest, the shortest, the most humble), найгірший (the worst).

Complicated (complex) form (складна форма) constructs by adding to the simple type of superlative degree of Ukrainian adjectives prefixes як- (the most), що- (the most): якнайкращий (the best), щонайкращий (the best), якнайгірший (the worst), щонайгірший (the worst), якнайбільший (the biggest, the largest, the greatest), щонайбільший (the biggest), the greatest, the largest), якнайважливіший (the most important), щонайважливіший (the most important).

Compound form (складена форма) constructs with help of words найбільш (the most, above all (над усе, передусім, найголовніше, в основному), particularly (дуже, надзвичайно, вельми, особливо, особливим чином, індивідуально, особисто, зокрема), найменш (the least) to the initial (first) form of a qualitative adjective, for example: найбільш старанний, найменш зручний, найбільш гарний, найменш лінивий.

The adjectives of comparative degree and superlative degree as and a simple qualitative Ukrainian adjectives (initial (first) form of a qualitative adjectives) coordinate in a number, gender and case with corresponding nouns (and with possessive and demonstrative pronouns) in a phrases. Look: хороший хлопець, кращий хлопець, найкращий хлопець; сумлінна дівчина, сумлінніша дівчина, найсумлінніша дівчина; швидке цуцня, швидше цуцня, найшвидше цуцня; хороші друзі, кращі друзі, найкращі друзі.

Adjectives of the comparative degree and of the superlative degree answer on the same questions as other qualitative adjectives. Look: the all given adjectives of singular form masculine gender like: гарний, гарніший, більш гарний, найгарніший, щонайгарніший, найбільш гарний, міцний, міцніший, більш міцний, найміцніший, щонайміцніший, найбільш міцний, веселий, веселіший, більш веселий, найвеселіший, щонайвеселіший, найбільш веселий answer the same question «який?». The all given adjectives of singular form feminine gender like: гарна, гарніша, більш гарна, найгарніша, щонайгарніша, найбільш гарна, міцна, міцніша, більш міцна, найміцніша, щонайміцніша, найбільш міцна, весела, веселіша, більш весела, найвеселіша, щонайвеселіша.

ліша, найбільш весела answer the same question «яка?». The all given adjectives of singular form neuter gender like: гарне, гарніше, більш гарне, найгарніше, щонайгарніше, найбільш гарне, міцне, міцніше, більш міцне, найміцніше, щонайміцніше, найбільш міцне, веселе, веселіше, більш веселе, найвеселіше, щонайвеселіше, найбільш веселе answer the same question «яке?». The all given adjectives of plural form like: гарні, гарніші, більш гарні, найгарніші, щонайгарніші, найбільш гарні, міцні, міцніші, більш міцні, найміцніші, щонайміцніші, найбільш міцні, веселі, веселіші, більш веселі, найвеселіші, щонайвеселіші, найбільш веселі answer the same question «які?».

For better mastering and binding of material foreigners must to acquaint oneself with fixed sentences, texts and with dialogues what contain degrees of comparison of Ukrainian adjectives. It is necessary to offer them to give answers on some questions and to fulfill exercises – to do not a big training. It is necessary the questions, tasks in the exercises and some another recommendations for foreigners to give in Ukrainian language, what will help for better integration of foreigners to the Ukrainian language society.

Контрольні запитання / Control questions.

- What do you know about degrees of comparison of adjectives in Ukrainian language?
- How to form degrees of comparison of Ukrainian adjectives?
- How to form the comparative degree of Ukrainian adjectives?
- What forms of the comparative degree of Ukrainian adjectives do you know?
- How many types of simple form of comparative degree of Ukrainian adjectives do you know?
- What do you know about first type of simple form of comparative degree of Ukrainian adjectives?
- What do you know about second type of simple form of comparative degree of Ukrainian adjectives?
- What do you know about compound form of comparative degree of Ukrainian adjectives?
- How to form the compound form of comparative degree of Ukrainian adjectives?
- What do you know about the superlative degree of Ukrainian adjectives?
- How many types of the superlative degree of Ukrainian adjectives do you know?
- What are these types?
- What do you know about simple type of the superlative degree of Ukrainian adjectives?
- How to form simple type of the superlative degree of Ukrainian adjectives?
- What do you know about complicated (complex) type of the superlative degree of Ukrainian adjectives?

- How to form complicated (complex) type of the superlative degree of Ukrainian adjectives?
- What do you know about compound type of the superlative degree of Ukrainian adjectives?
- How to form compound type of the superlative degree of Ukrainian adjectives?
- How the adjectives of comparative degree and superlative degree coordinate with nouns?
- What questions do Ukrainian adjectives of comparative degree of singular form masculine gender answer?
- What questions do Ukrainian adjectives of comparative degree of singular form feminine gender answer?
- What questions do Ukrainian adjectives of comparative degree of singular form neuter gender answer?
- What questions do Ukrainian adjectives of comparative degree of plural form answer?
- What questions do Ukrainian adjectives of superlative degree of singular form masculine gender answer?
- What questions do Ukrainian adjectives of superlative degree of singular form feminine gender answer?
- What questions do Ukrainian adjectives of superlative degree of singular form neuter gender answer?
- What questions do Ukrainian adjectives of superlative degree of plural form answer?

Control tasks / Контрольні завдання:

Вправа 1. *Визначте ступінь порівняння поданих прикметників. Замініть складену форму поданих прикметників на просту. Поставте запитання до прикметників.*

1. Більш дорогий. 2. Менш гарний. 3. Більш глибокий. 4. Більш новий. 5. Більш вдалий. 6. Більш дешевий. 7. Більш солодкий. 8. Більш спокійний. 9. Більш крикливий. 10. Більш синій. 11. Більш холодний. 12. Більш темний.

Вправа 2. *Сформуйте просту і складену форму вищого ступеня порівняння поданих прикметників. Поставте запитання до прикметників.*

1. Сильний. 2. Здоровий. 3. Міцний. 4. Низький. 5. Високий. 6. Розумний. 7. Дурний. 8. Молодий. 9. Старий. 10. Зручний. 11. Комфортний. 12. Елегантний.

Вправа 3. *Визначте ступінь порівняння поданих прикметників. Замініть просту форму поданих прикметників на складену і на складну. Поставте запитання до усіх форм прикметників.*

1. Найбільший. 2. Найвищий. 3. Найгарніший. 4. Найсумніший. 5. Найменший. 6. Найсмачніший. 7. Найнижчий. 8. Наймолодший. 9. Найстаріший. 10. Найсолодший. 11. Найширший. 12. Найвужчий.

Вправа 4. *Виправте помилки. Замініть вищий ступінь порівняння прикметників на найвищий. Поставте запитання до усіх форм прикметників.*

1. Сильніший студентка. 2. Вища друг. 3. Нижчий сестра. 4. Тонше зошит. 5. Дорожчий сукня. 6. Новіше телевізор. 7. Молодші брат. 8. Старші онука. 9. Веселіша племінник. 10. Сумніше племінниця. 11. Менший немовля. 12. Більша цуценя.

Вправа 5. *Виправте помилки. Замініть найвищий ступінь порівняння прикметників на вищий. Поставте запитання до усіх форм прикметників.*

1. Найулюбленіший кіно. 2. Найгірший родичі. 3. Найдальші будинок. 4. Найсмачніше сік. 5. Найсолоніший каша. 6. Найкисліша огірок. 7. Найсвітліший небо. 8. Найтемніше вечір. 9. Найяскравіша колір. 10. Найгарніше брат. 11. Найстарші дідусь. 12. Найменший кошени.

Вправа 6. *Узгодьте подані іменники з прикметниками вищого та найвищого ступенів порівняння. Поставте запитання до кожного слова у фразі у формі словосполучення.*

1. Студент. 2. Іноземець. 3. Друг. 4. Мама. 5. Сестра. 6. Батько. 7. Брат. 8. Учень. 9. Немовля. 10. Племінник. 11. Тітка. 12. Племінниця.

Вправа 7. *Узгодьте подані іменники з прикметниками вищого та найвищого ступенів порівняння. Поставте запитання до кожного слова у фразі у формі словосполучення.*

1. Дядько. 2. Родич. 3. Товариш. 4. Одногрупник. 5. Парта. 6. Стіл. 7. Футбол. 8. Волейбол. 9. Гра. 10. Заняття. 11. Предмет. 12. Вазон.

Вправа 8. *Дайте відповіді на запитання, використовуючи прикметники усіх форм вищого і найвищого ступенів порівняння. Поставте запитання до усіх форм прикметників.*

1. Ваш дядько хороший? 2. Його стіл високий? 3. Її подруга вихована? 4. Твій друг старший за тебе? 5. Твої квіти запашні? 6. Дівчина, з якою ти дружиш, худа? 7. Ти товаришуєш з хорошими людьми? 8. Твій комп'ютер сучасний? 9. Ваш телевізор новий? 10. Ви продаєте свіжі булочки? 11. Вона їсть смачний борщ? 12. У вазі стоять пахучі квіти?

Вправа 9. *Дайте відповіді на запитання, використовуючи прикметники усіх форм вищого і найвищого ступенів порівняння. Поставте запитання до усіх форм прикметників.*

1. Яка у тебе племінниця? 2. Який у нього стілець? 3. Яка у неї знайома? 4. Що ти можеш сказати про свого родича? 5. Які книжки ти любиш? 6. З якою людиною ти дружиш? 7. З якими хлопцями ти граєш у футбол? 8. Який ваш телефон? 9. Який у вас словник? 10. Які овочі ви вибираєте на базарі? 11. Який суп варить оцей чоловік? 12. Які вазони стоять на підвіконні?

Вправа 10. Дайте відповіді на запитання, використовуючи прикметники усіх форм вищого і найвищого ступенів порівняння. Поставте запитання до всіх форм прикметників.

1. Ваші двері нові? 2. Твоє вікно чисте? 3. У магазині продається свіжий хліб? 4. Його ніж гострий? 5. Їхні вазони гарні? 6. Волосся дівчини довге? 7. Руки у цієї дитини брудні? 8. Ваш посуд зручний? 9. Цей фільм цікавий? 10. Ці тенденції сучасні? 11. Оце домашнє завдання легке? 12. Сумка цієї жінки важка?

Вправа 11. Узгодьте іменники з прикметниками всіх форм вищого і найвищого ступенів порівняння в однині і у множині. Поставте запитання до всіх слів в утворених фразах у формі словосполучень.

1. Каструля. 2. Сковорідка. 3. Тарілка. 4. Ложка. 5. Виделка. 6. Ніж. 7. Чашка. 8. Склянка. 9. Серветка. 10. Скатертина. 11. Стіл. 12. Стілець.

Вправа 12. Узгодьте іменники з прикметниками всіх форм вищого і найвищого ступенів порівняння в однині і у множині. Поставте запитання до всіх слів в утворених фразах у формі словосполучень.

1. Стеля. 2. Підлога. 3. Стіна. 4. Куток. 5. Поріг. 6. Двері. 7. Ручка. 8. Замок. 9. Ключ. 10. Карниз. 11. Вікно. 12. Підвіконня.

Вправа 13. Узгодьте іменники з прикметниками всіх форм вищого і найвищого ступенів порівняння в однині і у множині. Поставте запитання до всіх слів в утворених фразах у формі словосполучень.

1. Батарея. 2. Труба. 3. Стіл. 4. Парта. 5. Стілець. 6. Дошка. 7. Ганчірка. 8. Мочалка. 9. Крейда. 10. Таблиця. 11. Журнал. 12. Підручник.

Вправа 14. Узгодьте іменники з прикметниками всіх форм вищого і найвищого ступенів порівняння в однині і у множині. Поставте запитання до всіх слів в утворених фразах у формі словосполучень.

1. Чоловік. 2. Дід. 3. Дідусь. 4. Дядько. 5. Син. 6. Брат. 7. Племінник. 8. Онук. 9. Батько. 10. Тато. 11. Прадід. 12. Правнук.

Вправа 15. Узгодьте іменники з прикметниками всіх форм вищого і найвищого ступенів порівняння в однині і у множині. Поставте запитання до всіх слів в утворених фразах у формі словосполучень.

1. Жінка. 2. Баба. 3. Бабуся. 4. Мама. 5. Тітка. 6. Дочка. 7. Сестра. 8. Племінниця. 9. Онучка. 10. Прабабуся. 11. Правнучка. 12. Матір.

Thus, as can you see from the given above material a foreigners must pay attention on the fundamental characteristics of degrees of comparison of adjectives in Ukrainian language as extremely popular vocabulary. It is also necessary to pay heed to coordination of Ukrainian adjectives of different degrees of comparison and other parts of speech, questions to adjectives of different degrees of comparison and to the practical use of received knowledge in the process of mastering of material. The consecution of learning vocabulary must correspond to it necessity in use. The texts, dialogues and exercises with used in them practical information proposed for foreigners will help for more detailed mastering and binding of topic by them.

Bibliography

1. Бахтіярова Х. Ш., Лукашевич С. С., Майданюк І. З., Сечень М. П., Петухов С. В. Українська мова. Практичний курс для іноземців. – Тернопіль: Укрмедкнига. – 1999. – 320 с.
2. Вінницька В.М., Плющ Н.Г. Українська мова: Практичний курс граматики для студентів-іноземців. – К. – 1997. – 224 с.
3. Зайченко Н.Ф., Воробйова С.А. Практичний курс української мови для іноземців: усне мовлення / Н.Ф. Зайченко, С.А. Воробйова. – К.: Знання України. – 2005. – 324 с.
4. Каушанська В. Л., Ковнер Р. Л., Кожевнікова О. Н., Прокоф'єва Є. В., Райнерс З. М., Сквирська С. Є., Цирліна Ф. Я. A Grammar of the English Language. – Ленінград: Просвещение. – 1973. – 320 с.
5. Радишевська М., Погребенник В., Михайлюта В., Корольова Т., Трош Т., Гудзенко О. Українська мова. Українська література. – К. : ТОВ «Казка». – 2009. – 864 с.
6. Український правопис / АН України, Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні; Ін-т української мови – 4-те вид., випр. й доп. – К.: Наук. Думка, 1993. – 240 с.
7. Pheby John and others The Oxford-Duden Pictorial English Dictionary. – Oxford, Moscow. – 1985. – 816 с.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ КАК ПУТЬ ПРИОБЩЕНИЯ К КУЛЬТУРЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

*(на примере реализации проекта «Песнопения православной Чехии»
в ДМШ им. Б. В. Асафьева)*

Е. Г. Карпова

*Кандидат педагогических наук,
Детская музыкальная школа
им. Б. В. Асафьева,
г. Москва, Россия*

Summary. The article is about Czech Orthodox music. This topic has become a base for the project work of the schoolchildren.

Keywords: music culture; sacred music of the Czech Republic; the project work of the schoolchildren.

В сентябре 2014 года исполнилось 10 лет со дня открытия в «ДМШ им. Б. В. Асафьева» хорового отдела Православного пения. Основой обучения стало углубленное знакомство с русской музыкальной культурой. Наши учащиеся исполняют русскую народную музыку, русскую классическую музыку, осваивают как партесные церковные песнопения, так и знаменный (крюковой) распев.

Кроме того, в программу входит знакомство с музыкальной культурой народов, чьи духовные ценности близки и нам. Это византийские, грузинские, сербские, болгарские песнопения и др.

Учащиеся не только осваивают данные музыкальные произведения, но и изучают историю и культуру народов исполняемых произведений.

Особой формой приобщения к культуре славянских народов стала работа над творческими проектами и участие в научных конференциях, таких как «Сербия Православная», «Славянский мир» и др.

В мае 2014 года на Второй региональной конференции творческих работ школьников «Славянский мир» в номинации «Глаголом жги сердца людей» был представлен проект «Песнопения Православной Чехии», который занял 2 место.

Конференция проходила в Автономной некоммерческой организации, ассоциированной школе ЮНЕСКО «ГИМНАЗИЯ ЭЛЛАДА» при поддержке Московского института открытого образования (кафедра ЮНЕСКО), Государственной академии славянской культуры, Общества русско-сербской дружбы.

Проект был освещен в интервью для передачи «Дух славянский жив во веки» Радио России.

Данная работа была поделана совместно с «Православным центром непрерывного образования во имя преподобного Серафима Саровского», на территории которого находится наш отдел.

Прежде, чем начать работу над проектом, нашими ученицами Лобановой Екатериной (7 класс) и Аряшевой Ангелиной (8 класс) был подготовлен анализ положения государства Чехии с точки зрения современной карты мира.

Чехия находится в самом центре Европы, на исторических землях Богемии, Моравии и части Селезии. Чехия – страна играющая роль своеобразного порога. Это граница между западной Европой и славянским Востоком.

По преданию, на территории Чехии возникло первое славянское государство Сама. В 9 веке нынешняя Чехия входила в состав Великой Моравии, где просветители проповедники Кирилл и Мефодий создали независимую от немецкого епископата славянскую церковь и первую славянскую письменность.

В 1918 году было создано государство Чехословакия. В 1993 году возникла независимая Чехия. В 2004 году страна вступила в ЕС.

Столица Чехии Прага входит в наследие ЮНЕСКО. Название переводится как «порог». Прага находится в центре страны. Река Влтава (переводится как «дикая вода») делит город на две части. Столица Чехии состоит из районов, бывших долгое время отдельными городами: Старо Место, Ново Место, Градчаны, Мало Страна, Выше Град.

Самым «русским» городом является город Карловы Вары, хотя и находится на границе с Германией. Здесь находятся подворья Русской пра-

вославной Церкви, храм святых Петра и Павла. Их основал Карл IV. С 18 века это популярный европейский курорт. Здесь отдыхали Петр I, Гёте, Шиллер, Бетховен, Паганини, Шопен, Тургенев, Кафка, Цвейг.

Проект «Песнопения православной Чехии» продолжает ознакомление подрастающего поколения с духовной музыкальной культурой разных народов.

Его целью стало приобщение к историческим, духовным и культурным традициям чешского народа через знакомство с церковной православной музыкой.

В проекте особое место отводится исследованию Священной истории чехов, которое включает следующие этапы: принятие христианства, просвещение чехов и моравов святыми Кириллом и Мефодием, житие святого князя Вячеслава (Вацлова) и его святой бабушки Людмилы, вклад в приверженность к византийской вере «Чешских братьев».

Учащимися были проанализированы современные православные чешские песнопения из Литургии св. Василия Великого Кафедрального собора Кирилла и Мефодия в Праге (запись 2011 года); песнопения из Богослужебного сборника Чешской православной церкви; аудиозапись православных песнопений, исполняемых в православных храмах Чехии. Приведены исторические справки возникновения старославянских духовных песен «Hospodine, pomiluj ny!» («Господи, помилуй ны») и «Svatý Václave» («Святой Вацлове»). Учащиеся посетили Литургию подворья православной Церкви Чешских и Словацких земель в Москве.

При обобщении информации использовался синтез искусств (поэзия, иконопись, музыка). Были найдены аналогии с образцами русской и византийской церковной певческой культуры. Помимо глубокой исследовательской работы, учащимися был составлен словарь проекта и создан учебный видеофильм.

Учащимися были сделаны следующие выводы:

1. В современной богослужебной практике используются партесное (многоголосное) пение. Если его сравнить с церковным пением в России, то интонационных и гармонических различий нет. Однако в Русской православной церкви наряду с партесным пением сохранилось и сейчас активно возрождается монодийное (одноголосное) пение – знаменный распев. Именно монодия сохранила наш национальный колорит.

2. В православных храмах Чехии исполняют два, сохранившихся монодийных (одноголосных) старославянских песнопения. Это «Господинэ, помилуй ны!» (10 век) и «Старовацловский хорал» (12 века).

3. Чехи используют систему осмогласия, аналогичную нашей. По гласам поются не только тропари, стихиры, кондаки, прокимны, но и «Херувимская». Интересно отметить, что подобная практика исполнения «Херувимской» на гласы характерна для современной Греческой православной церкви. Однако, церковное пение у греков монодийно.

4. Из песнопений византийской традиции у чехов, как и у нас, популярно песнопение «Агни Парфенэ» («Святая Дева»), которое записал греческий святой Нектарий Аэгинский.

5. В православных храмах Чехии часто исполняют духовную музыку русских композиторов. Например, Петра Ивановича Турчанинова, Дмитрия Степановича Бортнянского.

Таким образом, мы пришли к выводу, что в современном периоде истории духовной музыки чехов отражено влияние византийской, западноевропейской, славянской и русской культур.

Библиографический список

1. Гарднер И. А. Богослужбное пение Русской православной церкви. – М., 2004. – Т. 1.
2. Митрополит Христофор. Православный мир. – Москва, 2007.
3. Скурат К. Е. История поместных православных церквей. – М., 1994. – Т. 1, 2.
4. Трубин Н. Г. Духовная музыка. – Смоленск, 2004.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) ПО ОХРАНЕ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

П. М. Егоров

*Кандидат политических наук,
Институт гуманитарных
исследований и проблем
малочисленных народов Севера
СО РАН, г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия*

Summary. The article presents are modern legislation of protection of cultural landscapes in the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: cultural landscape; the Republic of Sakha (Yakutia); cultural heritage preservation; protection.

В рамках нашего исследования[1; 2; 3], прежде всего, необходимо определиться с понятием «сельский культурный ландшафт». Согласно А. Б. Пермиловской, «сельский культурный ландшафт» – это система, включающая в себя поселение, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру. Особенно полноценно и зримо феномен культурного ландшафта проявляется в регионах с мощными этнокультурными традициями [5].

В настоящее время в Российской Федерации правовое регулирование отношений, связанных с охраной историко-культурных территорий и использованием объектов наследия, в отличие от стран Западной Европы осуществляется в рамках нескольких отраслей законодательства: о культуре, земельное, об охране окружающей среды, о градостроительстве и архитектуре, лесное, о недрах. Например, в Норвегии и Финляндии министерства окружающей среды занимаются вопросами не только природного, но и культурного наследия. Следовательно, «окружающая среда» в этих странах понимается широко, управление природным и культурным наследием в Швеции осуществляет Министерство культуры, в Италии – Министерство культурного достояния (значит, культура тоже понимается широко), в США – Служба национальных парков в составе Департамента внутренних дел (благополучие и защита интересов граждан понимаются широко). Во многих странах государственное управление природным и культурным наследием имеет ведомственное разделение, как и в России [4]. Всего на федеральном уровне насчитывается до 200 нормативно-правовых актов, затрагивающих вопросы правового статуса земель историко-культурного значения.

Государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) является одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

В 2002 г. в России были приняты новые отраслевые федеральные законы: «Об охране окружающей среды» № 7-ФЗ от 10 января 2002 (с изм. на 21 июля 2014 г.) и «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 73-ФЗ от 25 июня 2002 (с изм. на 23 июля 2013 г.). Они устанавливают основные нормативно-правовые основы систем охраны природы и недвижимых памятников истории и культуры.

Закон № 73-ФЗ регулирует отношения в области использования, популяризации и государственной охраны объектов наследия, направлен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении наследия, беречь памятники истории и культуры. Закон гарантирует гражданам Российской Федерации право на беспрепятственное получение информации об объекте культурного наследия в пределах данных, содержащихся в едином государственном реестре объектов наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Несмотря на долгое отсутствие на федеральном уровне правового регулирования отношений, связанных с охраной историко-культурных территорий и использованием объектов наследия, в нашей республике уделяется большое внимание правовым, организационным и практическим проблемам сохранения наследия.

Республиканский Закон «О государственной охране памятников истории и культуры Республики Саха (Якутия)» от 6 февраля 1997 г. Закон № 155-І (с изм. на 4 марта 2013 г.) раскрывает полномочия регионального органа исполнительной власти в сфере государственной охраны, учёта, использования и популяризации памятников, достопримечательных мест, заповедников, исторических поселений на территории региона. А также финансирования необходимых для этого мероприятий.

Так, 25 декабря 2009 года Указом Президента Республики Саха (Якутия) № 1760 был создан Комитет по охране объектов культурного наследия при Правительстве Республики Саха (Якутия), который в 2011 году был упразднён с последующей передачей полномочий Министерству культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия).

Указом Президента Республики Саха (Якутия) «Об утверждении структуры Министерства культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия)» от 05. 10. 2011 № 928 был создан Департамент по вопросам культурного наследия и взаимодействия с муниципальными образованиями.

В настоящее время в Республике Саха (Якутия) на государственном учёте находится 1586 памятников истории и культуры, из них 14 объектов имеют федеральное значение, 512 имеют республиканское значение, 73 являются объектами культурного наследия муниципального значения. Выявленных объектов археологии – 986.

Также на территории республики имеются памятники архитектуры и истории в количестве 1100, которые не приняты под охрану, но в тоже время представляют собой ценность с точки зрения истории, архитектуры, искусства, науки и техники. Министерство культуры и духовного развития Республики планирует работу по их выявлению и включению в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации [6].

Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 12. 10. 2011 г. № 956 утверждена Государственная программа Республики Саха (Якутия) «Создание условий для духовно-культурного развития народов Якутии на 2012–2016 гг.».

В подпрограмме «Сохранение объектов культурного наследия на 2012–2016 гг.» предусмотрена задача № 1 – поэтапное финансирование мероприятий по проведению полевых и камеральных работ по составлению первичной учётной документации на недвижимые памятники архитектуры, истории и археологии. В их числе – объектов культурного наследия федерального значения – для последующего включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Одной из проблем в этой сфере является факт, что никогда ранее не осуществлялась постановка на кадастровый учёт земельных участков, занятых объектами археологического наследия. Практически не принимались решения о переводе земель, занятых памятниками археологии, в кате-

горию земель особо охраняемых территорий и объектов (земель историко-культурного назначения), с соответствующими режимами их использования, не закреплялось право собственности на объекты археологического наследия, как особые объекты недвижимого имущества, которые могут находиться исключительно в государственной собственности.

Целью подпрограммы является инвентаризация объектов культурного наследия с целью подготовки первичной учётной документации на недвижимые памятники архитектуры, истории и археологии для внесения в Единый государственный реестр культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. В настоящее время Министерством культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) проводится подготовка документов для направления в Минкультуры РФ на 170 объектов культурного наследия.

Библиографический список

1. Егоров П. М. Сельский культурный ландшафт в правовом поле Республики Саха (Якутия) // Достижения вузовской науки. – 2014. – № 12. – С. 152–157.
2. Егоров П. М. Защита окружающей среды и общество в условиях промышленного освоения Республики Саха (Якутия) // Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования : материалы III международной научно-практической конференции 20–21 ноября 2013 года. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – Ч. 2. – 129 с. – С. 86-88.
3. Исследование осуществлено при поддержке гранта РФФИ «Антропология культурного ландшафта: эволюция взаимоотношений человека и природы Севера», проект № 12-06-9805 (рук. С. А. Боякова).
4. Кулешова М. Е.. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках. – М. : Центр охраны дикой природы, 2002.
5. Пермиловская А. Б. Проблема сохранения культурных ландшафтов сельских исторических поселений Русского Севера // Регионология. – 2011. – № 2. URL: <http://regionsar.ru/node/746?page=0,0> (дата обращения: 10. 02. 2014).
6. Отчёт по исполнению полномочий по государственной охране, сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия за 2012 год / Министерство культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия). Департамент по вопросам культурного наследия и взаимодействия с муниципальными образованияами. – Якутск, 2013.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РОССИИ ИНОСТРАННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А. Н. Карпухина,
Е. А. Нечаева

Студентка,
ассистент,
Ивановский государственный
химико-технологический
университет, г. Иваново, Россия

Summary. This paper is devoted to the investigation of popular software tools in economics, share determination of borrowed information technologies. And also the establishment of origin and reasons of continuity in Russian economics is considered as an object of our research.

Keywords: information technologies; intercultural communications.

Современный бизнес в России все больше ведет свою деятельность при помощи разнообразных программных средств. Менеджер фирмы является успешным только в том случае, если обладает навыками применения информационных технологий. Зачастую программы являются англоязычными, что приводит к затруднению в использовании их на российских предприятиях [2]. Исследование посвящено определению доли заимствованных информационных технологий в российском менеджменте.

При помощи статистической выборки определяется доля программных продуктов, заимствованных за рубежом и используемых в российском бизнесе. Это позволяет определить тенденции развития информационных технологий в России. Используя методы статистики и результаты социологического опроса, были проанализированы 30 наиболее популярных программных средств в сфере экономики, применяемые на российских предприятиях. Анализ позволил сделать следующие выводы: **более 64% информационных технологий являются заимствованными.** На современных предприятиях кроме российских информационных технологий используются американские, японские и немецкие программные средства. В общей совокупности программ 3,33% занимают немецкие технологии. Немецкая преемственность в российском менеджменте реализовалась скорее в сфере финансового менеджмента, чем научного. В Германии большое внимание в экономике уделено именно банковской системе. Действительно, немецкие программы используют в основном банки, а также финансовые отделы предприятий. 13,33% заимствованных программных средств составляют японские программные средства. Стоит отметить, что в основном японские программы встречаются в сфере планирования, прогнозирования и средств по принятию управленческих решений. Большую часть заимствованных программных средств (а именно 46,67%) составляют американские технологии. Это обусловлено тем, что во всем многообразии теорий и явлений живой практики американский менеджмент был и

остается наиболее мощной управленческой цивилизацией. Кроме того, надо иметь в виду, что именно в США впервые сформировалась наука и практика менеджмента. Ведущее значение американского менеджмента в мире сегодня неоспоримо, а влияние на развитие теории и практики велико.

Рассматривая полученные результаты, можно сказать, что российский менеджмент в сфере информационных технологий развит слабо, в основном используются заимствованные программные средства. Они помогают вести предпринимательскую деятельность, но в то же время являются дополнительными препятствиями [1, с. 112]. Все это ведет к потере уникальности российского менеджмента.

Библиографический список

1. Лихтенштейн В. Е. Информационные технологии в бизнесе. Применение системы Decision в микро- и макроэкономике. – М.: ФиС, 2010. – С. 112–134.
2. Нечаева Е. А. К вопросу о необходимости изучения английского языка для студентов, обучающимся по специальностям: менеджмент, маркетинг, реклама, брендинг, имиджмейкинг и PR // Современные модели в преподавании иностранных языков и культур в контексте менеджмента и качества образования. – М. : РГСУ, 2009. – С. 83–90.

**План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана,
Казахстана, Узбекистана, Украины и Чехии на базе
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2015 году**

15–16 января 2015 г.

V международная научно-практическая конференция

**«Информатизация общества: социально-экономические,
социокультурные и международные аспекты»**

(K-01.15.15)

17–18 января 2015 г.

III международная научно-практическая конференция

«Развитие творческого потенциала личности и общества»

(K-01.17.15)

25–26 января 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Региональные
социогуманитарные исследования: история и современность»**

(K-01.25.15)

27–28 января 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Идентичность личности и
группы: психолого-педагогические
и социокультурные аспекты»**

(K-01.27.15)

5–6 февраля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Актуальные социально-
экономические проблемы развития трудовых отношений»**

(K-02.05.15)

10–11 февраля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Педагогические,
психологические и социологические вопросы профессионализации личности»**

(K-02.10.15)

15–16 февраля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Психология XXI
века: теория, практика, перспективы»**

(K-02.15.15)

16–17 февраля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Общество, культура, личность
в современном мире»**

(K-02.16.15)

20–21 февраля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Инновации и современные педагогические технологии в системе образования»**

(К-02.20.15)

25–26 февраля 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Экологическое образование и экологическая культура населения»**

(К-02.25.15)

1–2 марта 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Национальные культуры в социальном пространстве и времени»**

(К-03.01.15)

3–4 марта 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы»**

(К-03.03.15)

5–6 марта 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях»**

(К-03.05.15)

10–11 марта 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи»**

(К-03.10.15)

13–14 марта 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты»**

(К-03.13.15)

15–16 марта 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»**

(К-03.15.15)

20–21 марта 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика»**

(К-03.20.15)

25–26 марта 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований»**

(К-03.25.15)

27–28 марта 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Современные инфокоммуникационные и дистанционные технологии в образовательном пространстве»**
(К-03.27.15)

29–30 марта 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Развитие личности: психологические основы и социальные условия»**
(К-03.29.15)

1–2 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе»**
(К-04.01.15)

5–6 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия»**
(К-04.05.15)

7–8 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира»**
(К-04.07.15)

10–11 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке»**
(К-04.10.15)

15–16 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»**
(К-04.15.15)

18–19 апреля 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Преимственность уровней образования: содержание, управление, мониторинг»**
(К-04.18.15)

20–21 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук»**
(К-04.20.15)

22–23 апреля 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Социально-культурные институты в современном мире»**
(К-04.22.15)

25–26 апреля 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания»**
(К-04.25.15)

28–29 апреля 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия»**
(К-04.28.15)

2–3 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования»**
(К-05.02.15)

5–6 мая 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»**
(К-05.05.15)

10–11 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире»**
(К-05.10.15)

13–14 мая 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы»**
(К-05.13.15)

15–16 мая 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»**
(К-05.15.15)

20–21 мая 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Текст. Произведение. Читатель»**
(К-05.20.15)

22–23 мая 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Реклама в современном мире: история, теория и практика»**
(К-05.22.15)

25–26 мая 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»**
(К-05.25.15)

1–2 июня 2015 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»**

(К-06.01.15)

10–11 сентября 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»**

(К-09.10.15)

15–16 сентября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»**

(К-09.15.15)

20–21 сентября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы»**

(К-09.20.15)

25–26 сентября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения»**

(К-09.25.15)

28–29 сентября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации»**

(К-09.28.15)

1–2 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»**

(К-10.01.15)

5–6 октября 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»**

(К-10.05.15)

10–11 октября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы связей с общественностью»**

(К-10.10.15)

12–13 октября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития»** (К-10.12.15)

13–14 октября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях»**
(К-10.13.15)

15–16 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия»**
(К-10.15.15)

20–21 октября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования»** (К-10.20.15)

25–26 октября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»**
(К-10.25.15)

1–2 ноября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»**
(К-11.01.15)

3–4 ноября 2015 г.

Международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»**
(К-11.03.15)

5–6 ноября 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы»**
(К-11.05.15)

15–16 ноября 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности: многообразие подходов»**
(К-11.15.15)

20–21 ноября 2015 г.

V международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»**
(К-11.20.15)

25–26 ноября 2015 г.

IV международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему»**
(К-11.25.15)

1–2 декабря 2015 г.

VI международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»**
(К-12.01.15)

3–14 декабря 2015 г.

III международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития экономики и управления»**
(К-12.03.15)

5–6 декабря 2015 г.

II международная научно-практическая конференция **«Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук»**
(К-12.05.15)

**Plan of the international conferences organized by Universities
of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Iran, Kazakhstan,
Uzbekistan, Ukraine and the Czech Republic on the basis
of Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» in 2015**

January, 15–16, 2015.

V international scientific conference **«Informatization of society: socio-economic, socio-cultural and international aspects»**
(К-01.15.15)

January, 17–18, 2015.

III international scientific conference **«Development of the creative potential of a person and society»**
(К-01.17.15)

January, 25–26, 2015.

V international scientific conference **«Regional socio-humanitarian researches: history and contemporaneity»**
(К-01.25.15)

January, 27–28, 2015.

II international scientific conference **«Identity of a personality and a group: psycho-pedagogical and sociocultural aspects»**
(К-01.27.15)

February, 5–6, 2015.

V international scientific conference **«Actual socio-economic problems of development of labor relations»**
(К-02.05.15)

February, 10–11, 2014.

International scientific conference «**Pedagogical, psychological and sociological issues of professionalizing of a personality**»

(K-02.10.15)

February, 15–16, 2014.

V international scientific conference «**Psychology of the 21st century: theory, practice, prospect**»

(K-02.15.15)

February, 16–17, 2014.

V international scientific conference «**Society, culture, personality in modern world**»

(K-02.05.14)

February, 20–21, 2014.

V international scientific conference «**Innovations and modern pedagogical technologies in the education system**»

(K-02.20.15)

February, 25–26. 2014.

III international scientific conference «**Ecological education and ecological culture of the population**»

(K-02.25.15)

March, 1–2, 2014.

III international scientific conference «**Ethnic cultures in social space and time**»

(K-03.01.15)

March, 3–4, 2015.

II international scientific conference «**Modern philosophic paradigms: interrelation of traditions and innovative approaches**»

(K-03.03.15)

March 5–6, 2014.

V international scientific conference «**Symbolic and archetypic in culture and social relations**»

(K-03.05.15)

March, 10–11, 2014.

International scientific conference «**Socio-humanitarian and medical aspects of development of a modern family**»

(K-03.10.14)

March, 13–14, 2015

III international scientific conference «**Current issues of modern socio-political phenomena: theoretical and methodological and applied aspects**»

(K-03.13.15)

March, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**Social and economic development and quality of life: history and modern times**»

(K-03.13.15)

March, 20–21, 2015.

IV international scientific conference «**Humanization of education and upbringing in the education system: theory and practice**»

(K-03.20.15)

March, 25–26, 2015.

VI international scientific conference «**Current issues of the theory and practice of philological researches**»

(K-03.25.15)

March, 27–28, 2015.

III international scientific conference «**Modern infocommunication and remote technologies in the educational space of school and higher education institution**»

(K-03.27.15)

March, 29–30, 2015.

III international scientific conference «**Personal development: psychological basis and social conditions**»

(K-03.29.15)

April, 1–2, 2015.

International scientific conference «**Building a culture of independent thinking in the educational process**»

(K-04.01.15)

April, 5–6, 2015.

V international scientific conference «**Peoples of Eurasia: history, culture and interaction problems**»

(K-04.05.15)

April, 7–8, 2015.

International scientific conference «**Migration policy and socio-demographic development of the world**»

(K-04.07.15)

April, 10–11, 2015.

V international scientific conference «**Problems and prospects of professional education in the 21st century**»

(K-04.10.15)

April, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**Informative and communicative space and a person**»

(K-04.15.15)

April, 18–19, 2015.

II international scientific conference «**Continuity of education levels: contents, management, monitoring**»

(K-04.18.15)

April, 20–21, 2014.

International scientific conference «**Human health as an issue of medical and social sciences and humanities**»

(K-04.20.14)

April, 22–23, 2015.

III international scientific conference «**Social and cultural institutions in the modern world**»

(K-04.22.15)

April, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**The childhood, adolescence and youth in a context of scientific knowledge**»

(K-04.25.15)

April, 28–29, 2015.

International scientific conference «**Culture, civilization and society: a paradigm of research and trends in interaction**»

(K-04.28.15)

May, 2–3, 2015.

III international scientific conference «**Modern technologies in system of additional and professional education**»

(K-05.02.15)

May, 5–6, 2014.

VI international scientific conference «**The theory and practice of gender researches in world science**»

(K-05.05.15)

May, 10–11, 2014.

III international scientific conference «**Risks and safety in rapidly changing world**»

(K-05.10.15)

May, 13–14, 2015.

II international scientific conference «**The culture of tolerance in a context of globalization: methodology of research, reality and prospect**»

(K-05.13.15)

May, 15–16, 2015.

VI international scientific conference «**Psycho-pedagogical problems of a personality and social interaction**»

(K-05.15.15)

May, 20–21, 2015.

III international scientific conference «**Text. Literary work. Reader**»
(K-05.20.15)

May, 22–23, 2015.

II international scientific conference «**Advertizing in the modern world: history, theory and practice**»
(K-05.22.15)

May, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**Innovative processes in economic, social and spiritual spheres of life of society**»
(K-05.25.15)

June, 1–2, 2015.

IV international scientific conference «**Social and economic problems of modern society**»
(K-06.01.15)

September, 10–11, 2015.

VI international scientific conference «**Problems of modern education**»
(K-09.10.15)

September, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**New approaches in economy and management**»
(K-09.15.15)

September, 20–21, 2015.

V international scientific conference «**Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects**»
(K-09.20.15)

September, 25–26, 2015.

III international scientific conference «**Problems of formation of a professional: theoretical analysis principles and practical solutions**»
(K-09. 25.15)

September, 28–29, 2015.

III international scientific conference «**Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization**»
(K-09.28.15)

October, 1–2, 2014.

V international scientific conference «**Foreign language in the system of secondary and higher education**»
(K-10.01.15)

October, 5–6, 2014

VI international scientific conference «**Family in a context of pedagogical, psychological and sociological researches**»
(K-10.05.15)

October, 10–11, 2014.

II international scientific conference «**Current issues of public relations**»

(K-10.10.15)

October, 12–13, 2015.

International scientific conference «**Computerisation of higher education: current situation and development prospects**»

(K-10.12.15)

October, 13–14, 2015.

III international scientific conference «**Purposes, tasks and values of education in modern conditions**»

(K-10.13.15)

October, 15–16, 2015.

V international scientific conference «**Personality, society, state, law: problems of correlation and interaction**»

(K-10.15.15)

October, 20–21, 2015.

International scientific conference «**Modern developmental psychology: main trends and prospects of research**»

(K-10.20.15)

October, 25–26, 2015.

V international scientific conference «**Socio-economic, sociopolitical and sociocultural development of regions**»

(K-10.25.15)

November, 1–2, 2015.

V international scientific conference «**Religion – science – society: problems and prospects of interaction**»

(K-11.01.15)

November, 3–4, 2015.

II international scientific conference «**Professionalism of a teacher in the information society: problems of formation and improvement**»

(K-11.03.15)

November, 5–6, 2015.

III international scientific conference «**Current issues of social researches and social work**»

(K-11.05.15)

November, 15–16, 2015.

III international scientific conference «**Problems of development of a personality**»

(K-11.15.15)

November, 20–21, 2015.

V international scientific conference «**Preparing a competitive specialist as a purpose of modern education**»

(K-11.20.15)

November, 25–26, 2015.

IV international scientific conference «**History, languages and cultures of the Slavic people: from origins to the future**»

(K-11.25.15)

December, 1–2, 2015.

VI international scientific conference «**Practice of communicative behavior in social and humanitarian researches**»

(K-12.01.15)

December, 3–4, 2015.

III international scientific conference «**Problems and prospects of development of economy and management**»

(K-12.03.15)

December, 5–6, 2014.

II international scientific conference «**Safety of a person and society**»

(K-12.05.15)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА» И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» (ISSN 2078-7081) публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера», а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука.
- В помощь преподавателю.
- В помощь учителю.
- В помощь соискателю.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов Михаил Александрович, кандидат философских наук, доцент, Ефимова Диана Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Надежда Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Николай, PhD., профессор (экономика – София, Болгария), Берберян Ася Суменовна, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Большакова Алла Юрьевна, доктор филологических наук, (Москва, Россия), Волков Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), Голандам Араш Карим, доцент (филология – Решт, Иран), Гончаров Вадим Николаевич, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия), Гринин Леонид Ефимович, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия), Исламов Захиджан Махмудович, доктор филологических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), Кашпарова Ева, PhD. (социология – Прага, Чехия), Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия), Минияров Валерий Максимович, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия), Мохначева Марина Петровна, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук, (г. Кызылорда, Казахстан), Сапик Мирослав, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), Сердобинцева Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Пенза, Россия), Танцошова Джудита, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия), Христова Наталия Цветанова, PhD., профессор (история – София, Болгария), Хрусталькова Наталья Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия), Цибак Любош, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия).

Чешский научный журнал **«Paradigmata poznání»** (Парадигмы познания) публикует научные статьи, теоретические обзоры и результаты эмпирических исследований, отзывы на книги, статьи, диссертации, рецензии, отчеты о научных мероприятиях по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем.

Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на чешском, английском и русском языках. Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (региональное отделение в г. Прага), ему присвоен номер ISSN 2336-2642. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера» <http://sociosphere.com>, на сайте Электронной научной библиотеки по адресу <http://elibrary.ru>, а также на сайте Directory of open access journals по адресу <http://www.doaj.org>.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Теория и анализ.
- Эмпирические и прикладные исследования.
- Обзоры, рецензии и отзывы.
- Научная жизнь.

Периодичность выпуска – 4 номера в год (февраль, май, август, ноябрь).

Главный редактор – Дорошина Илона Геннадьевна,
кандидат психологических наук, доцент,
заместитель главного редактора – **Кушаев Умиджон Рахимович,**
кандидат философских наук.

Редакционная коллегия: Абдуллаев Равшан Вахидович, доктор экономических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), Бойцов Виктор, DrSc., профессор (информационные системы – Рига, Латвия), Бушина Филип, PhD., MBA (экономика – Колин, Чехия), Вернигора Александр Николаевич, кандидат биологических наук, доцент (Пенза, Россия), Девярых Сергей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент (Витебск, Беларусь), Замаровский Петер, RNDr. (естественные науки – Прага, Чехия), Ивановска Божена, PhD. (социология – Варшава, Польша), Кашпарова Ева, PhD. (социология – Прага, Чехия), Крейчова Ленка, PhD. (психология – Прага, Чехия), Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия), Коротаев Андрей Витальевич, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), Кэмп Марианне, PhD., доцент, (история – Вайоминг, США), Лидяк Ян, PhD., профессор (международные отношения – Колин, Чехия), Митюков Николай Витальевич, доктор технических наук, профессор (Ижевск, Россия), Сапик Мирослав, PhD., доцент (философия – Колин, Чехия), Сигмунд Томаш, PhD. (философия – Прага, Чехия), Сзуппе Мария, PhD. (история – Иври-сюр-Сен, Франция), Танцошова Джудита, PhD., профессор (экономика – Братислава, Словакия), Хаджкова Ванда, DrPaed., доцент (педагогика – Прага, Чехия), Хайруллина Нурсафа Гафуровна, доктор социологических наук, профессор (Тюмень, Россия).

Требования к оформлению материалов, отправляемых в журналы «Социосфера» и «Paradigmata poznání»

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphere@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название жирным шрифтом, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 4–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации.

Имя файла, отправляемого по e-mail,
для журнала «Социосфера»

соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

для журнала «Paradigmata poznání» файл со статьей – **PP-Петров ИВ** или **PP-German P**, квитанция – **PP-Петров ИВ квитанция** или **PP-German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы.

Стоимость публикации в журналах составляет 250 рублей за 1 страницу. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 250 рублей за один экземпляр.

INFORMATION ABOUT THE JOURNALS «SOCIOSPHERE» AND «PARADIGMATA POZNÁNÍ»

Methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes scientific articles and methodological books for lessons and complementary activities at social-humanitarian disciplines for professional and comprehensive schools. Themes of journal cover a wide range of problems. Materials about philosophy, sociology, history, culturology, study of art, philology, psychology, pedagogy, law, economics and other social-humanitarian areas are accepted.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphaera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

- Science
- In help to professors
- In help to teachers
- In help to doctoral candidates.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (March, June, September, December).

Editor-in-Chief– Boris Doroshin,
candidate of historical sciences, assistant professor

Editorial board

Ilona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor (responsible for release), Michail A. Antipov, candidate of philosophical sciences, assistant professor, Diana V. Efimova, candidate of psychological sciences, assistant professor, Nadezhda V. Saratovceva, candidate of pedagogical sciences, assistant professor.

The international editorial council

Nikolay Arabadzhiiski, Ph.D, professor (Economics – Sofia, Bulgaria), Alla Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia), Asya S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia), Sergey N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia), Arash K. Golandam, assistant professor (Philology – Rasht, Iran), Vadim N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia), Leonid E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia), Zahidzhan M. Islamov, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), Eva Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), Natalia. Ts. Khristova, Ph.D, pro-

fessor (History – Sofia, Bulgaria), Viktor V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia), Valeriy M. Miniyarov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia), Marina P. Mokhnacheva, Doctor of Historical Sciences, professor (Moscow, Russia), Murat O. Nasimov, Candidate of Political Sciences (Kyzylorda, Kazakhstan), Miroslav Sapik, Ph.D, assistant professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), Elena N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia), Judita Tancoshova, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), Natalia A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia), Lubosh Cibak, Ph.D, MBA (Economics – Bratislava, Slovakia).

Czech science journal «**Paradigmata poznání**» (ISSN 2336-2642) publishes research papers, theoretical surveys and results of empirical studies, reviews for books, articles, dissertations, reviews, reports about scientific events at social-humanitarian, technical and natural-scientific disciplines. Themes of journal cover a wide range of problems.

The journal invites to cooperation Russian and foreign authors and accepts materials in Russian and English languages for publication. Full-text versions of all issues of journal will be placed on the website of Scientific Publishing Center «Sociosphere» <http://sociosphaera.com> and on the website of Electronic research library at <http://elibrary.ru> and also on the website of Directory of open access journals at <http://www.doaj.org>.

The content of journal has following parts:

1. Theory and analyses.
2. Empirical and applied studies.
3. Surveys, reviews and comments.
4. Science life.

Periodicity of journal – 4 issues in a year (February, May, August, November).

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor

Deputy Editor-in-Chief – Umidjon R. Kushaev, Ph.D. (philosophy),

International editorial board

Ravshan V. Abdullayev, doctor of economic sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan), Victor Boicov, DrSc., professor (Information Systems – Riga, Latvia), Phillip Bushina, Ph.D., MBA (Economics – Colin, Czech Republic), Aleksandr N. Vernigora, candidate of biological sciences, assistant professor (Penza, Russia), Sergey Yu. Devyatych, candidate of psychological sciences, assistant professor (Vitebsk, Belarus), Bozhena Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland), Vanda Hajkova, DrPaed., associate professor (Education – Prague, Czech Republic), Eva Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic), Nursafa G. Khayrulina, doctor of sociological sciences, professor (Tyumen, Russia), Lenka Krejcova, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic), Petr N. Kobets, doctor of law, professor (Moscow, Russia), Andrey V. Korotayev, doctor of history, professor (Moscow, Russia), Marianne Kamp, Ph.D, associate professor (History – Wyoming, USA), Jan Lidyak, Ph.D. professor (Political science – Colin, Czech Republic), Nikolay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor (Izhevsk, Russia), Miroslav Sapik, Ph.D. associate professor (Philosophy – Kolin, Czech Republic), Tomash Sigmund, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic), Mariya Szuppe, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France), Judita Tan-

coshova, Ph.D, professor (Economics – Bratislava, Slovakia), Peter Zamarovsky, RNDr. (Nature Sciences – Prague, Czech Republic).

**Guidelines for publications sent
to the journals «Sociosphere» and «Paradigmata poznání»**

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosphere@yandex.ru or sociosfera@seznam.cz. Each article should have a UDC. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2cm, left – 3cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (3–4 sentences) and a list of key words in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–25 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume.

The name of the file

for the journal «Sociosphere» – family name and initials of the first author, for example: **German P**. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example **German P receipt**.

for the journal «Paradigmata poznání» – the file with an article – **PP-German P**, the payment confirmation – **PP-German P receipt**.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

УДК 94(470)»17/18»

Культура г. Семиреченска в XIX веке

И. И. Иванов, кандидат исторических наук, доцент,

В. В. Петров, аспирант

Семиреченский институт экономики и права,

г. Семиреченск, N-ский край, Россия

Culture in Semirechensk in the XIX century

I. I. Ivanov, candidate of historical sciences, assistant professor;

V. V. Petrov, postgraduate student

Semirechensk Institute of Economics and Law,

Semirechensk, N-sk region, Russia

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Keywords: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется

актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб. : Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York. : H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати?

Да/нет (оставить нужное)

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг **«Премиум»** включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items)..

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences
Faculty of management, Belostok Technical University
Penza State Technological University

HISTORY, LANGUAGES AND CULTURES OF THE SLAVIC PEOPLES: FROM ORIGINS TO THE FUTURE

Materials of the III international scientific conference
on November 25–26, 2014

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Signed in print 15.12.2014.60x84/16 format.
Writing white paper. Publisher's sheets 8.42
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz